

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Ю. Г. Александров

**ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ
В ПЕРЕХОДНЫХ ЭКОНОМИКАХ
РОССИЯ – КИТАЙ**

МОСКВА
ИВ РАН
2020

ББК 65.050.9 + 66.3 (2Р + 5Кит)

А 46

Ответственный редактор

д.и.н. А. В. Кива

Рецензенты

к.э.н. А. В. Судьин, к.э.н. Н. Н. Цветкова

Утверждено к печати

Редакционно-издательским советом

Института востоковедения РАН

Александров Ю. Г.

А 46 Человеческий капитал в переходных экономиках. Россия — Китай /
Отв. ред. А. В. Кива; Ин-т востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2020. – 236 с.

ISBN 978-5-89282-984-7

В книге исследуются бывшие социалистические, а теперь переходные общества, движущиеся от хозяйственной централизации и государственного планирования к экономической свободе граждан. В связи с поставленной задачей рассматриваются тенденции развития политэкономической категории «человеческий капитал» в двух крупнейших переходных экономиках — России и Китая. При всех различиях этих стран, считает автор, и в той и в другой для успешного строительства современной динамичной экономики решающее значение имеют такие условия, при которых ее участники обретают возможность активизировать свою деятельность, повышая при этом собственный уровень как человеческого капитала.

Монография состоит из Введения, семи глав и Заключения. Первые две главы посвящены теоретической трактовке автором категории «человеческий капитал», далее рассматриваются: реальные изменения в положении трудящихся при постсоциалистических преобразованиях в России и в Китае, дается сравнительная оценка реформ и их последствий в двух государствах.

ISBN 978-5-89282-984-7

ББК 65.050.9 + 66.3 (2Р + 5Кит)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	4
Глава 1. ЛЮДИ КАК ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ.....	19
Глава 2. ПОЛИТЭКОНОМИЯ СОЦИАЛИЗМА: «ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР».....	46
Глава 3. СОВЕТСКИЙ НЭП КАК МОМЕНТ ИСТИНЫ.....	62
Глава 4. РФ: ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ. НАСТОЯЩЕЕ.....	103
Глава 5. РФ: ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ. ПЕРСПЕКТИВА.....	122
Глава 6. КНР ПРИ МАО: КОММУНИЗМ ПО-КИТАЙСКИ.....	168
Глава 7. НЭП ПО-КИТАЙСКИ: НОВЫЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ.....	198
Заключение.....	228
Summary.....	232

*Экономическая наука изучает
влияние будущего на настоящее,
выраженное в ожиданиях.*

Джон Коммонс

ВВЕДЕНИЕ

Приведенная выше как эпиграф формула американского экономиста Джона Коммонса подсказывает, что движущая сила экономики – это не «объективные законы», «процессы» или политические стратегии сами по себе, а решения, которые принимают люди, стараясь прогнозировать их результаты и последствия в самой разной перспективе – с каждой первой минуты до бесконечности. Но эта мысль полностью справедлива, конечно, только для ситуаций, в которых люди имеют возможность действовать, не находясь в запретительных рамках политики и идеологии. В обществах, где внеэкономические силы довлеют над экономической жизнью, где слиты власть и собственность, свобода экономического поведения может проявляться лишь в ограниченной мере – большей частью «в тени», в «порах» законов.

* * *

Тема этой монографии стала новой для автора по отношению к его прежним научным разработкам. В ней делается попытка понять логику тех метаморфоз, через которые прошли и проходят трудящиеся («человеческий фактор» при социализме и «человеческий капитал» в современной политэкономии) в годы строительства коммунизма «в отдельно взятых странах» и по возвращении в русло мировой экономической практики и науки. В качестве

основных объектов исследования выбраны Россия и Китай как два самых больших государства, которые в свое время дальше всех прошли по пути социалистической индустриализации, а сейчас каждое ярко демонстрирует особенности своей экономической политики.

В ряду переходных экономик эти две страны вызывают и более конкретный интерес тем особым значением, которое в каждой из них приобрела возможность активного вовлечения человеческого капитала в строительство современной динамичной экономики вместо прежней обременительной экстенсивной мобилизации. В обоих случаях это сопряжено с проблемами и судьбами людей. В России трудящиеся вышли на новую дорогу из военно-индустриального социализма с девизом годов его застоя: «Власть делает вид, что хорошо платит, мы – что хорошо работаем». В Китае – пройдя через коллективизацию, народные коммуны, выплавку «народной стали» и тоже военную индустриализацию. Почему же Китай преуспевает в модернизации своей постсоциалистической экономики, а Россия нет? Почему Китай вышел на этот путь без больших общественных потрясений, а Россия через развал СССР и всесторонний общественный кризис? Почему Китай с самого начала сохраняет высокий темп роста и модернизации экономики, а Россия затормозила начатые в 1990-е годы реформы и вот уже более десяти лет находится в неустойчивом положении между экономическим застоём и спадом? Самое распространённое мнение о нашей стране у нас, да и в Китае – это списывание всех российских бед на «шоковые» либеральные реформы. Китайские ученые, со своей стороны, считают успехи своей страны вызовом либеральным принципам «вашингтонского консенсуса», относя к таковым реформы 1990-х годов в России и экономическую политику «тигров второго эшелона» Юго-Восточной Азии.

В поисках ответа на эти вопросы автор выдвинул гипотезу, что точкой расхождения двух стратегий стали противоположные решения их политического руководства при

выборе путей выхода из сравнительно коротких периодов частичной либерализации экономической политики. В России 20–30-годов XX века – выхода из «военного коммунизма» через НЭП в тоталитарную плановую систему социализма, с превращением всех трудящихся в «социалистических работников». Такой путь продолжался до самого конца советского государства в 1991 г. А затем посредством «шоковой терапии» оно двинулось к рыночной экономике. Китай же пришел к рыночному хозяйству через исходную демократическую аграрную реформу с соответствующими изменениями положения и перспектив трудящихся. Из мобилизационной системы хозяйства Председателя Мао Китай прошествовал через реформы «нэповского» типа 1980–1990 гг. в регулируемую рыночную экономику и предпринял ее активную модернизацию. Эти расхождения между двумя странами предопределили особенности их человеческого капитала и соответственно особенности участия трудящихся каждой из них в дальнейших изменениях экономики и общества. В Китае человеческий капитал проявил себя как естественное преимущество страны в плане экономической политики и как активный субъект хозяйственной перестройки, в России – как инертный экономический ресурс, объект эксплуатации и социальной поддержки государства. Вывод о драматичном характере такого различия обосновывается автором на протяжении всей этой работы.

К истории вопроса: два послевоенных мира

Победное завершение Второй мировой войны силами антифашизма и антимилитаризма имело огромное значение для экономики человечества. В ней начались масштабные структурные изменения. С одной стороны, успешно вернулся демонтаж колониальной системы, и это привело к выходу бывших колониальных стран на мировую арену в роли самостоятельных экономических субъектов. В основ-

ном они двинулись в экономическую жизнь через рыночные отношения. С другой стороны, образовался единый блок государственных социалистических экономик – как антитеза и вызов «мировой капиталистической системе». Их народы стали объектами идеологического эксперимента над собой, попыток на основе «единственно верного научного учения» выстроить бесклассовое общество, лишенное внутренних противоречий, без частной собственности и эксплуатации человека человеком, без «хаоса» рыночной конкуренции. А в результате оказались в обществах, изолировавших себя от мировой экономики, состоявших, в основном, из массы квазинаемных государственных работников, тоже на основе общественного разделения труда – но не рыночного, а административного. Предстали как объекты эксплуатации государством при остаточном принципе вознаграждения труда, но связанные с ним обратной связью в виде закрепленных в законах его патерналистских социальных обязательств перед гражданами.

На рубеже 1980–1990-х годов итогом этого полувекового сосуществования – противостояния «двух систем» оказался самораспад «социалистического содружества». Его бывшие члены, хотя и разными путями, двинулись к формированию экономических систем на принципах, в целом, единых для всего мира. Они получили название «переходных» (transitional economics) в отличие от «развивающихся стран» (emerging markets).

В настоящем исследовании трудящимися таких стран именуются, во-первых, наемные работники, которые находятся на разных стадиях трансформации из эксплуатируемой (в любых формах) рабочей силы в полноправных ее собственников как фактора производства «труд», которые при этом юридически равноправны с владельцами капитала. Это также масса трудящихся всех видов некапиталистической (дориночной и рыночной) экономики: кооператоры, семейные и индивидуальные производители города и деревни, «самозанятые». Но перечень не включает соб-

ственников разных видов капитала, поскольку такое расширительное толкование термина означало бы уже переход от темы трудящегося человека к общетеоретической политэкономии.

Соответственно, под эксплуатацией понимается неравноправное (юридически и/или фактически) положение наемных трудящихся в отношениях со всеми теми, на кого они работают, а освобождение от эксплуатации означает обретение ими формального и фактического равноправия с ними на уровне экономических отношений. Это относится и к легализации индивидуально занятых на условиях равноправия со всеми другими участниками экономической жизни, включая само государство, в системе государственных законов.

Почему в центре внимания автора – Человек

На пространствах Земли рациональное и иррациональное начала в поведении людей, новые социальные формы и архаика не только соседствуют, но и взаимопроникают – порой самым причудливым образом.

Интерес к теме человека в экономике возник у автора далеко не вдруг. Он вызревал по мере переосмысления применительно к странам Востока положений теории К. Маркса, которую в советские времена преподавали всем как единственно правильную теорию общественного развития в отличие от остальных – немарксистских. Учение, которое (по В. И. Ленину) «всесильно, потому что оно верно», с его базовым принципом объективности движущих сил человеческого общества и выведенными на этой основе законами политэкономии. Законами, как считалось, действующими «за спиной людей», независимо от их воли – как своего рода «надчеловеческая сила».

Справедливость этого постулата выглядела весьма наглядной на фоне тех реалий, с которыми в свое время столкнулся автор, изучая аграрные проблемы стран

Юго-Восточной Азии, то есть региона, в котором при чудовищной скученности сельских жителей в зонах орошаемого земледелия с особой силой проявлялись негативные последствия быстрого роста населения в обстановке послевоенного «демографического взрыва». Ученым старших поколений помнятся дискуссии 1960-х годов об угрозе социального коллапса на перенаселенной индонезийской Яве и в других зонах орошаемого земледелия Юго-Восточной и Южной Азии. Единственным эффективным способом предотвратить его советские политики и научный офицюз считали уравнительную аграрную реформу с последующей тотальной коллективизацией крестьянства – как в сталинском СССР или в коммунистическом Китае времен Мао Цзэдуна, с переходом к тотальному планированию экономической жизни людей. И только успехи «зеленой революции» в мире на базе высокоурожайных технологий в земледелии стали признаком положительных перемен в оценке роли людей в экономике развивающихся стран. Но, конечно, в сочетании с демографической политикой снижения рождаемости.

Именно на таком фоне мною была сделана первая попытка дать свою политэкономическую трактовку аграрного перенаселения в странах Востока. Оценивая ее теперь, можно признать, пожалуй, верной критику представлений того времени о трудовых ресурсах стран Востока как о неограниченном и малоценном (из-за своей избыточности при низком качестве) ресурсе по критериям индустриальных рыночных экономик. Но еще более важным последствием для самого автора оказался неуспех его попытки дать свою трактовку аграрного перенаселения в развивающихся странах Востока, опираясь на трудовую теорию стоимости К. Маркса, с такими ее понятиями как противопоставление стоимости и потребительной стоимости продуктов труда, как «среднеобщественный абстрактный труд», лежащий в основе стоимости продуктов труда. В результате этой попытки получился парадокс: в докапиталистических эконо-

номиках абстрактный (по Марксу) труд оказался как бы растворенным во всей массе продуктов, имеющих потребительную стоимость. Но это означало, что он должен быть объектом уже не марксистского, а маржиналистского (предельного) анализа в категориях субъективной теории стоимости (или ценности – value), в которой нет искусственного разделения стоимости и потребительной стоимости продуктов труда. За абстрактными категориями начал проглядывать труд именно людей, а не «персонификаторов» абстрактного труда. Для автора это оказалось основанием для более высокой оценки перспектив вовлечения трудовых ресурсов в общественное разделение труда как его субъектов даже в самых густонаселенных развивающихся странах.

Интерес к этой теме еще усилился, когда экономисты-марксисты в попытках обосновать невозможность победы капитализма (шире – общественно-экономического строя на базе рыночных отношений) в странах Востока перешли к анализу внутренних факторов воспроизводства их экономик. Результатом стало выдвижение к началу 1980-х годов советского марксистского варианта концепции «экономического дуализма». Опираясь категориями трудовой теории стоимости, эти авторы пришли к выводу, что в густонаселенных странах Востока индустриальный капитализм может развиваться только в ограниченном индустриальном («современном») секторе экономики, оставляя запертыми в зонах деградации основную массу трудовых ресурсов традиционного сектора. Однако слабым местом этой концепции стала абсолютизация авторами трудосберегающей тенденции капиталистического производства при уже набравшей обороты экономической глобализации, в ходе которой международный капитал двинулся на соединение именно с изобильными трудовыми ресурсами развивающихся стран, начиная с Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии.

Такой новой тенденции и придал тогда первостепенное значение автор в содружестве с теперь уже покойным

Борисом Исааковичем Славным. Сам автор пошел в этом направлении от «корней травы», изучая одно из детищ НТР «зеленую революцию» в сельском хозяйстве со всеми ее экономическими и социальными последствиями. Б. Славный, с присущими ему глубоким знанием теорий занятости в развивающихся странах и широким кругозором, связал эту тенденцию с глобализацией экономики. Пионерами ее стали тогда транснациональные корпорации. В дальнейшем главный интерес самого автора переключился на другой аспект того же предмета исследования – на человека «переходных экономик» – феномен, возникший в результате тотального разворота стран социализма к рыночным принципам организации экономической деятельности.

Переходная экономика

Приступая к работе, автор исходил из того, что в глобальном масштабе история человечества характеризуется последовательным извлечением населения из ограниченных экономических и социальных образований в сферу растущего по всем параметрам общественного разделения труда. В этом он солидарен с концепцией «Универсальной культуры прогресса» (Universal Progress Culture), предложенной американским культурологом Лоуренсом Харрисоном, который увязал этот вопрос с темой глобализации. Заметим, что поддержанные ООН критерии экономического и социального прогресса не относятся исключительно к западной системе ценностей, а в мировом масштабе им противостоят консервативные и реакционные контртенденции. Эта концепция связана с категорией так называемого «культурного капитала», в которой понятие «человеческий капитал» расширяется за его строгие политэкономические границы.

Дело в том, что прогресс общественного разделения труда с самого начала идет и по горизонтальным, и по вертикальным линиям, стремясь к глобальным масштабам.

При этом вовлечение в него населения бывшей периферии экономического мира непрерывно ускоряется и усложняется. Это касается внешних требований к человеку, к его способности и готовности адаптироваться к новым, более сложным и динамичным условиям экономической жизни. Требуется выхода за ограниченные рамки традиционного образа жизни, системы потребностей, принципов принятия решений, готовности добровольно и упорно трудиться в ожидании достойного вознаграждения, наконец, движения от согласия «тратить столько, сколько можно заработать» к стремлению «зарабатывать столько, сколько хочешь тратить».

При этом отношения между участниками экономической жизни строятся в двух вариантах:

1. Между субъектами экономики (от натурального обмена до современных глобальных операций): нанимателями (включая государство и частных предпринимателей) и наемными трудящимися как между равноправными обладателями (владельцами, собственниками) капитала, с одной стороны, и рабочей силы – с другой.

2. Между разными (начиная с государства) субъектами, с одной стороны, и неравноправными с ними разными объектами эксплуатации, с другой.

Глобализация уже набрала темп и масштабность к началу 1990-х годов, когда произошло событие всемирно-исторического значения – распад мировой системы социализма, начиная с ее центра – СССР и образования на ее месте конгломерата «новых независимых государств» с «переходными» экономиками. Они разными путями двинулись из-под развалин замкнутых систем государственного социализма в мировую экономику с рыночными основами. Теперь уже (в отличие от развивающихся стран) не из «дородных», а из «антирыночных» хозяйственных систем, основанных на тотальном административном планировании, ценообразовании и распределении ресурсов, включая вознаграждение труда по «остаточному» прин-

ципу квазинаемных государственных работников. Вовлечение бывших республик Союза в новую жизнь началось в жестких условиях почти стихийной реструктуризации их экономик с либерализацией ценообразования и приватизацией «общенародной» государственной собственности. С развертыванием нового, невиданного ранее в истории, феномена – «постсоциалистического» (по моему определению) первоначального накопления капитала, с радикальными изменениями в отраслевой структуре хозяйства и занятости населения, в принципах вознаграждения участников экономики. В отличие от них в Китае (с 1978 г.), а затем во Вьетнаме и других социалистических странах Юго-Восточной Азии после отказа от социализма изменение экономического строя пошло эволюционным путем: через реформы типа советского НЭПа 1920-х годов, которые затем (в отличие от СССР) были продолжены вовлечением государственной промышленности в рыночные отношения с дальнейшей поэтапной приватизацией предприятий. В обоих случаях все это в совокупности дало новый поворот проблемам вовлечения людей в современную экономическую жизнь. Из этого, в первую очередь напрашивается вывод о «блудных детях» человечества, которые в свое время по разным причинам свернули с магистрального пути мировой экономики, но теперь впечатляюще дружно возвращаются обратно.

Автор в свое время не принял идею академика А. Д. Сахарова о взаимной конвергенции капиталистической и социалистической систем. Но 1990-е годы преподнесли гражданам новых государств из бывших советских республик неожиданные сюрпризы. Началом им послужил отказ российского руководства во главе с Б. Ельциным от рискованной погони за химерой «социализма с человеческим лицом» и решительный поворот к рыночной экономике с легализацией частнохозяйственной деятельности, либерализацией ценообразования и, без особых зазоров, к массовой приватизации государственной собствен-

сти. Подобной стратегии с теми или иными вариациями последовали, вольно или невольно, другие бывшие союзные республики – теперь члены Содружества независимых государств (СНГ). Коммунистический Китай начал выходить из социализма на десять лет раньше, отказавшись от новых экспериментов на этом пути в пользу рыночных преобразований. Но, при всех расхождениях между разными вариантами экономического «постсоциализма», представляется очевидным, что неудача строительства коммунистической экономики как исторического зигзага – вопрос далеко не только из области самой экономической жизни. Он вовсе не может рассматриваться лишь как завершение попытки модернизации хозяйства с временным отклонением от традиционных способов мобилизации ресурсов для этой цели. Метода, если можно так выразиться, «строительства здания с крыши». Это, конечно, – не цивилизационный, но, точно, масштабный культурный поворот. Он охватывает все стороны жизни обществ, которые возвращаются в мировую экономическую жизнь, все же, не из докапитализма, а из социально-экономических систем, проводивших до того индустриализацию административными методами, особенно тех, что дальше других продвинулись по этому пути. В данном случае как таковые будут фигурировать Россия и Китай. Примеры других переходных экономик привлекаются по отдельным конкретным вопросам, поскольку фактически являются вторичными.

Во всех этих странах еще не установился полный консенсус между сторонниками гражданского или патерналистского государства, разного соотношения государственного и частного секторов в экономике. Более того, не всегда есть согласие по общим вопросам о приоритетах экономики или политики в государственной внутренней и внешней стратегии, а также о гражданских либо традиционных консервативных ценностях, институтах и законах. Это подсказывает, что бесплодно рассматривать проблемы переходных обществ как таковые изолированно от опыта

мирового сообщества. Тем более, что путь в мировую экономику в качестве ее равноправных участников не был и не остается гладким и для других наций – тех, что вступили на него после распада колониальной системы, не отгораживаясь, в отличие от социалистических стран («построение социализма в одной отдельно взятой стране» или группе стран»), от мировой экономики. Да и само мировое сообщество в целом вовсе не являет собой образец последовательного и беспрепятственного движения к полной глобализации. Уже и сейчас даже на уровне самых продвинутых и успешных экономических держав идет выяснение отношений между сторонниками активной глобализации и приверженцами идеи усиления позиций региональных структур и национальных экономик. В рядах развивающихся стран тоже нет полного согласия по этим вопросам. К тому же сторонники движения в индустриальную, а затем и в постиндустриальную экономику сталкиваются с сопротивлением, которое подчас исходит из сугубо консервативных побуждений, а то и реакции – вплоть до экстремизма.

Все это подтолкнуло автора к тому, чтобы рассматривать проблему человека современных переходных экономик не как «отдельно взятую», а с учетом опыта, который нарабатывается мировым сообществом и международной наукой по мере вовлечения разных стран мира в процессы, порождаемые глобализацией экономики, и дифференциации их ответов на ее вызовы. Равным образом, происходит диверсификация экономических стратегий самих бывших социалистических государств. Сейчас, например, вряд ли уже есть прямой смысл в широком обмене опытом макроэкономической политики, скажем, между Россией и Китаем. Вторая из этих стран, скорее, сравнима с дальневосточными «тиграми первого эшелона» – Южной Кореей и Тайванем и в то же время противопоставляет себя моделям экономической политики «азиатских тигров второго эшелона» из Юго-Восточной Азии. Все больше заметны разли-

чия в экономической политике России и Казахстана – наиболее успешных членов СНГ. Соответственно, главными объектами исследования стали Россия с ее исходной «шоковой терапией» и Китай – как пример эволюционной экономической перестройки. При этом, учитывая специфику китайской стратегии постсоциалистической модернизации, будет также уделено внимание исходящей из сообщества ученых-китаистов критике «тигров второго эшелона» Юго-Восточной Азии (Малайзии и Индонезии) за приверженность либеральным принципам «вашингтонского консенсуса». Тем более, что острая критика такой стратегии (особенно в отношении реформ 90-х годов) не утихает и в нашей стране со стороны патриотов политики импортозамещения.

Постсоциалистические страны включаются в общее движение к тотальному общественному разделению труда по-своему. В отличие от развивающихся стран, они теми или иными способами вошли в этот процесс из различных систем некапиталистических отношений не по законам «догоняющего» развития, а как бы со стороны, с «обочины», по которой бежали в индустриальное общество несколько десятилетий XX века в надежде оказаться на главной магистрали впереди всего остального мира на пути в коммунистическое будущее человечества. В итоге же они запутались в противоречиях своих схем и потеряли темп – с угрозой оказаться в хвосте колонны. Такая особенность нынешних переходных обществ с бывшими антирыночными государственными хозяйственными системами вносит много нового в жизнь их собственных народов, да и всего мира. Она дает новые импульсы общественной науке, в том числе и в отношении того, что представляет собой их трудящийся, т. е., как правило, недавний социалистический квазинаемный работник, и в чем заключается проблема его адаптации к новым условиям экономической жизни.

В целом, повторим, автор исходит из представления, что в глобальном масштабе история человечества характе-

ризуется последовательным извлечением населения из замкнутых образований (ячеек, анклавов и т. п.) хозяйственной деятельности в сферу прогрессирующего по всем параметрам общественного разделения труда. Причем, прогресс с самого начала идет и по горизонтальным, и по вертикальным линиям. Но в обоих случаях отношения между участниками экономической жизни строятся в двух вариантах:

а) между равноправными ее участниками (субъектами) или между группами равноправных участников, начиная с натурального обмена и до современной глобальной экономики. Причем, и при горизонтальных, и при вертикальных отношениях нанимателей (включая государство) с наемными трудящимися – как с равноправными обладателями (владельцами, собственниками) своего труда и/или своих активов.

б) между всеми (начиная с государства) субъектами и неравноправными с ними объектами эксплуатации в разных формах.

Но чтобы глубже вникнуть в суть процессов, начавшихся в 1990-е годы, необходимо для начала обратиться в прошлое, к их предыстории. Иначе дискуссия – как это и происходит сейчас, в первую очередь, в нашей стране – рискует свестись к вкусовому выбору между «правильными» или «неправильными» решениями. Хотя на самом деле – и это следует показать – многое из того, с чем столкнулись переходные общества, было обусловлено решениями, которые принимались в них еще при социализме, начиная с самых ранних шагов. Равно как и «тигры» из числа развивающихся стран Азии прошли к этому рубежу немалый путь поисков «чужого ума», собственных проб и ошибок. Все это подтолкнуло автора к тому, чтобы рассматривать проблему человека в современных переходных экономиках не саму по себе, а в свете того опыта, который нарабатывается практикой и международной наукой, и сделать главными объектами исследования при этом Россию и Китай.

И последнее. Как уже говорилось, автор подходил к рассматриваемой проблеме постепенно, причем некоторые итоги прежних исследований, по его мнению, не потеряли актуальность и для этой работы. Соответственно в ней использованы отдельные тексты, положения и выводы предшествующих публикаций. К ним даются специальные отсылки¹.

¹ В основу главы 1 ("Люди как человеческий капитал") положена статья автора: Александров Ю.Г. Современный Восток: глобализация и новые виды капитала // (Восток (ORIENS). М., 2017, №5. С. 138–148.

Глава 1

ЛЮДИ КАК ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ

Объявленная тема книги обязывает в первую очередь объяснить, что автор имеет в виду. В экономической науке люди представлены по-разному: как экономически активное население, трудовые ресурсы, рабочая сила, фактор производства «труд». Наконец, как *человеческий капитал* – категория, которая характеризует способность людей к производительному труду в широком смысле этого понятия.

Однако так было до тех пор, пока глобализация не придала новые масштабы и темпы вовлечению в общественное разделение труда тех групп и пластов населения, для которых путь туда прежде был либо закрыт, либо они сами держались от него в стороне. Об этом сказано во Введении к книге. Открывшийся людям новый мир предъявляет им все более разнообразные требования в способности адаптироваться к сложным и динамичным условиям экономической жизни. Толкает к выходу за ограниченные рамки традиционного образа жизни, систем потребностей, критериев для принятия решений. Соответственно, жизнь бросает новые вызовы и общественным наукам. В том числе к содержанию одной из фундаментальных категорий политэкономии – понятию «человеческий капитал». До того она отражала, главным образом, характеристику участия людей в экономической жизни по принципу «один человек – одно рабочее место»¹. Отвечая на новые реалии,

¹ Например, китайский экономист Джастин Лин, труд которого «Демистификация китайской экономики» широко использован здесь (главы 6 и 7), критически заметил, что знак равенства между работником и единицей затрат труда «приравнивает работников к тракторам».

научное сообщество пошло по пути наполнения этого термина более объемным содержанием, последовательно вводя также в дискуссию такие понятия, как *социальный капитал* и *культурный капитал*.

Путь движения науки к новым рубежам рассматривается в данной главе монографии. При этом с победным маршем глобализации совпало (во всех отношениях не случайно) возвращение в общее русло развития мировой экономики большой группы социалистических стран. Им пришлось приспособливаться к новым реалиям, от которых они до того активно отгораживались. Находить для себя новые, ранее игнорированные возможности, либо все еще оставаться на обочине уже набравшей темп третьей технологической революции и появившейся на горизонте четвертой. Но те же проблемы относятся и к развивающимся странам. Это делает необходимым рассмотреть вопрос о человеческом капитале в научной интерпретации раздельно: до начала масштабной глобализации мировой экономики и после этого рубежа. Имеется в виду – до и после 1990-х годов, когда были зафиксированы два крупных события. Первое: в мире развивающихся стран вслед за многими другими огромная Индия перешла от импортозамещения к экономической открытости в духе символа глобализации – стратегии «вашингтонского консенсуса». Второе (даже не крупное, а историческое событие): вслед за тоже огромным, как и Индия, Китаем, который еще на рубеже 1980-х годов начал переход к рыночной экономике, в начале 1990-х годов отказался от коммунистического эксперимента и на тот же путь вступил весь блок евроазиатских социалистических стран во главе с Россией.

Те возможности, те проблемы и противоречия с которыми сталкиваются разные страны мира в эпоху глобализации, во многом **вытекают из их прошлого**, из того, каких стратегий и политики они придерживались до глобализации и затем – от того, как они видят свое место в общем течении мировой экономической жизни. Как будет видно

из других глав книги, вопрос о месте человека в экономике всегда находился и находится в центре озабоченности политиков и внимания ученых. Их взгляды и позиции меняются по мере того, как с ходом времени и усилий объект исследования высвечивается все яснее и предстает все более сложным. При этом страны социализма отличало специфическое положение труда в их социально-экономических системах и, соответственно, категорическое отталкивание всех научных подходов к теме человека в экономике, которые в совокупности характеризовались как «немарксистские». Такое наследие наложило свой отпечаток и на то, как осмысливается и решается в них проблема поиска новой роли человека в их переходных экономиках. Поэтому важно понять, как соотносятся между собой их социально-экономические реалии и современные научные представления о человеческом капитале. Этому будут посвящены последующие главы книги.

* * *

Современный мир характеризуется обострением противоречий, вызванных нерешенностью многих задач стабилизации политических режимов, борьбы с нищетой и динамичного роста национальных экономик, внутренних и внешних конфликтов. Нестабильность и войны в разных регионах мира подняли волну беженцев. Обострение политических и религиозных противоречий на более глубоком уровне отражает конфликтность взаимодействия специфических культур многих народов с космополитическими тенденциями глобальной экономической интеграции. Сложность новых проблем, которые встали перед мировым сообществом, предъявила счет и науке, породила в ней острейшие противоречия между различными направлениями и школами по принципиальным вопросам стабильности и развития в мире. Один из них – проблема вовлечения народных масс, относящихся к разным типам

экономической жизни и культурам, в движение к признанным мировым сообществом целям развития человечества. Широкая дискуссия вокруг этой темы как в капле воды отражается в споре о мотивациях разных групп населения развивающихся стран в их отношении к политике модернизации. С 1990-х годов к ним добавились и граждане бывших «социалистических», а теперь «переходных» стран Евразии. В этой дискуссии своего рода центром стало именно содержание понятия **капитал**.

Капитал – сложное общественное явление. В традиционном сугубо политэкономическом смысле это совокупность благ (материальных, трудовых и финансовых ресурсов, средств, активов), которые используются для его увеличения (самовозрастания) в процессе воспроизводства. Исторически он стал в первую очередь объектом изучения средствами политэкономии как науки о распределении совокупного дохода в обществе. Затем он начал изучаться средствами экономической теории («экономикс») как науки о поддержании равновесия в рыночной среде в ходе конкуренции. Но при переходе от воспроизводства индивидуальных капиталов к их мировой экспансии ограничиваться этим оказалось уже недостаточно. Сначала возникла потребность более детального анализа каждого из элементов капитала в его экономическом понимании. Затем – в изучении особенностей той среды, в которую он стал вторгаться в поиске возможностей ее преобразования в интересах самого капитала. А позже – для решения задач мирового прогресса: борьбы с бедностью и повышения качества жизни человечества. Все это стало выводить изучение капитала как общественного явления за пределы чисто экономической науки.

Вовлечение национальных экономик во внешние связи через обмен товарами, услугами, экономическими ресурсами и экспорт капиталов последовательно привели к формированию мирового рыночного хозяйства. Со второй половины XX в. оно вступило на путь глобализации. Интер-

национальный мир включается в воспроизводство национальных экономик, связывая их в единую систему. Это происходит на базе новых революционных технологий в производстве, транспорте, связи, информатике. Ускорились перемещение через все границы материальных и трудовых ресурсов, товаров, услуг. Такие изменения расширяют возможности капиталов, стимулируют их миграцию по всему земному шару в поисках наилучших условий вложения с использованием местных сравнительных преимуществ. Они вторгаются в замкнутые доиндустриальные общественные структуры с характерными для них социокультурными особенностями и ценностями, создают встречный исход из них трудовых ресурсов, но вместе с тем наталкиваются и на сопротивление. Соответственно, благодаря глобализации возможности быстро инвестировать капиталы, переносить технологии и производства в любую точку мира заставляют совершенствовать критерии и методы оценки перспектив их использования с учетом специфики той среды, в которую они внедряются. Включая и те ее особенности, которые препятствуют выравниванию мирового экономического и социального пространства. Все эти процессы влияют и на содержание понятия *капитал* – **реальный, финансовый и ресурсный капитал**².

Реальный и финансовый капитал. Расширение масштабов и ускорение движения финансовых ресурсов привели к важным изменениям. Вместе с ростом мирового **реального капитала** быстро увеличивается и его другая ипостась – **финансовый капитал**. Как самая подвижная часть капитальных ресурсов, он приобретает все большую автономность по отношению к реальному капиталу, а про-

² Из такого рассмотрения полностью выпадает политэкономия социализма, поскольку в ней общепринятая категория «капитал» (реальный, финансовый и ресурсный) относится к рыночной экономике, где капитал – самовозрастающая стоимость, приносящая прибавочную стоимость посредством эксплуатации наемной рабочей силы. Поэтому в социалистической политэкономии под капиталом понимаются, по сути, экономические производственные ресурсы, оцениваемые в условных (плановых) ценах.

цессы внутри него самого влияют на положение дел во всей мировой экономике. Например, именно финансовые сбои (финансовые «пузыри», банкротства крупных банковских учреждений и т. п.) привели к длительному экономическому спаду в Японии 90-х годов, кризису 1998 г. в Юго-Восточной Азии и мировому кризису 2008 г.

Ресурсный капитал: трудовые ресурсы. Исследователи экономик «третьего мира» столкнулись в 1950–1960-е гг., в разгар увлеченности их национально ориентированных политических лидеров импортозамещающей индустриализацией, со следующей проблемой. Тогда ряд ученых оспорили упрощенный подход теоретиков экономического роста к трудовым ресурсам стран «третьего мира» без учета их особенностей. Первоначально в центре обсуждения оказался вопрос о количественной стороне оценки экономическом потенциала и занятости в этих странах в условиях «демографического взрыва». И хотя вождь Китая Мао Цзэдун считал, что большая численность населения – источник богатства страны, а потому призывал к увеличению рождаемости³, основная дискуссия пошла по другому руслу. Нобелевский лауреат швед Гуннар Мюрдаль подверг критике на примере Индии принципы неоклассического («современного») подхода к количественной оценке трудового потенциала развивающихся стран, «вполне реалистичного для западного мира». А именно, что рабочую силу можно оценивать в основном количественно, не обращая внимания на качественные показатели, т. е. производительность труда, низкий уровень ее занятости считается вынужденным, «безработные» и «полубезработные» (кавычки Г. Мюрдаля. – Ю. А.) составляют готовый резерв рабочей силы, для использования которого требуется в основном лишь предоставление

³ После «шарахания» 1980 гг. (по смерти Мао) в сторону резкого снижения рождаемости (принцип: «одна семья – один ребенок») в современном Китае, наоборот, возникла проблема ограниченности трудовых ресурсов, и руководство страны начало постепенно смягчать свою демографическую политику (см. Главу 7).

работы. Автор объяснил, что при этом «не учитывается большинство специфических условий, характерных для южноазиатских стран, – естественных, технических, институциональных, идеологических». Это, с одной стороны, климатические факторы, плохое питание и слабое здоровье. С другой – несовершенство всех рынков, особенно рынка труда, а также специфика социальных институтов и формируемых ими традиций и взглядов. «Принятые взгляды воплощены в соответствующих общественных институтах; таким образом, взгляды и институты взаимно питают друг друга», – подчеркнул Г. Мюрдаль⁴. В соответствии со своими теоретическими предпочтениями он придал первостепенное значение именно институциональным условиям. Его вывод заключался в том, что в странах Южной Азии «готовая к предложению рабочая сила составляет очень незначительную долю всех неиспользуемых трудовых ресурсов. ...Но лишь небольшую долю этой бездействующей рабочей силы можно привести в действие простым увеличением платежеспособного спроса на нее»⁵. С практической точки зрения, это означало, что превалировавшая в то время методология оценки численности трудовых ресурсов, потенциала занятости рабочей силы и уровня безработицы неприменима к развивающимся странам. А основанные на таких данных государственные программы ориентируются на демографические, социальные и экономические условия, которые «не имеют ничего общего» с действительностью»⁶.

Заслуживает упоминания как факт попытка отечественных экономистов внести вклад в эту дискуссию с позиций марксистской теории. Его суть заключалась в идее так называемого «экономического дуализма» – как

⁴ Мюрдаль Г. Современные проблемы «Третьего мира» (Драма Азии. Исследование нищеты народов) / Сокр. пер. с англ. М.: Прогресс, 1972. С. 258, 262. [Myrdal G. *Asian Drama: An Inquiry into the Poverty of Nations*. Allen Lane, the Penguin Press, 1968; Russian Translation – Moscow: Progress, 1972.

⁵ Мюрдаль Г. Современные проблемы «Третьего мира». С. 258–259, 261.

⁶ Там же. С. 264.

принципиального несоответствия между трудосберегающей тенденцией индустриальных технологий центров капиталистической экономики и избытком неквалифицированной потенциальной рабочей силы в местных традиционных экономиках стран Востока в условиях «демографического взрыва». Однако попытки на такой теоретической основе построить двадцатилетний прогноз (на 1985–2005 гг.) при его верификации экономистом В.Н. Уляхиным (ИВ РАН) по истечении указанного срока оказались полностью неудачными: не совпали 18 позиций из 20⁷.

В общем, наука того времени еще не предлагала государственным плановикам надежных ориентиров и рецептов для включения трудовых ресурсов отсталых стран в процесс экономического развития. Однако ближе к 90-м годам положение стало меняться после того как международные экономические организации предложили миру новую макроэкономическую политику *«вашингтонский консенсус»*. Новая политика была рекомендована МВФ и Всемирным банком в противовес политике индустриализации на основе импортозамещения, которая практиковалась многими развивающимися странами в 1960–1970-е гг. В отличие от этого МВФ и Всемирный банк ориентировали их на активизацию рыночных механизмов, сокращение государственного сектора и дерегулирование, на отказ от жесткой защиты внутреннего рынка тарифными барьерами, на либерализацию внешней торговли, привлечение иностранных инвестиций. Следование этим принципам открыло путь для активного перенесения в развивающиеся страны наряду с зарубежными инвестициями новых технологий научно-технической революции, рассчитанных на использование дешевой рабочей силы, и позволило придавать индустриализации экспортную ориентацию вместо прежнего форсированного импортозамещения.

⁷ См.: Александров Ю. Г. В погоне за ускоряющимся временем // Что догоняет догоняющее развитие. Поиск понятия. Сб. ст. – М.: ИВ РАН, 2011. С. 349–369.

Яркой иллюстрацией такого поворота стала Индия. За 1950–1980-е гг. в ходе импортозамещающей индустриализации в ней был создан масштабный сектор национальной тяжелой промышленности. Но платой за это оказались закрытость экономики, низкая конкурентоспособность, недогрузка предприятий при ограниченном внутреннем спросе и ухудшение условий занятости. Последнее, в свою очередь, привело к фактическому разделению национального хозяйства на два сектора: современный индустриальный и традиционный доиндустриальный – символ нищеты и низкой мобильности трудовых ресурсов. В конечном счете это побудило руководство страны перейти с 1991 г. к стратегии открытой экономики. Еще более ярким примером стали «азиатские тигры» Дальнего Востока – Тайвань и Южная Корея. Им удалось резко повысить темпы экономического роста и придать ему свойство постоянного самоподдержания. По мнению известного специалиста по экономике этого региона, многолетнего редактора журнала «China Economic Quarterly» американца Джо Стадвелла, успехи государств Дальнего Востока стали результатом целенаправленных инвестиций в модернизацию сельского хозяйства и экспортные отрасли обрабатывающей промышленности, а также курса на массовую мобилизацию рабочей силы, а затем на повышение уровня ее технологической подготовки. Казалось, проблема вовлечения трудовых ресурсов развивающихся стран в экономический рост решена. Однако мировой кризис 2008–2009 гг. поставил под сомнение предложенные рецепты. Далеко не все страны, которые продемонстрировали быстрый прогресс, выдержали испытание. Правда, государства Восточной Азии перенесли кризис без особых потерь, хотя и с трудностями. Но «азиатские тигры второго эшелона» Малайзия, Индонезия и Таиланд пережили инфляцию, падение курса национальных валют и замедления темпов роста. По мнению того же Д. Стадвелла, различие между долговременными экономическими достижениями первых и временным прогрессом с последующей

неудачей вторых было обусловлено выбором ими разных стратегий. Япония, Южная Корея, Тайвань и Китай радикальными преобразованиями изменили структуру своих экономик настолько, что откат к прежнему состоянию оказался невозможен. А в государствах Юго-Восточной Азии правительства не реформировали сельское хозяйство должным образом и не создали конкурентоспособные предприятия, зато открыли свои финансовые секторы уже на ранних стадиях экономического развития. В результате под ударами кризиса они «начали пятиться, когда их инвестиционные фонды иссякли»⁸.

В такой оценке, несомненно, есть своя правота. Однако, отнеся провалы «тигров» ЮВА исключительно на счет их ошибочных стратегий, Д. Стадвелл остался сторонником мнения о возможности успешной модернизации развивающихся стран посредством одной лишь правильной для всех экономической политики. Но итоги кризиса привели международное научное сообщество к критике такой точки зрения. Тем более что изменения в мировой экономике создавали новые проблемы. На передний план стал выходить выбор разными странами средств модернизации теперь уже в зависимости от взаимоотношений в них экономики и политики, от специфики социальных структур и массовых идеологий. Например, в успешном Сингапуре при абсолютном преобладании китайского населения не возникло особых трудностей для реализации программы модернизации Ли Куан Ю. В Малайзии, напротив, напряженность отношений малайцев с китайским и индийским сообществами оказывает сильное влияние на государственную политику. Она реализуется через компромиссное разрешение противоречий, которые фокусируются в национальном вопросе, на основе «особой малазийской демократии» – консенсуса националь-

⁸ Стадвелл Д. Азиатская модель управления: Удачи и провалы самого динамичного региона. (Ознакомительный фрагмент). Альпина Диджитал, 2013. С. 16. – http://www.litres.ru/static/trials/22/51/28/22512809_a4.pdf (дата обращения – 26.06.2017). [Studwell, Joe. *How Asia Works*, Grove Press, 2014].

ных, социальных и религиозных групп при ориентации на «общеазиатские ценности»⁹. Соответственно осложнился и подход к «человеческому фактору» в экономике. Ограничиваться отношением к нему только как к «ресурсному капиталу» оказалось уже недостаточно. Шагом в новом направлении стала теория *человеческого капитала*¹⁰.

Человеческий капитал – способность людей к труду, приносящему доход (в широком смысле слова). Усилия, направленные на повышение качества трудовых ресурсов (профессиональных навыков, знаний, мотиваций, мобильности), получают общественное выражение в расходах на здравоохранение, образование, культуру, на социальные проекты и повышение качества жизни. Теория человеческого капитала изначально связана с именем американского экономиста Гэри Беккера, который еще в 1962 г. представил ее как экономический подход к человеческому поведению¹¹. Он исходил при этом из представлений в духе утилитаризма и рационального гедонизма о «максимизирующем поведении в широком смысле» и о «стабильности предпочтений по отношению к основополагающим объектам выбора»¹². В 1992 г. он был удостоен Нобелевской премии за «распространение экономического анализа на целый ряд аспектов экономического поведения и взаимодействия, включая нерыночное поведение». Г. Беккер руководствовался при этом представлением о ведущей роли мотивов рациональности и целесообразности в поведении людей.

⁹ Тюрин В. А., Цыганов В. А. История Малайзии. XX век. М.: ИВ РАН, 2010. С. 405–407.

¹⁰ В советской научной и политической практике вместо «человеческого капитала» фигурировало понятие «человеческий фактор». В годы «перестройки» (см. новую редакцию Программы КПСС 1986 г.) пропагандировалась идея активизации человеческого фактора путем расширения участия трудовых коллективов в деятельности социалистических предприятий.

¹¹ Беккер Г. С. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории. Пер. с англ. М.: ГУ ВШЭ, 2003. URL: <http://www.id.hse.ru/books/25342826.html> (дата обращения – 24.07.2020)

¹² Указ. ист. С. 645.

Такой подход, вполне обычный для Запада, был неоднозначно воспринят применительно к развивающимся странам, так как вопрос о поведенческих мотивациях в их социумах уже давно вызывает повышенный интерес гуманитарных наук. К тому же нарастало недовольство рецептами, которые предлагают экономисты для борьбы с бедностью и модернизации отсталых стран.

В начале 90-х годов критические оценки прозвучали в резолюции «Повестка дня на XXI век» Конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро (3–14 июня 1992 г.). Подчеркивалось, что искоренение нищеты и голода, обеспечение более справедливого распределения дохода и развитие людских ресурсов остаются главными стратегическими задачами. Но универсального подхода к этой проблеме не существует. Поэтому в резолюции были подвергнуты критике целевые программы решения пусть важных, но не связанных между собой задач: ликвидации нищеты, развития и охраны окружающей среды. Этому был противопоставлен комплексный подход к общей задаче, которая должна включать помимо вопросов о ресурсах и производстве демографические проблемы, здравоохранение и просвещение, права женщин, роль молодежи, коренных народов и местных общин, а также участие населения на демократической основе в программах развития, совершенствования государственного управления¹³.

Соответственно в научной среде усилилась критика трактовки экономического поведения людей как рационалистического вне зависимости от специфики социальных и культурных мотиваций. А на уровне стратегий – критика концентрации внимания на инвестициях в технологии и создании рабочих мест, в образовательную и профессиональную подготовку трудовых ресурсов. Тем более, что трудно увидеть принципиальную разницу в подходах

¹³ Конференция ООН по окружающей среде и развитию. Рио-де-Жанейро, 03–14.07.1992. Повестка дня на XXI в. – http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agenda21_ch3.shtml (дата обращения – 14.12.2016).

к этой проблеме сторонников **индустриализма** (например, английского философа и социолога Эрнеста Геллнера)¹⁴ на одном фланге или на другом – **институционализма** с приоритетом модернизации общественных институтов (например, цитированного выше Г. Мюрдаля). И те, и другие давали и дают технократические рецепты для борьбы с бедностью и ускорения экономического развития. Но оказалось, это не способствует в ожидаемой мере решению задач, на которые они нацелены. Поскольку теперь вопрос относится уже не только к группам населения, вовлекаемым в процесс модернизации, но и к тем, кто не поддается и даже сопротивляется этому. Такой эффект, порожденный еще индустриализацией, усиливается глобализацией, вызывая неприятие и отторжение вплоть до радикального протеста.

В новых условиях понятие «человеческий капитал» хорошо «работало», пока было связано с количественной и качественной оценкой трудовых ресурсов, мотивированных для участия в общественной экономике. Но оно оказалось недостаточным, чтобы учитывать мотивации тех, кто к этому не готов. Потому что в отличие от индустриализации, которая ограничивалась лишь частичной мобилизацией трудовых ресурсов для соединения с трудосберегающими технологиями, глобализация начала прямо и косвенно воздействовать на жизнь и тех их групп, чьи социокультурные установки и ценности оказались трудносовместимыми с ее условиями. При этом сталкиваются общечеловеческие (чаще всего отождествляемые с западными) и местные ценности. Например, в Малайзии одним из ответов местного общества на глобализацию оказался подъем мусульманского фундаментализма как «реакция традиционалистских низов малайской уммы на вторжение в привычную для них патриархально-феодальную среду капиталистических («западных») порядков и сопутствующей

¹⁴ Геллнер Э. Нации и национализм / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1991.

щих им ценностных установок»¹⁵. Крайними проявлениями неприятия глобализации и общечеловеческих ценностей стала активизация экстремистского ваххабизма и салафизма. Государственная власть, со своей стороны, ответила взрыву такого радикализма, кроме репрессий, противодействием «арабизации малайской культуры» и пропагандой «ислама хадхари» («цивилизованного ислама») – как «толерантной религии, чуждой салафитских и ваххабитских крайностей». В государственной политике была принята концепция «единой нации» на основе «особой малазийской демократии», или «зрелой консенсусной общинно ориентированной политической системы», то есть согласия национальных, социальных и религиозных групп с ориентацией не на исламские, а на «общеазиатские» ценности¹⁶.

Итак, критика предлагаемых экономистами теорий и рецептов стала громче. Особенно когда полоса успехов стран Азии и Латинской Америки в 1990-е и в начале 2000-х гг. была прервана мировым кризисом 2008–2009 гг. и в итоге оказалась для многих из них временной. Тем более что в ходе движения от индустриальной экономики к постиндустриальной большее значение приобрела оценка качественных характеристик их трудовых ресурсов как совокупности. Одним из ответов на такой вызов оказалась теория «социального капитала».

Социальный капитал. Теория социального капитала выходит за пределы аналитических возможностей традиционной экономической науки. Но эта теория широко используется в социологических, экономических и политологических исследованиях с 1990-х гг., несмотря на отсутствие единого определения и несмотря на различия в концептуальных подходах ее создателей. Среди них в первую очередь обычно называют французского социолога Пьера Бурдьё, а также американцев – историка и политолога Роберта

¹⁵ Тюрин В. А., Цыганов В. А. История Малайзии. XX век. С. 371.

¹⁶ Там же. С. 405–407, 547–548.

Патнэма, социолога Джеймса Коулмана, философа и политолога Френсиса Фукуяму. В работе «Формы капитала» П. Бурдьё дал определение понятия «социальный капитал» и указал его место в системе содержательных характеристик капитала как научной категории¹⁷. Капитал, согласно П. Бурдьё, может выступать в трех основных обличьях: экономического капитала, который непосредственно и напрямую конвертируется в деньги и институционализируется в форме прав собственности; *культурного* капитала, который при определенных условиях конвертируется в экономический капитал и может быть институционализирован, например, в форме образовательных квалификаций; наконец, *социального* капитала, образуемого социальными обязательствами, который при определенных условиях конвертируется в экономический капитал и может быть институционализирован.

Социальный капитал, со своей стороны, предстает как совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с устойчивой сетью более или менее институционализированных отношений в форме членства в группе. Группа дает своим членам опору в виде коллективного капитала, «репутации», позволяющей им получать кредиты во всех смыслах этого слова. Эти отношения могут существовать только в практическом состоянии, в форме материального и/или символического обмена, который способствует их поддержанию. Они могут быть оформлены социально и гарантированы общим именем (именем семьи, класса, племени, школы, партии и т. д.) или целым набором институционализирующих актов. В этом случае они более или менее приводятся в действие, а затем поддерживаются и контролируются в процессе обмена. Таким образом, объем социального капитала, коим располагает данный агент, зависит от размера сети связей, которые он может

¹⁷ Бурдьё П. Формы капитала // Гуманитарные технологии. Информационно-аналитический портал, 18.09.2009. – <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2009/2601> (дата обращения – 12.04.2017).

эффективно мобилизовать, и от объема капитала (экономического, культурного или символического), которым, в свою очередь, обладает каждый из тех, кто с ним связан. Это означает, что, хотя социальный капитал относительно несводим к экономическому и культурному капиталам, он никогда не остается полностью независимым от этих форм капитала. По мнению петербургских социологов Мадлен Блок и Николая Головина, концепция социального капитала генетически связана с учением Адама Смита и предстает альтернативой ему в качестве теории неэкономических социальных ресурсов. Такие ресурсы представляют собой баланс личных и общественных интересов, который возникает и растет на индивидуальном, групповом и общественном уровне в результате взаимодействия участников контактов и их коллективных действий. При этом все действия, даже свободные от интересов и не имеющие явной цели, все-таки направлены на максимизацию материальных и символических выгод. Они означают борьбу за социальное положение с выигрышами и потерями, смысл жизни и легитимность. Стратегические победы игрока на различных полях зависят от его возможностей распоряжаться определенными ресурсами, которые Пьер Бурдьё называет «капиталами». Разные виды ресурсов означают экономический, культурный и социальный капиталы¹⁸. Социологи, продвигающие теорию социального капитала, ставят перед собой разные задачи. Но в рамках темы модернизации развивающихся стран особый интерес представляет дискуссия о том, в каком отношении находится социальный капитал, та или иная система связей, к общественному прогрессу, понимаемому в духе общечеловеческих ценностей, а в каком, наоборот, препятствует ему. Насколько этот вопрос актуален, видно из опыта сложных проблем, с которыми государство сталкивается в усилиях раскрыть навстречу модернизации

¹⁸ Блок М., Головин Н. Социальный капитал: к обобщению понятия // СПб.: Вестник Санкт-Петербургского университета. 2015. Сер. 12. Вып. 4. С. 100–101.

традиционные социальные структуры. Например, у малайского населения в отличие от китайской и индийской групп современной Малайзии.

Поэтому многих участников дискуссии по этой проблематике не устраивает взгляд сторонников теории социального капитала на неэкономические отношения как на проявление рационального эгоизма. Обращение к неэкономическим отношениям стимулировало желание заглянуть в их глубину – сферу национальных культур и религий. В этом смысле более радикальную позицию заняли теоретики *культурализма*. Он включает понятие «*культурный капитал*».

Культурный капитал. Это понятие было введено в оборот упомянутым выше Пьером Бурдьё как третье (в добавление к уже принятым двум – *экономическому* и *социальному*) обличье капитала. Он при определенных условиях может конвертироваться в экономический или социальный капитал. Но применительно к проблемам современного мира в виде кризиса мультикультурализма, а также в свете политической и экономической несостоятельности многих постколониальных независимых государств понятие «культурный капитал» активизировал американский культуролог и специалист по вопросам международного развития *Лоуренс Харрисон* в монографии 2012 г. под названием «Евреи, конфуцианцы и протестанты. Культурный капитал и конец мультикультурализма». Это понятие, по мысли Л. Харрисона, способно показать, создает ли та или иная культура благоприятные условия для экономического развития и социального прогресса либо, наоборот, препятствует им¹⁹. Исследователь добавляет новое измерение – культурный капитал – к более ранним понятиям капитала, к которым он относит: финансовый/ресурсный, или капитал как собственность; человеческий, т. е. качество

¹⁹ Харрисон Л. Евреи, конфуцианцы и протестанты. Культурный капитал и конец мультикультурализма / Пер. с англ. М.: Мысль, 2014. – <https://philocv.files.wordpress.com/2016/06/harrison1.pdf>. (дата обращения – 06.01.2017).

рабочей силы; социальный – свойственная обществу тенденция поощрять объединение своих членов. Культурный капитал «тесно связан с человеческим и социальным капиталом; он может рассматриваться как ключевое условие, способствующее их росту.

«В обществах, где ценится успех и образование, больше человеческого капитала; в обществах, делающих упор на этичное поведение и доверие, больше социального капитала»²⁰. Далее эта тема будет рассматриваться в связи с критикой одной из самых актуальных современных теорий – **мультикультурализма**. Его концепция в своих главных позициях будет представлена ниже – в сопоставлении с другими точками зрения. Все изложенные выше новации в отношении понятия «капитал» в экономической науке, социологии и культурологии представляют, по сути, взгляды на одну проблему с разных точек зрения, или, точнее, в разных плоскостях. Не удивительно поэтому, что каждый новый подход критичен по отношению к остальным. В оценках других теорий авторы выступают как представители разных научных направлений общей теории модернизации: **индустриализма**, **институционализма** и **культурализма**. При этом накал критики повышается по мере того, как к дискуссии подключаются противники чрезмерной рационализации неэкономических аспектов поведения людей и групп. Особенно в отношении развивающихся стран, а среди них – различных культурных ареа-

²⁰ Там же. С. 6–8. В отношении российских и китайских реалий времен социализма категории «социальный капитал» и «культурный капитал» могут «работать» применительно к таким феноменам как трудовые коллективы, производственные кооперативы, различные формы вертикальной мобилизации трудящихся через государственные и контролируемые им «приводные ремни», а также все виды неформальных связей в таких рамках. При этом особо обращает на себя внимание тенденция более или менее явно выраженной архаизации различных экономических, социальных и этнических групп трудящихся. В постсоциалистических условиях прослеживаются существенные различия в степени ориентации социального и культурного капитала экономически активного населения на цели экономического роста и социальной модернизации между Китаем и Россией.

лов, к которым те принадлежат. Прежде всего внимание уделяется Востоку – родине всех мировых религий и связанных с ними культур. Тем более что в постколониальную эпоху именно Восток продемонстрировал огромные различия в расположении разных стран на шкале общественного прогресса в соответствии с критериями ООН. Например – разница между Дальним Востоком и Ближним Востоком. Им соответствуют и различия в проблемах, которые возникают в ходе глобализации. Ниже будет рассмотрен вопрос, как вектор движения общей дискуссии отражается в столкновении позиций ее участников.

Индустриализм. Это подход к проблемам экономического развития и государственного строительства, основанный на признании развития материальных производительных сил общества как двигателя прогресса человечества. До последнего времени он был на авансцене мировой науки и политики применительно к развивающимся странам. Теперь же он активно отодвигается на обочину сторонниками других теорий, которые обвиняют его приверженцев в прямолинейном понимании закономерностей общественных изменений. Главная особенность индустриализма применительно к предмету дискуссии – недооценка культурных различий внутри общества.

Так, английский философ и социальный антрополог Эрнест Геллнер считал, что XIX–XX вв. стали временем «небывалого накала национализма как отражения и следствия индустриализма»²¹. Понятие «национализм» у него относится к населению государства, объединенному общей культурой. Это такие сообщества, в которых специфические культуры доиндустриального мира «разрушаются в страшном «плавильном котле» раннего индустриализма» и заменяются «общей космополитической культурой индустриализма»²². В этом, по Геллнеру, отличие индустриализма от

²¹ Геллнер Э. Нации и национализм. 1991. С. 6.

²² Там же. С. 7, 9–10, 285–289.

националистических теорий, рассматривающих нации как «устойчивые естественные социальные общности, которые лишь пробуждаются в эпоху национализма». Механизмы индустриального общества делают то, чего не может ни одна бюрократическая система: упорядочивают всю сложность реальной этнической ситуации. Культурная дифференциация играет роль противовеса, который способствует поддержанию стабильности общества в условиях социально-экономической дифференциации и размывания границ территориального распространения этносов. А потому, считает Э. Геллнер, «существует некая доля истины в надежде, что прогрессивные формы производственной жизни приведут если не к интернационализму, то, по крайней мере, к значительно большей степени этнической терпимости»²³. С индустриализмом связаны и представления о рассмотренных выше видах капитала в рамках экономической науки: реального, финансового, ресурсного, человеческого, а также социального капитала – в той мере, в какой он связан с капиталом экономическим. Но в целом теория индустриализма не имеет средств объяснения тех острых культурных антагонизмов, которые сотрясают современный мир. Зато она немало способствовала утверждению в международном экспертном сообществе технократического подхода к борьбе с нищетой и к стратегиям модернизации развивающихся стран.

Институционализм. Яркими представителями этого движения стали экономисты: американец Дарон Аджемоглу и англичанин Джеймс Робинсон – авторы исследования «Почему одни страны богатые, а другие бедные», а также американский экономист и политолог Уильям Истерли с монографией «Тирания экспертов». Д. Аджемоглу и Дж. Робинсон, не ограничившись критикой индустриализма, заодно отвергли все другие известные теоретические объяснения бедности в мире. В том числе и культурологический, с кото-

²³ Там же. С. 15, 19.

рым связана теория культурного капитала: «Те аспекты культуры, которые особенно часто привлекают к себе внимание, – религия, этические принципы, “африканские” или “латиноамериканские” ценности, – как раз не особенно важны для понимания того, как возникло нынешнее неравенство и почему оно столь устойчиво». Вместо этого они предложили объяснение в духе институционализма: «Другие аспекты культуры – такие как уровень доверия в обществе и склонность членов этого общества к кооперации друг с другом – важнее, но они в основном суть следствие работы определенных институтов, а не самостоятельная причина неравенства». Авторы выделяют два типа институтов. «*Инклюзивные*» (в США или Южной Корее) разрешают и стимулируют участие больших групп населения в экономической активности, а это позволяет наилучшим образом использовать их таланты и навыки, оставляя при этом право выбора за каждым человеком. Обязательная часть инклюзивных институтов – это защита прав собственности, беспристрастная система правосудия и равные возможности экономической деятельности для всех граждан. Им противоположны «*экстрактивные*» институты, предназначенные для того, чтобы выжимать максимальный доход из эксплуатации одной части общества и направлять его на обогащение другой части. При этом существует сильная синергия между экономическими и политическими институтами. Соответственно политические и экономические институты могут способствовать либо препятствовать экономическому росту. Именно поэтому «политический процесс выбора институтов является центральным для понимания того, почему одни страны добиваются успеха, а другие терпят крах».

Уильям Истерли в монографии «Тирания экспертов»²⁴ с особо эмоциональной силой обрушился на «технокра-

²⁴ Истерли У. Тирания экспертов. Экономисты, диктаторы и забытые права бедных / Пер. с англ. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. (Ознакомительный фрагмент: Введение, гл. 1). – <http://economytimes.ru/sites/default/files/Easterly.pdf> (дата обращения – 17.12.2016).

тов» в лице чиновников международных организаций и всех тех, кто в научном истеблишменте активно создает для них исключительно благоприятную среду. В своей книге он пишет о «злополучном союзе трех групп, претендующих на неограниченную власть». Во-первых, это «архитекторы внешней политики развитых стран, в которой учитываются интересы самих развитых стран, но при этом игнорируются права жителей остального мира». Во-вторых, – «автократические режимы, угнетающие собственные народы в развивающихся странах и получающие поддержку со стороны архитекторов внешней политики развитых стран». В-третьих, – «эксперты по вопросам развития, признающие автократическую власть первых двух группировок ради осуществления собственных целей, которые ими характеризуются как политически нейтральные, чисто технократические решения проблем мировой бедности». У. Истерли пишет: «Лучшие решения для экономического развития страны принимаются на основе опыта самой этой страны». По мнению этого автора, «традиционный» подход к экономическому развитию, призванному сделать бедные страны богатыми, основан на технократической иллюзии. На веру, что бедность – «техническая проблема, которая поддается чисто техническим решениям», «на иллюзии», поскольку тем самым подразумевается согласие с авторитарными методами государственного управления и потому игнорируется действительная причина бедности, а именно – неограниченная власть государства по отношению к лишенным прав беднякам. Отсюда главный вывод автора в духе институционализма: «Причина бедности кроется в отсутствии политических и экономических прав, в отсутствии свободной политико-экономической системы, способной найти технические решения проблем бедняков». При этом важно, во-первых, что «технократические решения игнорируют историю как предмет малозначимый, т. е. выражают взгляд, который можно назвать «теорией чистого листа»». Во-вторых, делается акцент на «общемировых» факторах, а не национальных – таких, как техноло-

гии, ценности и сетевые контакты, – на том, «что мигранты переносят из одной страны в другую»²⁵. Однако особенность нынешнего этапа дискуссии состоит в том, что индустриализм и институционализм подвергаются все более сильному давлению со стороны культуралистов, неудовлетворенных результатами практикуемых идей и рецептов²⁶.

Культурализм. Английский историк Питер Бёрк в своем труде «Что такое культурная история?» утверждает, что во всех гуманитарных науках – политологии, географии, экономике, психологии, антропологии, археологии – произошел масштабный «культурный поворот: сдвиг от признания всегда одинаковой рациональности... в сторону усиления интереса к ценностям, которых придерживаются конкретные группы в конкретных местах и в конкретные периоды»²⁷.

Развернутую концепцию влияния культуры на все стороны жизни общества, включая экономическое развитие и критику мультикультурализма, представил уже упомянутый выше американский культуролог Лоуренс Харрисон в монографии «Евреи, конфуцианцы и протестанты. Культурный капитал и конец мультикультурализма». Именно им, напомним, было предложено понятие «*культурный капитал*». Свои идеи он продвигает в бескомпромиссной полемике с идеологией мультикультурализма: «Мультикультурализм базируется на хрупком основании – *культурном релятивизме* (курсив мой. – Ю. А.), т. е. на представлении, что ни одна культура не лучше и не хуже, чем любая другая, она просто иная». Но, спрашивает он: «Что если задача состоит в том, чтобы оценить степень, в которой та или иная культура способствует продвижению к демокра-

²⁵ Там же. С. 20–21, 26.

²⁶ В советской Средней Азии это выразилось особенно наглядно в кризисе сельского общества в результате «хлопковой авантюры», который продолжается и поныне в других формах.

²⁷ Бёрк П. Что такое культуральная история? / Пер. с англ. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. (Ознакомительный фрагмент: Введение, гл. 1. Великая традиция). – https://id.hse.ru/data/2015/10/14/1075883074/Burke_site.pdf (дата обращения – 01.08.2016).

тической системе правления, социальной справедливости и ликвидации бедности, т. е. к целям, содержащимся во Всеобщей декларации прав человека ООН?». В этом случае «культурный релятивизм становится гигантским препятствием, поскольку требуемая оценка предполагает, что одни культуры в большей степени питают прогресс, чем другие, и оспаривает саму суть культурного релятивизма». Это относится и к «*религиозному релятивизму*» (курсив мой. – Ю. А.) – мнению, что «все религии должны считаться равноценными и ни при каких условиях не должны быть предметом сравнительных ценностных суждений».

Ко всему этому добавляется и «*релятивизм экономистов*»²⁸ (курсив мой. – Ю. А.). Л. Харрисон дает пояснение на этот счет: «Экономическая наука предоставляет “дополнительную подпорку” культурному и религиозному релятивизму», которые составляют «основной интеллектуальный фундамент мультикультурализма». По его мнению, культуры только равноправны, но не равны. Есть набор ценностей, который более других способствует достижению целей мирового прогресса в понимании организованного мирового сообщества – ООН. Такой набор он назвал «Универсальной Культурой Прогресса» (Universal Progress Culture). В него входят, например, сосредоточенность на будущем, образование, успех, достоинство, бережливость и этичное поведение²⁹.

В ходе дискуссии на тему формирования наций и бедности в мире экономист из Уэльса Пол Коллиер осудил типичную для этой темы практику «табу». Например, «борьба за проведение той или иной миграционной политики ведется с использованием конкурирующих ценностей, а не конкурирующих фактов»³⁰. В первую очередь он отнес это к поведению либерального истеблишмента, у которого,

²⁸ Харрисон Л. Евреи, конфуцианцы и протестанты. С. 10–11, 12–13, 14–15.

²⁹ Там же. С. 10–11, 12–13, 14–15.

³⁰ Коллиер П. Исход. Как миграция меняет наш мир / Пер. с англ. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2016. С. 21.

например, «нравственная позиция по отношению к миграции переплетается с позициями по отношению к бедности, национализму и расизму». Сам он считает, что «мы уже в состоянии провести различие между такими концепциями, как раса, бедность и культура. Расизм – это убеждение в существовании генетических различий между расами, хотя это мнение не подтверждается никакими фактами. Бедность обусловлена низким уровнем доходов, а не генетикой. ...Культура не наследуется генетически, она представляет собой изменчивое сочетание норм и привычек, влекущих за собой важные материальные последствия». И как уточняющий афористический вывод: «Отказ учитывать *расово обоснованные* различия в поведении – это проявление человеческого достоинства. Отказ учитывать *культурно обусловленные* различия в поведении был бы слепым отрицанием очевидных фактов» (в обоих случаях курсив мой. – Ю. А.)³¹. Добавлю: если обратиться к опыту Востока, то очевидно, что разрывы между разными его странами в результатах модернизации и борьбы с нищетой велики. Острой постановкой вопросов Л. Харрисон и другие критики мультикультурализма вывели общую дискуссию на более высокий теоретический, идейный и политический уровень, чем ранее. Ее ход и тон показали, что на обочину уже оттеснены идеи индустриализма как средства решения проблемы бедности одними методами «плавильного котла» для народов. И, похоже, никто, за исключением «левых» индустриалистов, не возлагает больше особые надежды на крутую смену вектора экономического развития с глобализации на национальное импортозамещение. Расчеты на «переваривание» специфических культур мира в плавильном котле индустриализма (Э. Геллнер, см. выше) не сбылись. В отсталых странах и даже на периферии развитых стран эта стратегия породила массу маргиналов на обочине «современных» секторов экономики. Среди тех,

³¹ Там же. С. 33–34.

кто выступил против «технократов», как показано выше, видное место заняли ученые-институционалисты. Но при этом они сами рассматривают население развивающихся стран обобщенно – как «народы», либо «общества», либо «граждан» (в общем, массу) – и не порывают с традицией мыслить в рамках идеологии естественного права и утилитаризма, а также рационалистической психологии гедонизма. В отличие от них культуралисты исходят из того, что в мире произошел сдвиг (П. Бёрк) от признания всегда одинаковой рациональности в сторону интереса к ценностям, которых придерживаются конкретные группы в конкретных местах и в конкретные периоды. Л. Харрисон, следуя Г. Беккеру, ввел в дискуссию понятие «культурный капитал» как основу для типологии, позволяющей судить, создает ли та или иная культура благоприятные условия для экономического развития и социального прогресса.

В целом дискуссия о борьбе с бедностью, модернизации и мультикультурализме показала, что ее участники, как правило, демонстрируют неприятие позиций не только «технократов», но и друг друга. И даже когда рекомендации совпадают у них по форме, они наполняются разными ожиданиями. И не удивительно. Научные теории – проекции жизни на экран абстракций. Они нуждаются в проверке. Авторы всех теорий капитала связаны каждый с определенным научным направлением. Но общий вектор движения направлен в сторону теорий, включающих в проблематику модернизации изучение неэкономических отношений. Особенно на основе подходов, которые позволяют рассматривать поведение групп, так или иначе сопротивляющихся модернизации общества по причинам, которые имеют не только рациональное обоснование.

В последующих главах все эти вопросы будут рассматриваться применительно к реалиям России и Китая. В первую очередь, с прицелом на то, какие факторы жизни этих стран способствуют или препятствуют активизации их человеческого капитала ввиду задач экономической и

социальной модернизации их обществ. Что возобладает в них: технократическое управление или инициатива снизу? Вообще и, особенно, по мере прогресса четвертой технологической революции. Как при этом предстает то наследие, с которым человеческий капитал перешел из социалистического прошлого в новое состояние? В итоге можно заключить, что неконфликтное разрешение противоречий между новой рациональностью жизни и социальной инерцией прошлого может быть достигнуто через преодоление разрыва прямых и обратных связей между анклавами экономического роста, с одной стороны, и периферией низкой производительности труда и доходов, с другой.

Глава 2

ПОЛИТЭКОНОМИЯ СОЦИАЛИЗМА: «ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР»

*Подпоручик Синюхаев привык внимать
словам приказов как особым словам,
не похожим на человеческую речь.
Они имели не смысл, не значение,
а собственную жизнь и власть.*

(Ю. Тынянов. Поручик Киж)

Официальная политэкономия социализма, которая считалась (в противостоянии со всеми остальными, «немарксистскими», теориями) единственно верным и обязательным «учением» до конца советской власти, подчинялась двум обязательным требованиям. Первое, – «творческому применению» к условиям конкретной страны общих постулатов теории (учения марксизма-ленинизма). Вторым (не постулированным, но фактическим) условием было следование правилам, которые можно приравнять к художественному методу социалистического реализма с его принципом «отображения настоящего с позиций будущего». То есть (на уровне теоретической модели) конструирование не сущего, а должного – некоей идеальной модели желательной реальности. При всем при том, ее постулаты были заложены в конституционные основы общественно-экономического строя СССР и создавали ограничительные рамки для экономического поведения граждан. Равным образом, существует прямая связь между установками советской политэкономии и оценками советскими экономистами

условий и перспектив вовлечения в общественное производство трудовых ресурсов в зарубежном мире¹. В данном случае речь идет о развивающихся странах Востока, с которыми применительно к теме человека в экономике нынешние постсоциалистические переходные экономики сопоставимы как два потока движения к единой цели – безостановочному экономическому росту.

Советский Союз с переходом к форсированной социалистической индустриализации порвал с мировой экономической наукой. В эти годы начались аресты и затем расстрелы талантливых ученых-экономистов. Среди них ныне особенно известны элите мировой экономической науки Н. Д. Кондратьев и А. В. Чаянов. Из самых именитых в наше время уцелел только Василий Леонтьев. Обладая, видимо, помимо научного дарования недюжинным здравым смыслом, он в 1926 г. не вернулся из командировки в Германию, затем перебрался в Америку и в итоге стал признанным главой одного из самых крупных направлений в области теории экономического равновесия и Нобелевским лауреатом. В СССР единая теоретическая экономическая наука была заменена тремя предметами, по сути относившимися скорее к области идеологической пропаганды: «политэкономией капитализма», в основу которой был положен превращенный в догму «Капитал» Маркса, «критикой немарксистских экономических теорий» и «политэкономией социализма». Последняя представляла собой смесь пропагандистских лозунгов и установок (вроде сталинского «основного экономического закона социализма») с поверхностным и апологетическим описанием основных элементов советской хозяйственной системы – такой, какой ее хотели видеть официальные государственные идеологи. Научные исследования были жестко ограничены прикладной проблематикой – главным образом, вопросами оптимального

¹ Вывод советских политэкономистов о якобы принципиальной невозможности решать в развивающихся странах проблему занятости на путях капитализма с его законом стоимости кратко упоминался с соответствующей ссылкой в главе 1.

планирования в рамках принятой идеологической и стратегической доктрины.

В конечном счете, в результате смены идеологической парадигмы стратегии модернизации в СССР утвердилась своеобразная модель экономики. Она была основана на тотальном общественном разделении труда – но таком, которое устанавливалось принудительно, в административном порядке, аналогично технологическому разделению труда. Соответственно, при этом исключались любые экономические критерии кроме производственных издержек, и это делало невозможным общественную оценку результатов каждого хозяйственного акта в их общем круговращении. А следовательно, рациональное хозяйствование как таковое.

В советской системе, согласно политэкономии социализма, процесс воспроизводства обеспечивало государство. Его основной функцией было плановое распределение ресурсов в соответствии с приоритетами государственного руководства. Идейной основой такой практики была теория трудовой стоимости К. Маркса. В соответствии с ней, стоимость товаров – величина объективная и потому может быть вычислена еще до начала процесса производства, если заменить частную собственность и рынок общественной собственностью и научным методом управления хозяйством. Полагали, что в таком случае трудовые затраты и прочие показатели не только отдельного предприятия, но и всего общества можно планировать далеко наперед. Этому соответствовала и роль денег в социалистическом «народном хозяйстве», которое по своей сути было экономикой «денежной, но не рыночной»².

Казалось бы, даже по устаревшей экономической теории К. Маркса, деньги должны выполнять несколько функций: меры стоимости, средства обращения, средства платежа, образования сокровищ, мировых денег³. Но в советской

² См. подробнее: Александров Ю. Г. Когда экономика денежная, но не рыночная // Мировая экономика и международные отношения. М., 2000, № 11. С. 79–91.

³ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том I, кн.1. – Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры. 1960, т. 23, С. 104-156.

нерыночной системе продукты труда не имели стоимости в том смысле, в каком это имел в виду К. Маркс для рыночной экономики: их объективного сопоставления «за спиной производителей». Тем более, отвергался механизм сравнения «стоимости» (или «ценности») товаров в мировой экономической науке. В теории трудовой стоимости такая оценка просто отсекалась и отдавалась на откуп товароведам.

Для темы человеческого капитала это особенно важно: потребитель, во-первых, вообще исключался из оценки общественной полезности продукта, во-вторых, не имел возможности активизировать своим спросом предложение товаров и услуг. Как будет показано дальше, в советской экономике продукты труда вообще должны были быть (за исключением «колхозного» рынка, сельской потребкооперации и, отдельно, теневой экономики) и реально становились не товарами, а продуктами планового распределения по твердым государственным ценам в соответствии с принципом удовлетворения *«объективных потребностей» потребителей, а не спроса*. К этому последовательно стремилось государство, выстраивая на будущее еще во времена НЭПа отношения производителей и потребителей. Соответственно, директивное государственное планирование исключало возможность для денег (т. е. для потребителей – в конечном счете, людей) стимулировать производство товаров через спрос. Поэтому вместо этого рос так называемый «денежный навес» («отложенный спрос»), который в конце концов обрушил в 1991 г. советскую финансовую систему.

«Твердость» рубля должно было гарантировать выполнение государственных планов. Поэтому, фактическим проявлением инфляции в советской экономике был не рост цен, а продуктовый дефицит⁴. Это же сделало рубль непол-

⁴ Во второй половине 80-х годов «денежный навес» в виде сберегательных вкладов населения увеличивался год от года по нарастающей: с 10% в 1985 – до 13–13,5% в 1989–1990 гг. В 1991 г., несмотря на двукратное повышение оптовых и розничных цен, он увеличился скачкообразно – более чем на 70%. («Страны – члены СНГ». Статистический сборник. Статистический комитет СНГ. М., Финансовый инжиниринг, 1992. С. 362).

ноценным сберегательным инструментом. Деньги потребителей в виде наличности либо вкладов (даже не в банки, а в «сберегательные кассы») не стимулировали предложение продуктов и услуг. То, что в политэкономии социализма и практике социалистического государства неточно называлось «платежеспособным спросом», могло быть учтено (либо игнорировано) при составлении новых государственных планов. «Дефицит» списывался при этом на «нераспорядительность торговых организаций»⁵. Роль денег оказалась, таким образом, фактически сведенной, в основном, к одной функции – средства расчетов и платежей в связке: директивные планы – твердые цены – распределение продуктов и услуг как квазитоваров. Все это в совокупности исключало возможность для советских денег превращаться в капитал, а трудящихся – в человеческий капитал по критериям мировой экономической науки.

В официальной советской политэкономии был постулирован специфический взгляд на деньги при социализме. При этом упор был сделан на главное заблуждение (скорее, предрассудок) К. Маркса: отождествление рынка и конкуренции с разрушительным хаосом. Это касалось всего: товарно-денежных отношений, стоимости продуктов труда, цен, сущности и функций денег, а в конечном счете – прав людей принимать и отстаивать свои решения. Такие изыскания идеологов социализма стали обоснованием (а фактически оправданием) практики централизованного государственного управления общественным хозяйством – от организации производства до распределения продуктов труда для каждого отдельного человека. При капитализме, говорится в советском учебнике политэкономии социализма, общественная стоимость товара «складывается стихийно, за спиной товаропроизводителей. В условиях же социализма государство оказывает плановое воздействие

⁵ «Экономический закон» социализма: «Не все то продается, что покупается». Один из символов социалистического равенства – очередь: «живая» для равных граждан и «очередь внеочередников» – для «более равных» из них.

на формирование и постепенное снижение общественной стоимости – централизованным установлением единых цен, политикой их снижения, разработкой научно обоснованных отраслевых нормативов удельного расхода сырья, материалов, топлива и живого труда»⁶. В конечном счете, – поясняется далее, – «на базе общественно необходимых затрат с учетом спроса и предложения устанавливаются и твердые розничные цены» (С. 179)⁷. Таким образом, здесь эксплуатируется главное заблуждение К. Маркса по поводу стоимости. Ее, якобы, можно точно рассчитывать, а затем планировать наперед все пропорции и показатели в общественном хозяйстве – от его отраслевой структуры до цены последнего гвоздя. При этом, надо напомнить, что под «спросом» понимаются «общественно обусловленные потребности», выраженные в натуральном виде и в деньгах не рыночного, а тоже планового происхождения. Субъективным предпочтениям всех потребителей – будь то продуктов для производственных нужд или личной надобности – оставлялось совсем незначительное пространство. И вообще не только не признавалась, но считалась разрушительной даже идея принятия самими людьми экономических решений как якобы воплощение рыночного хаоса⁸.

⁶ Политическая экономия социализма. Учебное пособие. М.: Экономика, 1969. С. 174.

⁷ Там же. С. 179. Плановую экономику можно сравнить с сороконожкой, которая каждый раз определяет наперед, с какой ноги пойти.

⁸ Автор считает чрезвычайно удачной ранее уже неоднократно цитированную формулу лауреата Нобелевской премии Фридриха Хайека о рыночной экономике как наилучшей из существующих возможностей людей проявить свой здравый смысл. То, о чем говорил Джон Коммонс (см эпиграф к книге): готовность принимать решения, основываясь на рациональной оценке будущего. Как полагал Ф. Хайек, жизнь людей протекает на трех уровнях: «инстинктивном» («естественная мораль» малых социальных групп) «разумном» (научное знание) и «между инстинктом и разумом». Последний из них, по мнению Ф. Хайека, – лучшая почва для капитализма. А капитализм, в свою очередь, – лучший механизм организации жизни общества на уровне индивидуального или группового выбора, который основан на опыте и здравом смысле («рассеянное знание»): «Капитализм обладает наивысшей способностью использовать рассеянное знание» (Хайек Ф. Пагубная самонадеянность. Пер. с англ. М.: Новости, 1992. С. 20, 44).

В продолжение темы человека (как «фактора», а не «капитала») в политэкономии социализма разъясняется: деньги в такой системе «один из важнейших инструментов планового руководства, надежное средство учета и контроля». Как «мера стоимости» они отражают «общественно необходимые затраты труда» на производство товаров. Иначе говоря, в отличие от рыночной экономики, такие затраты (для авторов труда – «стоимость») вычисляются чиновниками-плановиками на базе произвольных критериев и оценок. Сфера действия денег еще в одной функции – «средства обращения товаров» распространялась главным образом на предметы потребления (С. 184). Разумеется, добавим, если таковые поступали в распределительную систему⁹, а также на «колхозные» рынки. Но фактически роль денег (за исключением рынков) не выходила за функции средства платежей. Ведь при абсолютном доминировании государственной социалистической экономики предметы («товары») потребления производились не в системе «спрос – предложение», а по государственным планам. Стремление держателей советских «дензнаков» покупать продукты труда («платежеспособный спрос»¹⁰) не становилось непосредственным стимулом для их предложения государством. Так же централизованно устанавливались цены государственных закупок продукции у производителей¹¹.

Социалистическая теория денег вместе с практикой стала большим шагом вниз по лестнице экономической

⁹ Из последних 18 лет существования СССР планы не выполнялись 13 раз // Назарбаев Н. На пороге XXI века. Алматы, ӨНЕР, 1996. С. 41.

¹⁰ В советской экономической теории всегда говорилось именно о «платежеспособном» спросе, поскольку считалось, что масса денег в плановой экономике должна соответствовать плановому объему товаров и услуг.

¹¹ В главе 3, где речь идет о советском НЭПе, показано, как по мере выхолащивания экономического содержания из этого курса (пусть, принудительно монопольного) торговый обмен между городом и деревней вытеснялся принудительными государственными заготовками по твердым ценам. Обратную картину продемонстрировал Китай при своем переходе от централизованной социалистической экономики к рыночной.

мысли. К тому времени мировая наука ушла уже далеко вперед даже от распространенного во времена К. Маркса «реального» подхода к деньгам в рыночной экономике, при котором те рассматриваются лишь как «средство учета и облегчения сделок». В отличие от этого, – объясняет, например, американский экономист Бен Селигмен, – при другом, «монетаристском», подходе «деньги не только средство измерения экономической деятельности, но также и движущая сила тех явлений, которые они призваны измерить». <...> «В монетарной трактовке деньги – это компас, которым должен руководствоваться индивидуум»¹².

Но и это еще не все. В социалистическом хозяйстве цены на продукты труда должны фиксироваться с таким расчетом, чтобы свести число убыточных предприятий к минимуму или даже к нулю. То есть ориентироваться на худших. Но именно в этом усматривалось главное преимущество социализма перед капитализмом: замена конкуренции как «антагонистического противоречия» в рыночной экономике «точным научным расчетом» наперед: сколько чего и когда должно быть предоставлено обществу. Ровно столько, сколько требуется для этого, и должно быть предприятий: «Государство заинтересовано в успешной работе всех своих предприятий, а также и колхозов, поскольку их продукция нужна обществу». Таким образом, и теория, и практика исходили именно из того, что в социалистической системе, подобно отдельным предприятиям или компаниям, решения должны опираться на конкретные точные расчеты. И потому (на что обратил внимание тот же Б. Селигмен) считалось, что «система цен независимо от способа их образования может действовать в качестве критерия, позволяющего осуществлять рациональное распределение ресурсов в централизованной экономике». Иначе говоря, всеми пропорциями в экономике можно управлять

¹² Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1968. С. 496–497.

при помощи произвольного ценообразования, подчиненного практическим целям государства¹³.

Здесь следует акцентировать два принципа организации советской экономики. Первый: во всех отраслях и отдельных производствах (включая и сельское хозяйство) предприятий должно быть столько, «сколько нужно». Именно поэтому государство (см. выше) «заинтересовано в успешной работе всех своих предприятий, поскольку их продукция нужна обществу». Это называлось подтягиванием отстающих до уровня передовых, т. е. фактически ориентацией на отстающих. Второй принцип: цены на продукты труда должны сознательно фиксироваться с таким расчетом, чтобы свести число убыточных предприятий к минимуму или даже к нулю.

Те, кто хоть как-то знаком с многократными попытками советского руководства добиться повышения производительности общественного труда, могут увидеть причину неудач именно в отказе допустить повышение мобильности экономических ресурсов через механизм конкуренции. В такой системе, конечно, человек – это не капитал, а «ресурс», «фактор» и т. п. В Китае, наоборот, как будет показано ниже, последовательное включение рыночных механизмов для государственных предприятий было подготовлено рыночной аграрной реформой и созданием параллельного госсектору тоже рыночного анклава экспортных промышленных предприятий.

Но в СССР и через три четверти века, в 1986 г., в новой редакции программы КПСС были подтверждены изначальные принципы, отводившие человеку роль ведомого в реализации планов Власти. В этом документе – фактически новой программе партии, принятой вместо прежней (1961 г.), в которой декларировалось построение коммунистического общества к 1980 г., в основу была заложена доктрина «разви-

¹³ (Политическая экономия социализма. С. 175); Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли. С. 528.

того социализма», который должен существовать неопределенно длительное время до завершения коммунистического строительства¹⁴. Успешное решение новых задач связывалось с «повышением роли «человеческого фактора» путем новой мобилизации трудовые коллективы предприятий и учреждений на повышение производительности труда.

В это время в КНР уже успешно реализовался их собственный «китайский НЭП» с высокими темпами сельскохозяйственного роста и строительства сектора экспортной промышленности на трудоинтенсивных технологиях. А в СССР правившая партия, как ни в чем не бывало, повторяла прежние лозунги. При том, что, парадоксальным образом, там же были сделаны заявления, которые рисовали совсем другую картину. Было признано невозможным дальнейшее расширение занятости в сфере материального производства и указано на необходимость обеспечивать весь прирост в ней исключительно за счет повышения производительности труда. Таким способом надеялись достичь экономии 20 миллионов рабочих рук за пятилетие, а прирост трудовых ресурсов направить в непроизводственную сферу. Столь же нереалистичным было задание обеспечить 60–65% потребностей в ресурсах за счет их экономии. В то же время съезд констатировал продолжавшееся самое позднее с 1970-х годов ухудшение всех основных хозяйственных показателей страны. Снижались и темпы роста, и качественные показатели экономики. И, наконец, было официально заявлено об исчерпании «в основном» возможностей экстенсивного экономического роста. Полувекковая эпопея форсированной индустриализации закончилась на том, что ее ресурсы были использованы, а альтернативный механизм роста так и не был создан.

Возвращаясь к исходной главе 1 о человеческом капитале, можно заключить, что экономическая и социальная

¹⁴ Новая редакция программы КПСС. 1986 г. - XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Т. 1. М., Политиздат, 1986. С. 554-623.

доктрина и практика советского государства являли собой уникальный феномен, который не вписывается в рамки этой политэкономической категории. Указанную политику можно охарактеризовать как попытку удержания рабочей силы в системе экстенсивной «всеобщей занятости» с близким к уравнительному низкому вознаграждению труда по «остаточному» принципу в обмен на тоже всеобщую и тоже близкую к уравнительности включенность в «общественные фонды потребления» (неформальное название – «собес») во всех их ипостасях: бесплатное образование, здравоохранение, право на жилище, разнообразные льготы и пособия. *Утрата потенциала экстенсивной модели мобилизации труда поставило под сомнение всю систему отношений трудящихся с государством и всю социально-экономическую модель социализма в целом.*

В главе о постсоветской России показано, что медленная, на грани стагнации, смена экстенсивной модели активизации рабочей силы динамичной моделью, нацеленной на развитие человеческого капитала и рост производительности труда, обусловлена двумя факторами.

Во-первых, существует (пусть в деградирующем виде) система коммунистического «собеса», поскольку Конституция РФ сохранила почти все те социальные права и гарантии, которые существовали в советские времена.

Во-вторых, возникло практически неограниченное предложение дешевой рабочей силы трудовых мигрантов из бывших республик Советского Союза. И, несколько забегаая вперед, надо отметить, что те же факторы, хотя и не в такой мере, продолжают действовать поныне, тормозя и ограничивая переход трудящегося населения России от стратегии выживания к модели активного экономического поведения.

Однако этим проблема не исчерпывается. Выше была рассмотрены те ее аспекты, которые относятся к положению социалистических трудящихся как объектов экономической политики государственной власти – «человече-

ского фактора». Но есть и еще один вопрос: трудящиеся как члены трудовых коллективов в системе «приводных ремней» сверху вниз, а также как субъекты «неформального» экономического и социального поведения.

Двадцать лет назад в упомянутом выше исследовании «Переходная экономика: российская версия» (1999 г.) я изложил свое отношение к понятию «советские социалистические трудящиеся» (Глава 8, п. 2. «Метаморфозы социалистического коллективизма» и п. 5. «Экономическая мораль общества»). О советских трудящихся говорилось как «ограниченных в выборе возможностей продавать свою рабочую силу установлениями закона об обязанности трудиться в социалистической экономике», рассматривались: понятие «трудовых и нетрудовых доходов», вопрос об отсутствии права на организованное отстаивание своих профессиональных интересов путем коллективного протеста. Короче говоря, трудящиеся характеризовались скорее как представители не класса, а неполноправного сословия, которые обладали, однако, государственными социальными гарантиями в виде «собеса». При этом коллективное (с упором на крупное) производство как фундамент социалистической экономики было превращено в основу организации не только трудового процесса, но и социальной организации советских трудящихся. *Социализация граждан по производственному принципу была определяющей для всего советского общества.*

Можно отметить несколько главных черт этого общества.

Абсолютное преобладание вертикальных линий социализации (партийные, комсомольские, профсоюзные организации, органы системы государственного социального обеспечения) над горизонтальными отношениями между людьми и социальными группами. Неразвитость, подконтрольность государственной власти и декоративный характер институтов гражданского самоуправления. Ослабленные естественные социальные институты – вплоть до малой

супружеской семьи, подрываемой низкими доходами и социальной бесперспективностью. Такое общество не могло предложить людям рациональные критерии эффективной организации труда, оценки его результатов, связи между трудовыми усилиями и их вознаграждением. Поэтому масса граждан пыталась стихийным путем организовываться на основе того, что им были понятнее и доступнее: близости к каналам распределения государственных благ. Такая структуризация общества неизбежно давала в виде побочного результата возникновение теневых структур и отношений, основное предназначение которых заключалось в скрытом перераспределении в личных и групповых интересах предлагаемых системой жизненных благ и хозяйственных ресурсов. На этой основе происходила деградация той специфической сословно-квaziклассовой коллективистской морали, которая неукоснительно насаждалась в обществе и действительно была, хотя и в неодинаковой мере, присуща массовому сознанию советских людей. Все более обширный плацдарм отвоевывали «расхитители социалистической собственности»: коррумпированные чиновники, нечистые на руку и склонные к махинациям работники снабженческой и торговой систем, «бракоделы», «несуны», «леваки», «шабашники». Катализатором процесса разложения была потеря массой граждан веры в наличие разумной связи между трудовыми усилиями и их вознаграждением, а также в социальную перспективность для себя государственной политики. Как следствие, в первую очередь деградировала мораль *трудового коллектива*: всенародные масштабы приобрели пьянство на рабочих местах, халтурное отношение к работе, падение и до того невысокой производственной и трудовой дисциплины. С течением времени больше и больше людей рациональнее осмысливали и оценивали социальные законы и правила советского общества, соответственно этому корректируя свое поведение. Все дальше на периферию народной шкалы социальных ценностей отодвигались такие критерии, как образованность,

классовая принадлежность и коммунистическая идейность. На смену им приходило понимание полезности быть ближе к тем центрам и каналам общества, через которые проводилось распределение и перераспределение материальных и социальных благ. Как законное, так и незаконное.

В общем, история российской экономики в русле социалистической доктрины – это свидетельство краха, помимо всего другого, основополагающей марксистской идеи – освобождения труда в смысле преодоления отчуждения личности в процессе производства. Освобождения, которого имелось в виду достичь путем утверждения «непосредственно общественного» труда через ликвидацию частной собственности при общественном характере производства. Маркс усматривал решение этой проблемы в переходе от товарно-денежных отношений к научной плановой организации труда в масштабе общества. Соответственно, идеологам горбачевской «Перестройки» системы хозяйствования в 1980-е годы прогресс социализма виделся как последовательное расширение прав трудящихся на участие в управлении экономикой. По их мнению, именно таким путем можно было достичь социалистического идеала – сочетания прав трудящихся с эффективностью производства в условиях социализма, т. е. общественно-экономического строя, который должен обеспечить реализацию «математически выверенных» экономических планов. Попытка практически осуществить данный проект в рамках советской модели централизованно планируемой экономики неопровержимо доказала иллюзорность усилий реформировать социалистическую модель экономики, предоставив более широкие права трудовым коллективам. Все изложенные обстоятельства в совокупности определили положение трудящихся как «человеческого фактора» в государственной социалистической концепции экономики, а «человеческого капитала» лишь в той ограниченной степени, в какой он представал в виде трудовых ресурсов, однородной массы (квазинаемной) рабочей силы («трудящихся») и объекта эксплуатации в системе так

называемых «экстрактивных» институтов государственной власти¹⁵.

В целом, обращаясь к общей понятию социального капитала, можно констатировать: чем сильнее в обществе контроль политических, социальных и идеологических институтов, тем слабее выражена в нем экономическая рациональность хозяйственного поведения людей и социума в целом. И, наоборот: для такой хозяйственной системы характерна имитация рационального экономического поведения. По формулировке московского экономиста Б. Славного, если в рыночной экономике «процесс производства продукта, в отличие от самого продукта, остается отнюдь не социальным, не гуманизированным» (знаменитое отчуждение личности в процессе труда, по Марксу), то «наше производство было... свободным от власти потребителя», а значит, и «от власти любых экономических и технологических критериев»... «Не только право на труд, но и право работать как душа пожелает получил советский рабочий от родного государства» При этом, именно «производственный, или рабочий, коллектив стал организационной формой, в рамках которой разворачивается описанный выше процесс социализации труда»¹⁶.

Понятно, что такая организация общественного труда в «силовом», мобилизационном варианте соответствовала стратегии «построения социализма в одной, отдельно взятой стране». Как будет показано ниже, при рассмотрении экономических стратегий времен Сталина в России и Мао Цзэдуна в Китае, их специфическая рациональность заключалась в концентрации ограниченных ресурсов в сфере форсированной военной индустриализации в противовес объективно рациональной в те времена опоре на изобиль-

¹⁵ Понятие, предложенное экономистами Д. Аджемоглу и Дж. Робинсон применительно к институциональной теории. Обозначает институты, предназначенные выжимать из эксплуатации одной части общества максимальный доход и направлять его на обогащение другой части (см. главу 1).

¹⁶ Славный Б. И. Русская экономика // Рубежи. СПб., 1995, № 1. С. 71–72.

ные ресурсы как естественные экономические преимущества. Прежде всего, – на человеческий капитал, Тот самый, который, по совершенно справедливой оценке В. Ленина, идеолога марксистского коммунизма для стран с преобладанием мелкого производства, рождает капитализм и буржуазию ежедневно, ежечасно, стихийно в огромном масштабе.

К этой теме мы сейчас и перейдем, уже зная, что советское руководство следовало изначально избранной стратегии до самого конца коммунистического эксперимента, вместе со своим государством, в то время как китайское руководство, тоже коммунистическое, ушло от него. Сначала к реформам типа НЭПа со своей спецификой, а через них – к рыночной экономике.

В следующей главе на примере советского НЭПа делается предположение, что в России причины такого конечного результата были заложены в самой стратегии превращения всего крестьянства, промышленного пролетариата, служащих – всего населения страны, «по Ленину», в бесклассовое общество социалистических «работников» («трудящихся»), ориентированное на движение через социализм в коммунизм. Невозможность реализовать этот проект, как показала практика, через «врастание крестьянства в социализм», прямо поставила политическое руководство страны перед выбором, куда идти из НЭПа: в рыночную систему, куда подталкивали хозяйствующее крестьянство и другие рыночно ориентированные социально-экономические группы, или к тотальному огосударствлению экономики с превращением его в данника государственной форсированной индустриализации. Выбор второго варианта стал точкой бифуркации, которая (по причинам, излагаемым далее) оказалась «точкой невозврата» на экономически обоснованный путь социально-экономической модернизации до самого конца советской власти. Этот вопрос и будет рассмотрен в главе 3.

Глава 3

СОВЕТСКИЙ НЭП КАК МОМЕНТ ИСТИНЫ

*Чтобы уничтожить классы,
надо уничтожить разницу
между рабочим и крестьянином,
сделать всех – работниками.*

(В. Ленин).

Зачем к этому возвращаться?

В XX веке россияне вместе с другими народами Советского союза прошли через много трагических испытаний. Но из всего пережитого, самым болезненным ударом для народного сознания оказался распад в 1991 г. СССР с его «шоковыми» последствиями. Люди вдруг увидели, что находятся в начале долгого пути по тяжелой дороге к неизвестному будущему, в которое все же пришлось двинуться. И это стало **точкой невозврата**, после которой путь назад, в «светлое прошлое», довольно скоро представился маловероятным, если конечно, не произойдет что-то чрезвычайное. Но как получилось, что огромная экономика, пережив кровавую войну, почти через полвека рухнула в мирное время, не выдержав перехода к гласности? Действительно ли либерализация экономики 1990-х годов была единственным выходом из экономического кризиса? Вопрос закономерный, хотя бы уже потому, что другой социалистический гигант – Китай благополучно миновал критический рубеж коррекции государственного курса («точку невозврата») и

перешел к строительству новой, рыночной, модели экономики, демонстрируя при этом высокие темпы роста и технологической модернизации.

Отечественная наука до самого конца ее советской истории так и не подготовила внятного ответа на эти вопросы. Произошедшее оказалось для нее, как и для массы народа, шоком. Либеральные реформы Б. Ельцина – Е. Гайдара были встречены в этой среде, как правило, с непониманием или неприятием, усилился разброд в общественных настроениях. Тем более, что к тому времени было потрачено немало сил в поисках оптимальной модели устройства социалистического хозяйства. На протяжении десятилетий, начиная с 1960-х годов отечественная наука шла, в основном, путем разработки моделей управления централизованной экономикой, в которых **не было места инициативе людей**. В отличие, сразу скажем, от реформ Б. Ельцина – Е. Гайдара, где центральное место заняла именно **активизация еще не задействованного ресурса – самостоятельных решений субъектов экономики**.

Назревшая к 1960-м годам экономическая реформа шла противоречиво и вяло – по разным причинам. Прежде всего, из-за сомнений в самом партийно-государственном руководстве и аппарате.

Вот что пишет об этом историк ДВО РАН С. Г. Коваленко¹: «Причину нерешительности главы государства следует искать в интуитивном понимании Хрущевым того, что хозрасчетные отношения неминуемо вызовут расшатывание существующей системы властных отношений и породят значительную разницу в уровне жизни населения, а в итоге приведут к нежелательным последствиям для всей партийно-политической системы. Именно поэтому часть высшего чиновничества выступила против новой концепции реформ». «Со временем становилось все более очевидным,

¹ Коваленко С. Г. Реформы управления народным хозяйством СССР середины 1950-х – 1970-х годов // Вопросы истории, 2008, № 6. С. 43–46.

что основные принципы хозяйственной реформы не реализуются. Новый метод управления не получил своего дальнейшего развития. Более того, происходило усиление административных форм управления производством, ранее признанных ошибочными». Автор сделал вывод: «Прекращение реформирования означало нарастание тех явлений в экономической и социальной жизни страны, которые с середины 1980-х годов называли “застоем”. Очевидно, что пятилетка 1965–1970 гг. была самой удачной за послевоенное время по темпам экономического роста. Но этот успех объяснялся в первую очередь экспортом нефти и газа и лишь потом – половинчатыми результатами реформы. С 1970 по 1980 г. по сравнению с предыдущим десятилетием экспорт увеличился в 8 раз, что свидетельствовало о возрастании зависимости всей экономики страны от этого фактора. При условии продолжения реформ он мог бы облегчить модернизацию производства и качественное изменение экономической ситуации. Но фактически к 1970 г. реформы прекратились, и благоприятными условиями не сумели воспользоваться».

Вместе с тем все эти годы не было единства и в среде академической экономической науки. Сторонникам постепенного реформирования советской хозяйственной системы внесением в нее элементов хозрасчета (с признанным лидером этих экономистов – харьковским профессором Евсеем Либерманом) противостояли, помимо марксистских догматиков, ревнители математизированных моделей экономики. Казалось очевидным, что именно их предложения соответствуют идеологическим принципам и фактической организации управления общественными процессами «по науке». Тем более, что в стране появился Нобелевский лауреат по экономике Леонид Канторович, отмеченный за труды в области оптимального планирования, управления народным хозяйством и использования ограниченных ресурсов. В ходе дискуссий обсуждались разные идеи: Информатизация управления экономикой

при помощи Общегосударственной автоматизированной системы учета и обработки информации (ОГАС) и Единой государственной сети вычислительных центров (ЕГС ВЦ). Модель оптимизации экономики на базе экономико-математической системы планирования и учета без товарного производства. Экономико-математическое моделирование и создание автоматизированных систем управления (АСУ) должно было послужить тому, чтобы в перспективе выстроить «общегосударственную систему автоматизированного сбора и обработки информации»². Эта идеология реанимировалась в начале 90-х годов в виде требования вернуть ценообразование под государственный контроль. За всем этим стояла убежденность, что экономический порядок может строиться по сознательно выбранному плану, приемами социальной инженерии, исключая инициативное вмешательство человека.

В конечном счете, научные споры, разгоревшиеся в начале последнего десятилетия XX века были оттеснены в глубь общественного сознания новыми проблемами и остались там большей частью как воспоминания о «лихих девяностых» – к выгоде нового поколения политиков. Тем не менее, вопрос о советском прошлом остался, и его нельзя считать вовсе утратившим актуальность. Ведь картина будущего формируется не только текущими задачами, но и (как полагал уже цитированный Дж. Коммонс) ожиданиями будущего, а на это в свою очередь проецируются оценки прошлого. Отсюда сам собой напрашивается вывод: чтобы глубоко осознавать причины шоковых событий тех лет, придется непременно возвращаться к вопросу о том, как это произошло? Чтобы внести в дело больше ясности я выдвигаю и пытаюсь обосновать гипотезу о том, что предпосылки трагического исхода советского эксперимента были заложены в России давно. Сначала, когда в начале 1920-х годов Ленин ввел свой НЭП не просто как тактиче-

² Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976. С. 177–179.

ское решение для восстановления экономической жизни в стране, но и как «временное отступление». Иными словами, это была подготовка условий для перевода крестьянского сельского хозяйства вслед за городской промышленностью на социалистический путь с тем, чтобы превратить самый массовый слой населения страны, как и промышленных рабочих, из хозяйствующих крестьян в «социалистических работников». Затем Сталин, на практике убедившись в иллюзорности «мирного вrastания» крестьянства в социализм, решил эту задачу насильственным способом. И, наконец, последующие советские вожди из всех сил пытались доказать, что именно «сельский труженик» наилучшим образом соответствует задачам индустриализации и коммунистического строительства.

Обратимся к **Китаю**. В 1980–1990-х годы он воспользовался практической идеей, которая была выдвинута и реализована еще в начале 1920-х годов В. Лениным как НЭП. Но только цели у Китая были иные, а потому последовали другие результаты. Следовательно, приняв НЭП за исходный пункт, можно установить «точку бифуркации», или «рубеж невозврата», после которого обе страны двинулись в разных направлениях.

Российский НЭП, как известно, был отменен И. Сталиным ради тотальной коллективизации деревни – по сути, огосударствления. В **Китае** схожая реформа (назовем ее «китайский НЭП») начала проводиться после Мао Цзэдуна – через полвека после отмены российского. Ее результаты и последствия, как прямые, так и отдаленные, оказались совершенно иными, чем всё, что произошло за время НЭПа в нашей стране. Выбор направления дальнейшего движения в обоих (российском и китайском) случаях стал именно той «точкой невозврата», развилкой, когда принятые решения оказались, без преувеличений, историческими. В одном, советском, случае они обернулись трагедией для крестьянства, сельского хозяйства и, в конечном счете (наряду с другими причинами) – для всего народа.

В другом, китайском, варианте они стали первым шагом к новым успехам. С той, конечно, оговоркой, что и после НЭПа жизнь не однажды ставила советское руководство перед вопросом об изменении экономического курса. Но каждый раз изменения вносились недостаточно твердо, чтобы преодолеть инерцию монолитной тоталитарной государственной машины.

Анализируя весь процесс, отталкиваться именно от НЭПа полезно потому, что главным экономическим и политическим объектом реформ в обоих случаях стали крестьяне – самый массовый тогда слой населения и питательная среда для подъема экономики. В России об этом писал В. И. Ленин с его знаменитым положением: «Мелкое производство рождает капитализм и буржуазию постоянно, ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе»³. Знал его, наверное, и «отец рыночных реформ» коммунистического Китая Дэн Сяопин, который в 1926 г. учился Москве в Университете трудящихся Востока имени Сунь Ятсена, т. е. в те годы, когда в советском политическом руководстве начала обостряться дискуссия о перспективах НЭПа. Не будем пытаться выяснять, какое впечатление произвела тогда на Дэн Сяопина дискуссия тех лет. Но, можно предположить, что, обдумывая много позже будущие китайские реформы, он оценил понимание Лениным роли крестьянства в большой аграрной стране как базы товарного производства и капитализма «от корней травы». Только для Ленина это понимание сути крестьянства было предупреждением об опасностях бесконтрольного развития рыночных отношений для дела коммунизма. Дэн Сяопину в то время, может быть, думал так тоже. Но, конечно, уже не в 1970-е годы, не на пороге «китайского НЭПа», который стал началом именно рыночных реформ и прелюдией к общей модернизации страны.

³ Детская болезнь «левизны» в коммунизме (ссылка к полной цитате: № 56 на с. 69).

В отличие от китайских коммунистов после Мао Цзэ-дуна советские вожди так и не изменили свой первоначальный взгляд на НЭП 1920-х годов как на «временное» отступление и продолжали упорно двигаться в направлении «коммунистического горизонта». А в постсоветской России их традицию закрепили в своей программе наследники из КПРФ. По этой программе «стратегическая цель партии по-прежнему – построение в России обновленного социализма, социализма XXI века». Для этого, на первых этапах требуется взять под контроль государства собственность на основные средства производства. Государство должно наладить планирование основных показателей развития народного хозяйства и стать важнейшим заказчиком продукции для отечественных производителей. Основу сельского хозяйства составят крупные предприятия, соединяющие производство, переработку и сбыт продукции. В итоге утвердится решающая роль в экономике общественных форм собственности на основные средства производства⁴. Отрицание частной собственности на землю не оставило в стороне и консервативную верхушку академического сообщества постсоветской России. Например, академик-секретарь Отделения экономики РАН Дмитрий Львов постулировал: «Природные блага не являются делом рук человеческих, а дарованы нам свыше – Создателем, а поэтому должны принадлежать всем, т. е. всем гражданам России»⁵. Хотя, как можно будет в очередной раз увидеть дальше, в отличие от китайского НЭПа российский НЭП провалился именно потому, что от него предполагалось движение через социализм к коммунизму. Так что, в конечном счете, история российского, а затем китайского НЭПа вплотную подводит к вопросу, какое влияние оказала аграрная политика на судьбы их коммунистических экспериментов.

⁴ Программа КПРФ. URL:- <https://kprf.ru/party/program> (Обращение – 27.03.2019).

⁵ Львов Д. С. Будущее России: Гражданский манифест. М.: Экономика, 2003. С. 35.

НЭП по Ленину, или наивный социализм

Подход В. Ленина к НЭПу как собственному детищу определялся спецификой его марксистских теоретических заблуждений, а также оптимистической оценкой внутреннего и внешнего положения советской России. Прежде всего – опасением, что, вырвавшись из-под контроля, рыночные отношения на базе мелкого, особенно крестьянского, производства, грозят строительству социализма как более передового экономического строя по сравнению с капитализмом. В работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» он писал (весь курсив В. И. Ленина. – Ю. А.): «Диктатура пролетариата есть самая свирепая, самая острая, самая беспощадная война нового класса против более могущественного врага, против буржуазии, сопротивление которой *удесятерено* ее свержением (хотя бы в одной стране) и могущество которой состоит не только в силе международного капитала, в силе и прочности международных связей буржуазии, но и в силе *привычки*, в силе *мелкого производства*. Ибо мелкого производства осталось еще на свете, к сожалению, очень и очень много, а мелкое производство *рождает* капитализм и буржуазию постоянно, ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе» (выделено мной. – Ю. А.)⁶.

Надо сразу акцентировать это место о мелком производстве, которого «осталось еще на свете, к сожалению, очень и очень много». В. Ленин воспринял как абсолютную истину один из ключевых, но (как уже тогда признали европейские социал-демократы «ревизионисты») ошибочных выводов К. Маркса. А именно, о неизбежном по, якобы, объективным законам капиталистического способа производства, вытеснении капиталистическими монополиями

⁶ Детская болезнь «левизны» в коммунизме. Опыт популярной беседы о марксистской стратегии и тактике. 1920// II. Одно из основных условий успеха большевиков // <https://www.marxists.org/russkij/lenin/1920/leftwing/03.htm> (дата обращения – 25.03.2019).

всех предшествующих (как он считал вслед за К. Марксом) типов производства, начиная с мелкого, и о полной смене конкуренции монополией. В этом сам Маркс, а впоследствии Ленин видели предпосылку революционной смены частной собственности на средства производства общественной. Для Ленина отношение к мелкому производству как «формационно отсталому» стало базой его теории кооперирования крестьянства на переходе через социализм к коммунизму. Таких же взглядов придерживался последователь и апологет В. И. Ленина Н. И. Бухарин. Идея вовлечения крестьянства в социалистическое строительство через кооперацию, по их мнению, исходила априори из превосходства государственного (социалистического) сектора экономики над рыночным сектором и принципиальной возможности его мирной победы в этом соревновании. Благодаря превосходству как стадияльно более высокого экономического уклада над более низким укладом⁷.

При этом одну из важнейших предпосылок прочного союза государства с массой трудящегося крестьянства Ленин усматривал в результатах «черного передела» земли в деревне новой властью. В работе «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата» он писал: «В крестьянской стране первыми выиграли, больше всего выиграли, сразу выиграли от диктатуры пролетариата крестьяне вообще <....> Впервые при диктатуре пролетариата крестьянин работал на себя и питался лучше горожанина. <....> Равенство при распределении земли установилось, как известно, максимальное: в громадном большинстве случаев крестьяне делят землю «по едокам». Тогда он считал это сугубо положительным фактом, а дальнейшие события, когда «осереднячивание» крестьянства неожиданно поставило перед властью новые проблемы, развернулись потом, уже за пределами его внимания. К этому вопросу придется

⁷ В середине 1950-х годов, как мы помним, Н. Хрущев предложил мирное экономическое соревнование Америке.

еще вернуться в связи событиями конца 1920-х годов, которые закончились принудительной коллективизацией крестьянства.

Но пока надо обратить внимание на другие особенности представлений Ленина о НЭПе (его слова уже частично цитировались выше): «Социализм есть уничтожение классов. Чтобы уничтожить классы, надо, во-первых, свергнуть помещиков и капиталистов. Эту часть задачи мы выполнили, но это только часть и притом *не* самая трудная. Чтобы уничтожить классы, надо, во-вторых, уничтожить разницу между рабочим и крестьянином, сделать *всех – работниками*. Этого нельзя сделать сразу. Это – задача несравненно более трудная и в силу необходимости длительная. Это – задача, которую нельзя решить свержением какого бы то ни было класса. Ее можно решить только организационной перестройкой всего общественного хозяйства, переходом от единичного, обособленного, мелкого товарного хозяйства к общественному крупному хозяйству. При этом «пролетариат должен разделять, разграничивать крестьянина трудящегося от крестьянина собственника, – крестьянина работника от крестьянина торговца, – крестьянина труженика от крестьянина спекулянта. В этом разграничении *вся суть социализма*». Такой переход по необходимости может быть чрезвычайно длительным, и притом он предполагает известную свободу капитализма. Но, считал Ленин, – это «несколько не страшно для социализма, пока транспорт и крупная промышленность остаются в руках пролетариата. Напротив, развитие капитализма под контролем и регулированием пролетарского государства (т. е. в этом смысле слова «государственного» капитализма) выгодно и необходимо в чрезвычайно разоренной и отсталой мелкокрестьянской стране (конечно, в известной лишь мере), поскольку оно в состоянии ускорить немедленный подъем крестьянского земледелия. «Собственно говоря, – продолжил эту мысль Ленин в заметках «О кооперации», – нам осталось “только” одно: сделать наше население настолько “цивили-

зованным», чтобы оно поняло все выгоды от поголовного участия в кооперации и наладило это участие. «Только» это. Никакие другие премудрости нам не нужны теперь для того, чтобы перейти к социализму. Но для того, чтобы совершить это «только», нужен целый переворот, целая полоса культурного развития всей народной массы⁸.

Здесь важно обратить внимание на два обстоятельства.

Первое: цель – уничтожить разницу между рабочим и крестьянином, превратить крестьян из обособленных мелких товаропроизводителей в работников крупного общественного хозяйства – подобно индустриальным рабочим. Ленин нисколько не сомневался в превосходстве крупного общественного производства над мелким вообще и в сельском хозяйстве – в частности, поскольку исходил из общих постулатов теории Маркса. Вопросами об экономических, социальных и других, вплоть до экзистенциальных, различиях между промышленным и сельскохозяйственным трудом он не задавался. Поэтому не существенно, был ли он знаком, скажем, с теорией трудового сельского хозяйства Александра Васильевича Чаянова, в которой обосновывалась противоположная идея конкурентоспособности семейного хозяйства с капиталистическим предприятием в рыночной экономике, позднее признанная мировой наукой⁹.

Второе обстоятельство – фактор времени. В. И. Ленин в своих стратегических планах рассчитывал на длительный мирный период. Так же как его апологет и последова-

⁸ В. И. Ленин. Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата. – ПСС, изд. 5, т.39, с.276-277; В. И. Ленин. О кооперации– ПСС, изд 5. Т.45. С. 369–377.

⁹ А. Чаянов даже успел поработать в советском экономическом аппарате; был арестован в сталинские времена (в 1930 г., и расстрелян в 1938 г. – уже по завершении коллективизации сельского хозяйства). Его труды оказались надолго преданы забвению и едва не утеряны. Вопрос о сопоставлении экономических взглядов Чаянова на крестьянское хозяйство с теоретическими выкладками и стратегическими установками Ленина и его последователя Бухарина будет детально рассмотрен при поиске ответа на вопрос не только о судьбе российского НЭПа, но проблемах всей аграрной политики советской власти.

тель Н. И. Бухарин, который писал: «Мы сейчас подошли вновь к некоторому поворотному пункту в развитии нашей революции. <...> Конец блокады, ряд признаний; в то же время заминка в развитии международной революции. Начало довольно быстрого хозяйственного подъема, и в то же время новое соотношение между рабочим классом и крестьянством. <...> И осью, вокруг которой вертятся все эти сами по себе крупнейшие вопросы, «является проблема рабоче-крестьянского блока». Такую свою оценку он противопоставил теории «перманентной революции» Троцкого. Бухарин полемизировал также на экономической почве с Е. А. Преображенским, близким в этом вопросе к «левым коммунистам»¹⁰: он отрицал саму возможность длительного мирного сосуществования «частнотоварного производства» с социалистической системой «на основе полного экономического равновесия» («одна система должна пожирать другую. И далее Бухарин конкретизировал: «Тов. Преображенский думает, что законы эволюции сельского хозяйства при власти пролетариата остались теми же, что и при капитализме. На самом же деле “некапиталистическая эволюция”, которую проповедовали некоторые писатели при капитализме (“кооперативно-аграрный социализм”), становится реальностью при диктатуре пролетариата. Если в условиях буржуазной власти, буржуазных банков, капиталистического кредита, капиталистических организаторских кадров и гегемонии капиталистической идеологии в стране кооперативные организации крестьянской массы (даже массы) неизбежно “врастают” в капитализм, то совсем иное будет, совсем не туда будут “вращаться” (и уже фактически “вращаются”) эти организации при пролетарских командных высотах, при пролетарской власти, банках, кредите, промышленности, кадрах, господствующей идеологии и т. д. мы втаскиваем массу крестьянства в общесоциалистиче-

¹⁰ Преображенский Евгений Алексеевич (1886–1937) – деятель российского и международного коммунистического движения, экономист и социолог.

скую хозяйственную систему». И далее: «Другими словами, несмотря на существование рынка и капиталистические формы нашего госхозяйства, мы уже начинаем переходить от типа хозяйства, руководствующегося прибылью, к типу хозяйства, руководствующемуся покрытием потребностей масс (а это есть один из признаков социалистического хозяйства)¹¹.

Отсюда, пожалуй, не очень далеко и до знаменитого «основного экономического закона социализма» Сталина. И не удивительно. приведенные выше идеи и Ленина и Бухарина – это типичная схоластика, выстроенная на базе представлений К. Маркса о неизбежной победе социализма как единой системы хозяйства, управляемой по науке, опирающейся на метафизическую трудовую теорию стоимости, которая, в свою очередь, якобы, позволяет наперед рассчитывать все параметры экономики в противовес механизмам субъективного выбора и конкуренции. В любом случае, это была стратегия на длительную мирную историческую перспективу.

В отличие от этого (что показали исследования экономистов-историков), так не получилось после «осередничивания» деревни, когда национализированная городская промышленность не сумела со своей стороны организовать «смычку» с хозяйствующим крестьянством, и это дало толчок развитию сельской промышленности и ремесел. Процесс, который в китайской деревне, наоборот, правительство приветствовало.

На таком идеальном представлении строилась теория перехода к социализму Ленина – Бухарина. Но для Сталина это был вообще не вопрос. Было другое: Он не видел признаков мирной экономической победы социализма, а беспокоился о хлебозаготовках, дефиците времени и будущей войне. Понимал путь к коммунизму как тотальное укре-

¹¹ Бухарин Н. И. Новое откровение о советской экономике или как можно погубить рабоче-крестьянский блок. Libbox.ru.pdf. Электронная б-ка.

пление централизованного государства. В отличие от этого китайскому «НЭПу» была свойственна другая логика: с переходом не к государственному социализму и коммунизму, а к рыночной экономике.

Итак, Бухарин – так же, как Ленин – был абсолютно уверен в том, что социализм – более передовой экономический строй одержит безусловную победу над капитализмом в мирном соревновании¹², в том числе над самой массовой тогда крестьянской мелкотоварной экономикой. Сравнительно мирная внутренняя и внешняя политическая обстановка первых лет НЭПа настраивала на спокойную длительную работу. Тем более, что в первые годы не вызывал особых опасений ход хлебозаготовок по схемам государственной политики.

И. В. Сталин: реальный социализм

Однако к концу 1920-х годов настроения в партийном руководстве стали меняться. Во-первых, международная обстановка вновь была признана благоприятной для международного революционного движения и потому требовавшей усиления борьбы с социал-демократическими («правыми») тенденциями в компартиях. Во-вторых, опасные изменения наметились в отношениях советской власти с крестьянством. Они ставили под вопрос перспективу той самой «смычки» и того, что называлось «политическим союзом рабочего класса и трудового крестьянства» как фундамент советской власти. Все это вызвало резкое усиление разногласий в партийном руководстве между сторонниками продолжения НЭПа во главе с Бухариным и оказавшимися в абсолютном большинстве его против-

¹² Так же, как позже Н. С. Хрущев верил в победу советского социализма над американским капитализмом в мирном экономическом соревновании в обстановке мирного сосуществования.

никами во главе со Сталиным. Обострение политической борьбы привело в конечном счете к отмене НЭПа и тотальному производственному кооперированию крестьянства. Защита прежнего курса была квалифицирована как «правый уклон» в партии. Восприятие проблемы победившим большинством было выражено в выступлениях И. Сталина и других партийных документах 1929–1930-х годов. В них нашли отражение критерии, с которыми сталинское большинство подходило к оценке положения в деревне и формулировало свои задачи¹³.

Можно сказать, что сталинисты подвергли полному отрицанию возможность мирной победы политики НЭПа в деревне и, более того, сочли положение угрожающим. Что, правда, несколько не означало их сомнений в необходимости обеспечить там победу крупного социалистического хозяйства. По сути, имелось в виду, что условия крестьянству будет диктовать государство, исходя из задачи перевода сельского хозяйства на рельсы социализма – такого, как они его понимали. Более того, предполагалось, что хозяйственные ресурсы для ускоренной индустриализации должны быть получены с крестьянства – как «нечто вроде дани». Разногласия заключались в том, что «левая» («троцкистская») часть руководства выступала с более радикальных позиций, а «правые» (бухаринцы) верили в возможность победы над капиталистическими элементами деревни («кулаками») в мирном соревновании, демонстрируя трудовому крестьянству преимущества социализма.

Идеологически и политически все это трактовалось следующим образом. Сталин утверждал, что разногласия в партии возникли на почве классовых сдвигов последнего времени, которые, по его мнению, привели к обострению

¹³ См.: Сталин И.В. О правом уклоне в ВКП(б). Речь на пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в апреле 1929 г. (стенограмма). ПСС, т.12. Произведения 1929-1930 гг. М.: Политиздат, 1947. С. 28-34, 39-43, 69-79, 89-92.

классовой борьбы и создали перелом в развитии. Главной проблемой и центральным пунктом, по Сталину, оказались затруднения с хлебозаготовками. Именно «заготовками», а не закупками, поскольку они проводились в соответствии с государственной политикой цен и увязывались с классовой политической линией по отношению к разным слоям крестьянства. Сталин видел разногласия большинства с троцкизмом и группой Бухарина в вопросе о союзе с крестьянством в том, что троцкисты высказывались против политики прочного союза с середняцкими массами крестьянства, а бухаринцы стояли за союз с крестьянством вообще. Он настаивал на том, что НЭП это свобода частной торговли только в известных пределах, при обеспечении регулирующей роли государства на рынке. Поэтому особенно реальную опасность «справа» он усматривал в желании ликвидировать регулирующую роль государства на рынке, «раскрепостить» рынок и открыть полную свободу частной торговли. Тем более что практика заготовок хлеба на основе «самотека», добровольности перестала оправдывать себя. Первое время «кулаки» отличались сравнительной слабостью и были вынуждены вывозить все или почти все излишки своего хлеба на рынок. Но затем они сумели обстроиться хозяйственно, получили возможность маневрировать на рынке и стали сопротивляться усилиям государства взять у них хлеб добровольно. Под «кулаками» при этом фактически имелись в виду все группы крестьянства, имевшие те или иные излишки зерна для продажи. Понятно, что при таких обстоятельствах бухаринская «нормализация» рынка и маневрирование ценами на хлеб по районам рассматривались как разрыв с рабочим классом и с маломощными слоями деревни, как «смычка с богатыми слоями деревни и города». И, соответственно, как путь, политически губительный для партии власти.

Итак, это стало второй (после НЭПа) развилкой стратегического выбора Власти, в результате которого было

осуществлено тотальное кооперирование (практически огосударствление) крестьянства в обстановке тоже тотальных репрессий против его зажиточных элементов. Как можно будет увидеть при рассмотрении модели и практики «китайского НЭПа», там коммунистическое государство пошло именно на соглашение, на союз с крестьянством. Можно было бы сказать, «прямо по Бухарину», если бы не одно «но»: Бухарин видел впереди социалистическую, а затем коммунистическую перспективу, а китайцы – рыночную экономику. Сталин тоже смотрел в коммунизм, но в его мирную победу над капиталистическими элементами деревни и города он не верил, глядя на обострившиеся проблемы социалистического государственного сектора в отношениях с крестьянством.

В итоге последовательность событий и действий коммунистического руководства была такова: все началось с «черного передела» земли и «осереднячивания» деревни. Они вызвали к жизни процессы, уже не управляемые государством и неприемлемые с точки зрения задач построения социализма с коммунистической перспективой. Таким образом, политическое руководство нашло «классовый» ответ на новые проблемы с крестьянством, обосновывая его тем, что «кулачество» сопротивлялось принудительной продаже продукции государству по монопольно низким ценам и тем, что сельское хозяйство было раздроблено – 25 млн дворов после «черного передела» вместо 16 млн дворов до революции. Преодолевать эти противоречия было решено через колхозное и совхозное строительство и индустриализацию сельского хозяйства. Но это был, придется повторить, чисто «классовый» выбор коммунистического пути. А что же происходило в самой деревне? Действительно ли ее проблемы можно было тогда решать только политическими средствами извне?

Анализ сталинской аграрной политики

Того, что говорили Сталин и его партийное большинство, недостаточно, чтобы понять сложность процессов в деревне, которые побудили их изменить политическую линию и стратегию. Требуется обратиться и к тому, о чем не говорилось, чтобы лучше понять не только сложность проблематики того исторического момента, но и причины дальнейших неудач и конечного провала исторической попытки модернизировать сельское хозяйство и экономику в целом социалистическими методами. Чтобы ответить на этот вопрос надо отступить несколько назад – к моменту завершения Гражданской войны. Выдающимся достижением большевиков к тому времени В. И. Ленин считал «черный передел» земли в деревне. Выше приводились его высказывания на этот счет. Напомним: «В крестьянской стране первыми выиграли, больше всего выиграли, сразу выиграли от диктатуры пролетариата крестьяне вообще <....> Впервые при диктатуре пролетариата крестьянин работал на себя и питался лучше горожанина. <....> Равенство при распределении земли установилось, как известно, максимальное: в громадном большинстве случаев крестьяне делят землю “по едокам”». То, что при этом произошло огромное распыление крестьянского землепользования, его тогда не тревожило. Отставив в критический момент запальчивую идею двигаться от разрухи прямо к коммунизму, используя созданную в военное время тотальную распределительную систему, он выдвинул программу НЭПа и крестьянской кооперации.

И. В. Сталин к концу 1920-х годов смотрел на эту картину уже без оптимизма. Наоборот – с тревогой: «Сельское хозяйство принимает всё более распылённый, раздроблённый характер. А характерная черта распылённых мелких хозяйств состоит в том, что они не в силах в должной мере использовать технику, машины, тракторы, данные агрономической науки, что они являются хозяйствами малотовар-

ными. Отсюда – недостаток товарного выхода сельскохозяйственных продуктов. Отсюда – опасность разрыва между городом и деревней, между промышленностью и сельским хозяйством. Отсюда – необходимость подтянуть, подогнать сельское хозяйство к темпу развития нашей индустрии». Отсюда и обострение борьбы с саботажем государственных хлебозаготовок «кулаками».

Все изложенное выше действительно было реалиями тех лет. Однако этого недостаточно, чтобы понять сложность процессов в деревне, которые побудили сталинское большинство в руководстве партии коренным образом изменить политическую линию и стратегию. Между тем, то, чего не было в этом докладе, важно, чтобы лучше понять не только сложность проблематики данного исторического момента, но и причины постоянного неуспеха и конечного провала исторической попытки социалистической модернизации и сельского хозяйства и страны в целом.

По данному вопросу обратимся к исследованию экономистов ИВ РАН *Виктора Растянникова и Ирины Дерюгиной* «Модели сельскохозяйственного роста в XX веке» (2004 г.)¹⁴. Пр процитируем с отдельными комментариями некоторые выдержки из этой большой работы:

Для начала напомним, как Ленин гордился тем «черным переделом» земли в деревне, который произвели большевики в ходе революции. Правда, потом Сталин пожаловался на чрезмерную раздробленность сельского хозяйства, усиливая в то же время давление и натиск на сельских предпринимателей и богатых крестьян («кулаков») и подготавливая тотальную коллективизацию деревни. А вот что пишут в связи с этим В. Растянников и И. Дерюгина: «В результате аграрной революции, последовавшей за Октябрьским переворотом, принципиально изменился социальный базис экономического роста. Практически был

¹⁴ Растянников В. Г., Дерюгина И. В. Модели сельскохозяйственного роста в XX веке. Индия, Япония, США, Россия, Узбекистан, Казахстан. М.: ИВ РАН. 2004.

полностью уничтожен потенциал экономически эффективного хозяйства (кулаки и другие предприниматели), функционировавшего в системе рыночных отношений. Ему на смену пришло хозяйство, отличавшееся сильнейшими натурально-потребительскими тенденциями ... Это было одной из важнейших причин поразительного по своей масштабности падения товарности сельского хозяйства в России/СССР в 20-х годах» (Указ. соч. С. 93). <...> Процессы деградации экономического базиса сельскохозяйственного роста происходили на фоне широкомасштабных разрушений материально-вещественных производительных сил города и деревни (С. 210). <...> «В результате в российской экономике возникли мощные центробежные тенденции, проявившиеся в процессах, которые исследователи того времени назовут «изоляцией деревни от города и города от деревни». (С. 211) <...> Дезинтеграция народного хозяйства особенно ярко проявилась в эрозии экономических связей между отраслями промышленности, создающими средства производства, и сельским хозяйством. Так, на долю сельского хозяйства в 1923/24 г. 1924/25 г. приходилось (напомним, при 80% населения, сосредоточенного в этом секторе народного хозяйства) соответственно лишь 10% и 9,7% всего потребления продукции производственного назначения, произведенной промышленностью, и лишь 4,2% общей стоимости потребления средств производства, использовавшихся в экономике всех секторов Советской России (С. 212–213). <...> «Агросфера России рассматриваемого периода крупнейшими массивами своего хозяйства все еще достаточно прочно, как позже стало принято говорить, «опиралась на собственные силы», черпала средства, опыт, знания для продолжения производства из своих собственных ресурсов» (С. 213) <...> Более того, «крестьянство России, пережив потрясения гражданской войны и «черного передела», вступило в эпоху НЭПа гораздо более ослабленным, бедным, чем было до революции. На авансцену деревни в качестве основного производителя вышел вовсе

не крестьянин-середняк, а огромный массив крестьянских хозяйств, представленный «экономически слабейшими группами» (С. 213), включая и собственно середняков» (С. 219) <...> Ломка патриархальных устоев семьи, происшедшая в послереволюционную эпоху, дала тем самым мощный толчок процессам дальнейшего измельчания крестьянского хозяйства. Таким образом, советская (российская) экономика опиралась на относительно слабые экономические группы населения» ... Иначе говоря, «черный передел» закрепил тенденции к натурализации хозяйственных отношений в российской деревне, обозначившиеся в годы войны, и еще больше усилил их в период НЭПа. (С. 221).

«Конечно, – комментируют авторы, – государство... могло бы воздействовать на динамику сельскохозяйственных цен, вызывая их повышение, но такая возможность была полностью заблокирована социально-политическими факторами» (С. 225).

(Т. е. планом строительства коммунизма с опорой на массовое принуждение и уравнилельный коллективизм на основе представлений, ошибочно принятых за «научный коммунизм» как истину в последней инстанции. Это, с особой прямоотой подчеркивал Сталин. Его усилиями сельское хозяйство СССР превратилось в «дойную корову» – главный источник принудительного изъятия ресурсов для бесконечной экстенсивной индустриализации. – Ю. А.).

Коллективизация сельского хозяйства, полностью завершенная к концу 1930-х годов, уже на первом, решающем, этапе тотального ограбления крестьянства с ужасающим многомиллионным «голодомором» дала Власти ресурсы экспортного зерна для первых пятилеток форсированного строительства тяжелой промышленности. От такого удара и последующей войны так и не оправились ни сельское хозяйство, ни превращенное в идеальных ленинских «работников» крестьянство. Характеризуя эту новую систему, В. Растянников и И. Дерюгина, помимо изъятия продукта в фонд накопления, обратили особое вни-

мание на следующую ее функцию, принципиально важную в социально-политическом плане: она должна была обеспечивать страну «не просто хлебом, а именно *дешевым хлебом*» (С. 226).

Добавим, дешевый хлеб по твердым ценам стал символом социалистической уравнительной низкой оплаты труда и, одновременно, коммунистического популизма на все последующие советские годы. Атавизмы этой политики сохранились и в постсоветской России. Поныне действующий федеральный закон 2004 г. «О государственном регулировании цен на хлеб» предусматривает защиту интересов потребителей от необоснованного роста цен на хлеб. Государственное регулирование вводится при условии их значительного повышения по сравнению с соответствующими периодами прошлых лет. Значительным повышением считается тогда, когда в регионе, рост розничной цены превышает месячный уровень инфляции, запланированный при разработке Федерального бюджета, на 1–2 процента или когда зафиксировано повышение в регионе цен по сравнению соответствующим периодом прошлого года на 3–4 процента. Регулирование цен на хлеб проводится: путем интервенции зерна на рынок с целью стабилизации (снижения) цен на муку и/или установления фиксированного размера торговой надбавки на хлеб¹⁵.

Итак, сталинская колхозная система явила собой новую организационно-производственную форму государственной эксплуатации бывших крестьян, а теперь работников, объединенных в трудовые коллективы социалистических сельскохозяйственных предприятий. Ее особенностями стали уравнительное порайонное распределение заданий обязательных поставок продукции по принципу «круговой поруки»; натуральные (фактические или по сути) хозяйственные отношения, основанные на технологическом раз-

¹⁵ О государственном регулировании цен на хлеб http://asozd2.duma.gov.ru/arhiv%5Ca_dz_4.nsf/BylID/9804D8A1F3E356D0432571BB00586E92?OpenDocument (дата обращения – 07.09.2020)

делении труда; натуральная оплата труда по системе «трудодней» и натуральных поступлений от «личных подсобных хозяйств». А также исключение колхозников и «единоличников», в отличие от работников совхозов, из «единой паспортной системы СССР» (1932 г.), установившее своего рода крепостную зависимость крестьянства. В. Растяпников и И. Дерюгина оценили это положение так: коллективизация означала «возрождение и развитие на новой, «социалистической», основе системы коллективистских связей, пронизанной беспрецедентными по размаху (со времени отмены крепостного права) и качественному наполнению *внеэкономическими отношениями господства и подчинения* (курсив авторов – Ю.А.). (С. 268).

Советская экономическая система

Послесталинские годы советской власти характеризовались ее регулярными усилиями придать динамизм развитию сельского хозяйства на базе крупных колхозно-совхозных предприятий, превращаемых в нижние звенья государственных агропромышленных комплексов (АПК). Рассмотрение последовательности этих действий и их результатов не входит в задачу данной работы. Совершенно ясно, что с концом сталинского правления государство встало перед необходимостью новой экономической стратегии, включая и сельское хозяйство. Но для последнего фактически выбора не было: в стране полностью утвердилась колхозно-совхозная система. Точка невозврата к крестьянскому фермерству была пройдена в результате тяжелейших потерь периода коллективизации, затем кровопролитной войны и, наконец, сталинской мобилизации к новой мировой войне. Последняя затем плавно перетекла в войну «холодную» с гонкой вооружений, которая и «добила» в конце концов советскую экономику. Более того, сельское хозяйство с его «тружениками» вместо крестьянства продолжало быть

нижним звеном «кормовой цепи», верхним звеном которой также оставалась тяжелая промышленность с ее сердцевинной – военно-промышленным комплексом. Такое положение принципиально не изменялось до самого последнего дня советской власти. При этом экономика оставалась закрытой, замкнутой на себя – по сути натуральной. Но, главное, – экономическая стратегия СССР и других государств «социалистического содружества» продолжала определяться установками модифицированного советского варианта экономической теории марксизма-ленинизма. Кратко напомним самые основные принципы ее организации (подробнее – в главе 2):

Во всех звеньях экономики планировалось распределение ресурсов в соответствии с приоритетами политического руководства страны. Этому соответствовала и специфическая роль денег, поскольку экономика была денежной, но не рыночной. Продукты труда не могли сопоставляться конкурентным образом. А значит, потребительский спрос (в конечном счете – человек) исключался из механизма их оценки. Соответственно, директивное планирование исключало для денег возможность активно стимулировать производство товаров через спрос. Поэтому фактическим проявлением инфляции в советской экономике был не рост цен, а продуктовый дефицит при твердых ценах. Из-за этого также рубль не был полноценным сберегательным средством. Деньги потребителей в виде вкладов не стимулировали предложение продуктов и услуг. Роль денег оказалась, таким образом, сведенной, в основном, к одной функции: средства расчетов и платежей в связке: директивные планы – твердые цены – распределение продуктов как квазитоваров. Все это также исключало возможность для советских денег быть конвертируемой валютой. Даже продукты конечного потребления населения производились не в системе «спрос – предложение», а по утверждаемым заранее государственным планам. При этом все цены, должны были фиксироваться

с таким расчетом, чтобы сводить число убыточных предприятий к минимуму или даже к нулю. Это считалось главным преимуществом социализма перед капитализмом: вместо конкуренции – «научный расчет». сколько чего и когда должно быть предоставлено обществу. Этому должно соответствовать и число предприятий, а государство стремилось обеспечить успешную работу каждого, что означало ориентацию на «средняков» путем «подтягивания отстающих».

Критика Советской экономической системы

Яркая обобщенная характеристика этой системы была еще в начале НЭПа дана экономистом Б. Д. Бруцкусом, выдворенным из советской России в 1922 г. на «философском» пароходе. Привлекательность этой характеристики для нашей темы в том, что автором рельефно представлена полная враждебность советской экономической теории идее активной роли человека. Ниже некоторые его суждения в более развернутом виде цитируются как выдержки из моей монографии «Переходная экономика: российская версия»¹⁶.

Первая часть труда Б. Д. Бруцкуса «Экономическое планирование в советской России» была опубликована в 1921–1922 годах в журнале «Экономист», выходившем при Русском техническом обществе, после чего автор вскоре выдворен большевиками из страны. Впоследствии его исследования публиковались уже за границей, а ныне они возвращаются к российским читателям.

«В своем докладе, – написал автор в предисловии, – в момент величайшего торжества коммунистических настро-

¹⁶ Александров Ю. Г. Переходная экономика: российская версия. М., ИВ РАН, 1999. С. 18–19. [Бруцкус Б.Д. Советская Россия и социализм. – С.-Петербург: «Звезда», 1995. Именно из этого сборника Б. Бруцкуса взяты приведенные выше цитаты].

ений, я позволил себе утверждать, что экономическая проблема марксистского социализма неразрешима, что гибель нашего социализма неизбежна» (С. 57). Дело в том, что это «государственный социализм, который «отрицает рынок и рыночные цены как регуляторы производства» (С. 63). Это полностью соответствует взглядам Маркса, однако, с точки зрения Бруцкуса, ведет к «атрофии хозяйственного расчета» (С. 65), поскольку при такой системе «риск каждого данного производства всеми участниками его перекладывается на все общество в целом». А тот учет, «который многим представляется чем-то чрезвычайно простым и очень объективным, в действительности является очень сложным и совсем не таким объективным» (С. 68). Объясняется это так: «Существуют какие-то явления ценности, которые марксизм не знает или не желает знать: эта ценность не находится в какой-либо прямой зависимости от трудовой стоимости, она является функцией общественных потребностей» (С. 71). Вывод из таких рассуждений сводится к тому, что экономическая жизнь общества не дает достаточных оснований для отказа от сопоставления результатов труда на рынке в пользу научного учета и планирования сверху донизу. Хотя «помимо руководящих центров в это верит значительная часть нашей интеллигенции, и в связи с этим она жестоко нападает на власть, которая этой задачи до сих пор решить не сумела» (С. 75)¹⁷.

Б. Бруцкус в этой связи обратил внимание на крылатую фразу Ленина «Социализм есть учет», которая отражает именно глубокую веру не только коммунистов того времени, но и вообще немалой части образованной публики в возможность рассчитывать наперед все потребности общества и давать точные директивы производству. На деле это ведет лишь к централизации всех распределительных функций в руках бюрократии, в результате чего «большой

¹⁷ Как известно, такая вера сохранилась в научной среде и в период обсуждения экономической реформы середины 1960-х годов, и при критике «шоковой терапии» Ельцина и Гайдара.

простор открывается для различных политических влияний на экономическую жизнь, которые в социалистическом государстве, где политическая жизнь окончательно слита с экономической, должны и без того проявляться сильнее, чем в каком бы то ни было другом обществе» (С. 83).

Возвращаясь к теме человека в советском сельском хозяйстве, можно только подчеркнуть лишний раз, что в такой системе любые усилия вывести не только сельское хозяйство, но всю экономику на траекторию роста через технологический прогресс были обречены на неуспех. Что и подтвердила жизнь. Поэтому не видно смысла вдаваться в детали каждого из этих шагов советского государственного руководства. Единственное, что дало временную передышку стране, ослабив остроту зерновой проблемы до начала массированного экспорта нефти и газа после открытия Самотлора и Уренгоя, оказалось освоение целинных и залежных земель в Казахстане. В отличие от этого к списку решений, самых экстравагантных и губительных для экологии и экономики страны, можно причислить осушение под земледелие торфяников нечерноземной зоны центральной России, что привело в дальнейшем к бесконечным дымным пожарам по регионам страны. И, конечно, на первое место следует поставить авантюру под названием «хлопковая независимость». Она нанесла колоссальный, можно сказать, непоправимый удар по всей жизни народов советской Средней Азии. Достаточно напомнить о катастрофе Аральского моря, усохшего до трети, и о такой деградации экономической и социальной жизни региона, которая привела к сосредоточению огромной массы местного населения в сельских «гетто». К окончательной катастрофе мог привести уже совершенно безумный план поворота на юг стока северных рек европейской и азиатской частей страны. Это был апофеоз обезчеловечивания технократической идеологии советской бюрократии, которая уже не видела перед собой вообще ничего, кроме географической карты и фактически вела страну к идеалу тотального

обводнения планеты по Станиславу Лему – с «рыбизацией» всего населения («Звездные дневники Ийона Тихого»).

В самой Средней Азии и советский эксперимент привел к уникальному для XX века феномену: рурализации общества. В данном случае советская общественная система продемонстрировала феномен, полностью противоположный явлению, которое обнаружилось в ходе индустриализации в развивающихся странах, в которых промышленный сектор долгое время развивался благодаря тому, что отгораживался от давления трудовых ресурсов традиционного сектора¹⁸. В СССР он, наоборот, нуждался в непрерывном притоке новой рабочей силы, но трудовые ресурсы перенаселенных регионов Средней Азии и Северного Кавказа сами отгородились от него. Налицо оказался разрыв, который имел не только экономическую, но и социокультурную подоплеку. Он стал следствием своеобразного ответа, который дали среднеазиатские титульные этносы государственной власти.

Большая часть коренного населения региона не приняла социальные и культурные ценности социалистического индустриализма, т.е. приоритет общественных ценностей перед личными, квазиклассовых отношений – перед семейными и родственными, клановыми, земляческими. А также идеалы урбанистического образа жизни по-советски: обязательный регламентированный по времени и оплате труд в общественном секторе хозяйства для мужчин и вынужденный для женщин, малодетная семья, равенство мужчины и женщины. Среднеазиатские народы противопоставили этому стремление сохранить фундаментальные основы своей цивилизации – прежде всего, приверженность принципу верховенства кровнородственных отношений над прочими сторонами социальной орга-

¹⁸ Сразу отметим на дальнейшее, что с похожим феноменом столкнулся коммунистический Китай времен форсированной индустриализации Мао Цзэдуна. В отличие от СССР, где, наоборот быстро развернулся процесс обезлюдения деревни – еще до либеральных реформ Н. Хрущева.

низации. В массовом социальном поведении не изменилась ориентация на многодетную семью, общину, родственные и земляческие отношения. Соответственно, наиболее привлекательными считались те виды хозяйственной деятельности, которые не противоречили традиционным социальным ценностям: сельское хозяйство с упором на приусадебные участки, торговля и услуги, гуманитарное образование, государственная служба. Напротив, работа в индустриальном секторе с присущей ему регламентацией труда и спецификой социальных отношений получала, как правило, в народе низкую моральную оценку. В этом секторе преимущественно было занято русскоязычное (для краткости: русское) население. Так выстраивались новые этнокультурные барьеры.

С конца 1950-х годов естественный рост численности коренного населения в регионе стал опережать рост местного русского населения. Титульные этносы, концентрируясь в сельских регионах, создали не встречающийся более нигде в современном мире, даже в самых отсталых странах, феномен – *рурализацию* общества. Так, в развивающихся странах по демографической инерции мог продолжаться рост абсолютной численности сельских жителей, но их доля во всем населении, пусть медленно, но уменьшалась по сравнению с городским населением. В Средней Азии сельское население стало неуклонно увеличиваться по сравнению с городским населением. Причем, не только общая численность сельских жителей, но даже и их доля в населении страны по сравнению с городскими жителями¹⁹. Это создало огромное давление на хозяйственные и природные ресурсы региона. В то же время аграрное перенаселение и безработица в малых городах сочетались с систематической нехваткой рабочей силы в индустриальном секторе. По мере обострения хозяйственных диспропорций и социальных про-

¹⁹ Александров Ю.Г. Бывший советский Восток // Социальный облик Востока. Глава 8. М., 1999. С. 120.

тиворечий происходило падение жизненного уровня населения, а в обстановке всестороннего экологического кризиса возникла угроза деградации его генофонда.

При этом в отличие от российских регионов, где коллективизация и индустриализация сельского хозяйства привели к массовому исходу населения из деревни, в Средней Азии эта политика обернулась консервацией, хотя и в модифицированном виде, некоторых фундаментальных черт местной сельской общины и, как следствие, сравнительно низким уровнем мобильности сельского населения. Специфическую роль при этом сыграло именно утверждение в сельском хозяйстве монокультуры хлопка. Ее характерными чертами стали ведомственный экспансионизм и регулярная принудительная мобилизация огромной массы сельского и городского населения на трудоемкие сезонные работы в хлопководстве. Такой ход дел придавал своеобразные черты занятости населения в сельских районах. Отвлечение огромной массы труда в хлопководство внесло глубокий разлад в хозяйственную и социальную жизнь и деревни и города.

Но тогда как для городской экономики и социальной жизни оно имело последствия, во многом схожие с теми, что наблюдались и в урбанизированной России, – ее воздействие на воспроизводство сельского общества было гораздо более многосторонним и глубоким. Искусственная имплантация хлопкового комплекса в сложившийся за века социальный организм среднеазиатского сельского общества привела к конфликту между двумя хозяйственными системами – колхозно-совхозными гигантами и приусадебными семейными (тогда формально «подсобными») хозяйствами сельских жителей. Каждая из систем отличалась высокой трудоемкостью, а сроки максимальной мобилизации рабочей силы в них совпадали. Фоном для этого конфликта стала конкуренция между ними за дефицитные факторы производства – землю и воду. Борьба, в которой, естественно, все преимущества были на стороне государства. Тем не менее,

в то время как в российских регионах государственный сектор подмял под себя и, в конечном счете, сломал сельское общество, в Средней Азии получилось по-иному – возник своеобразный симбиоз колхозно-совхозного и семейного крестьянского хозяйства. В последние годы советской власти в общественном труде участвовало меньшинство мужчин – порой до 20%. Источником живучести сельской семьи оказалось приусадебное хозяйство, которое (по данным обследования этнолога МГУ С. П. Полякова) приносило в два-три раза более высокий доход, чем труд в общественном секторе. Основной рабочей силой семейного хозяйства стали женщины и дети, в то время как мужчины были отчасти заняты в общественном секторе, а отчасти – торговлей продукцией со своего участка либо добыванием в городе дефицитных потребительских товаров. Кроме того, немалая часть хозяйственных работ на приусадебных участках (при обработке земли, транспортировке продукции и т. п.) велась за счет сил и средств общественного хозяйства²⁰.

Таким образом, под покровом формально социалистической экономики стихийно сплелась сеть неформальных хозяйственных связей, игравших важную роль в воспроизводстве всего хозяйственного и социального организма среднеазиатских республик (консервативный вариант социального капитала). Его местную специфику составляло антагонистическое противоречие между таким фактором стабилизации местной социальной жизни, как прочность традиционных структур, и мощным разрушительным воздействием на природные ресурсы и окружающую среду монокультуры хлопка и растущего населения. Сельские социальные структуры все с большим трудом выносили нараставшее извне и изнутри давление. Но мобильность сельских трудовых ресурсов сдерживалась низким уровнем их профессиональной подготовки и общего образования, деградацией физических характеристик, ограниченностью

²⁰ Там же. С. 127–128.

продовольственного и жилого фондов в городах. А также ограничительной миграционной политикой союзного государства. В то же время сконцентрированный в крупных городах сектор промышленности и гражданского строительства базировался в основном на труде русского населения и испытывал дефицит рабочей силы. Как правило, городское население из титульных народов сохраняло связь с деревней и выбирало сезонную несельскохозяйственную занятость на мелких предприятиях. А другие предпочитали индустриальному труду занятость в третичном секторе или государственную службу. В итоге, к 1990-м годам в Средней Азии, в отличие от России и отчасти Казахстана, не сложились достаточные предпосылки для формирования социальной структуры индустриального общества советского типа с характерными для него замкнутыми на государство квазиклассами и социальными прослойками. Наоборот, активизировались выработанные исторической практикой населения различные элементы его традиционной социальной организации. Получилось, что импульсы, исходившие от власти, по-разному преломлялись в разных этнокультурных слоях советского общества. И величина искривлений не позволяет говорить о существовании в СССР типологически однородной экономической, социальной и культурной среды²¹.

В конечном счете – парадоксальным образом – советская Средняя Азия выпала из общесоюзного стандарта трансформации крестьянства в работников крупных сельскохозяйственных предприятий, сохранив опору социальной жизни на сельскую семью с ее приусадебным участком. Правда, начавшаяся после развала СССР массовая, в основном, мужская, трудовая миграция в Россию ослабляет эту систему, но данная тема находится за пределами настоящего исследования, поскольку невозможно объять необъятное.

²¹ Подробнее см.: Александров Ю. Г. Может ли Россия стать «Евроазиатским тигром». М.: Институт востоковедения РАН, 2007. С. 85–87.

В самой же России политика Власти принесла свои плоды, до минимума снизив потенциал воссоздания уклада семейного фермерства в сельском хозяйстве.

* * *

*Малая семья хороша для еды
Большая семья – для работы.*

Якутская пословица

В итоге можно заключить, что тотальная коллективизация сельского хозяйства как элемент программы строительства коммунизма в СССР была точкой в исторической судьбе российского крестьянства. По крайней мере – в предсказуемом историческом цикле. Оно, действительно, – как того и хотелось Ленину, – было превращено в сельскохозяйственных работников. И с того момента Советская власть без всяких сомнений и колебаний повела их от простой кооперации сельскохозяйственного труда через его механизацию к агропромышленной индустриализации. Это был очередной принципиальный выбор и новая «точка невозврата». Никакие альтернативы даже не упоминались²². Вопрос в другом. Казалось бы, что может быть логичнее и естественнее, чем развивать сельское хозяйство как систему крупных агроиндустриальных предприятий – органичной части материально-технической базы коммунизма? Что не получилось, пошло не так?

Все послевоенные годы советского сельского хозяйства – бесконечный «сериал» про усилия «партии и правительства» добиться решительного перелома, который, наконец, вывел бы отрасль на магистральный путь уверенного

²² Сейчас можно лишь вспомнить о некоторых робких надеждах в крестьянстве последних военных лет, что Сталин, возможно, в благодарность «братьям и сестрам» распустит колхозы.

развития. Чтобы (по анекдоту) в конце каждого сельскохозяйственного цикла вслед за пахотой, севом, прополкой и прочим не приходилось «собирать вместо урожая Пле-нум». Эта история детально воспроизведена в партийно-государственных документах и научных публикациях того времени. Для темы исследования важнее другой вопрос: об экономическом, а не политическом обосновании решения превратить сельское хозяйство из крестьянско-фермерского в систему крупных предприятий на основе технологического разделения и механизации труда. Какую роль в этом сыграла убежденность советских вождей, начиная с Ленина, в безусловном превосходстве крупных предприятий в сельском хозяйстве над всеми другими. Равно как и в прочих отраслях экономики, начиная, естественно, с индустрии.

Итак, первый вопрос: была ли жизнеспособной сама идея превращения НЭПа из «временного отступления» в стратегию «мирного вставания» крестьянской экономики именно в советский социалистический строй – реальный или идеальный? Второй вопрос: действительно ли крупные сельскохозяйственные предприятия как таковые являют собой при любой форме собственности экономически более передовой тип организации производства по сравнению с семейно-трудовыми хозяйствами? Ответ на него позволит лучше понять, почему везде в мире потерпел неудачу социалистический проект организации сельского хозяйства. А сейчас он вернул себе актуальность в современной России, где успешно представлены крупные предприятия в производстве зерна, а в других отраслях сельского хозяйства они сталкиваются с явными трудностями.

Принципиальный вклад в этот раздел экономической теории внес *Александр Васильевич Чаянов*. Обращение к его теоретическому наследию сохраняет актуальность в нашем случае по двум причинам: Во-первых, это может внести больше ясности в вопрос о том, почему у советской власти не получилось сделать построенную на крестьян-

ской крови тяжелую индустрию новым сравнительным (естественным) преимуществом для модернизации сельского хозяйства в системе крупных предприятий. Во-вторых, поможет понять, почему китайские реформаторы не сочли целесообразным вновь направить крестьянское хозяйство по пути превращения в крупные сельскохозяйственные предприятия капиталистического типа. Наконец, соображения о некапиталистических формах хозяйствования могут быть полезны для понимания перспектив включения массы мелких производителей развивающихся и переходных обществ в постиндустриальные экономики, когда меняются отношения между капиталом и трудом. Тем более, что сам Чаянов интересовался теорией некапиталистической экономики²³.

В соответствии с принципами Организационно-производственной школы А. Чаянова одна из фундаментальных особенностей крестьянского хозяйства в том, что оно опирается на трудоресурсную базу самой крестьянской семьи. В этом его отличие от капиталистического предприятия, которое может произвольно менять состав наемной рабочей силы в зависимости от общих условий воспроизводства капитала. Другая фундаментальная особенность: цель деятельности крестьянского хозяйства – не извлечение дохода в виде прибыли, а потребление и воспроизводство хозяйственной основы семьи. От капиталистической рациональности такая рациональность отличается тем, что не преломляется через критерий нормы прибыли: «Всякое трудовое хозяйство имеет естественный предел своей продукции, который определяется соразмерностью напряжения годового труда со степенью удовлетворения потребности хозяйствующей семьи»²⁴ – принцип трудопотребитель-

²³ См., например: Чаянов А. В. К вопросу теории некапиталистических систем хозяйства. //А. В. Чаянов. Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М.: Экономика, 1989. С. 114–143.

²⁴ Чаянов А. В. Очерки по экономике трудового сельского хозяйства. М.: Новая деревня, 1923. С. 5.

ского баланса крестьянской семьи. Это значит, что марксисты-большевики руководствовались изначально неверными теоретическими представлениями, когда считали, что для крестьянского товарного производства неизбежно капиталистическое разложение на сельскую буржуазию и сельскохозяйственный пролетариат, а потом на идеализм Ленина и Бухарина наложился грубый прагматизм Сталина.

Другая особенность крестьянского трудового хозяйства, подчеркнутая Чаяновым, – стремление обеспечить средства существования крестьянской семьи «путем наиболее полного и возможно рационального использования имеющихся в ее распоряжении средств производства и рабочей силы самой семьи». В этом – его отличие от «нетрудового» хозяйства, задача которого – «наиболее полное использование вложенного в предприятие капитала»²⁵. А также – установление определенных параметров технологических изменений в собственном хозяйстве и обществе. В годы российского НЭПа это, в частности, проявилось в стремлении крестьян поначалу ориентироваться в обновлении своего инвентаря на сельское ремесло. Но особенно, – как будет показано ниже, – это проявилось при быстром подъеме сельской промышленности в китайской деревне после введения там подобия российского НЭПа. Что касается развивающихся стран Востока, то на этот счет существует обширная исследовательская литература, в которой особенно акцентируется проблема внедрения средств малой механизации там, где высока плотность сельскохозяйственного населения и при высоком плодородии почв ограничен земельный фонд²⁶.

Наконец, крестьянские (фермерские) хозяйства при развитии общественного разделения труда способны выде-

²⁵ Чаянов А. В. Очерки по экономике трудового сельского хозяйства. С. 62.

²⁶ См.: Александров Ю. Г. Аграрное перенаселение в странах Востока. М.: Наука, ГРВЛ, 188 с.; О теоретических положениях А. В. Чаянова см. подробнее у автора: Александров Ю. Г. Чаянов и проблемы марксистской теории // Чаянов и Восток. Реферативный сборник. М.: ИНИОН, 1991. С. 17–65.

лять вовне некоторые части воспроизводственного процесса, превращаясь тем самым в один из элементов, нижнее звено аграрно-промышленных комплексов. А по социально-экономическому положению – в фактических наемных работников рассеянной мануфактуры на формально принадлежащей им земле. Такое мнение высказали, например, аграрники В. и Л. Даниловы и В. Растянников²⁷. Но это взгляд на крестьянское хозяйство исключительно со стороны внешних по отношению к нему условий товарной экономики и капиталистического производства. Само же оно, как говорилось выше, ориентируется в своей деятельности на другие критерии рациональности, а не на максимизацию дохода и не на заработную плату²⁸. Это делает крестьянское хозяйство высоко конкурентным по отношению к крупному предприятию. При этом наем дополнительных рабочих рук предстает как простой обмен труда на деньги, а не на создание капитала. А процесс хозяйственной централизации сводится к разным видам кооперации в сфере обращения и аутсорсингу отдельных функций. В общем, действует тот же принцип, что у среднего класса в отличие от наемного труда: зарабатывать столько, сколько хочешь тратить, а не тратить столько, сколько зарабатываешь. Соответственно, экономические условия крестьянского хозяйства подчиняются в первую очередь его внутренним демографическим условиям, и только после этого – внешним условиям рыночной экономики. Не все условия воспроизводства крестьянского (фермерского) хозяйства соответствуют условиям рыночной экономики: прежде всего, нет прибыли и заработной платы. «Семейный трудовой доход – единственная возможная кате-

²⁷ Данилов В. П., Данилова Л. В., Растянников В. Г. Основные этапы развития крестьянского хозяйства // Аграрные структуры стран Востока: генезис, эволюция, социальные преобразования. М.: Наука, ГРВЛ. С.6–48.

²⁸ Выше приводился типичный для советских условий пример колхозных семей в Средней Азии, где трудовые усилия (женщин и детей) в основном прилагались к обработке семейного участка, а мужчины до 80% времени отводили отходничеству.

гория дохода для семейного трудового хозяйства крестьянина или ремесленника, – объяснял Чаянов, – потому что она не поддается объективному расчленению. Здесь отсутствует феномен зарплаты, и потому отсутствует также и феномен чистой прибыли, и, следовательно, здесь невозможно применить капиталистический подход к расчету прибыли»²⁹. Если же хоть один член выпадает из системы, то рушится все построение.

Краткие выводы

*«Русский народ должен
накормить свое крестьянство».*

Александр Заверюха³⁰

У нас немало любителей повторять якобы слова У. Черчилля о том, как «Сталин принял Россию с сохой, а оставил с атомной бомбой». Хотя подтверждений такого высказывания нет. В жизни, однако, все выглядело иначе. Да, уже не «с сохой», но и без хлеба, без крестьянства и нравственных устоев «соли земли». И так до самого конца советского государства, хотя Россия заняла лидерство на продовольственном рынке Европы еще на исходе XIX века, а в начале XX века стала абсолютным лидером экспорта зерна. В годы советской индустриализации и после войны до конца 1950-х годов коммунистическая власть принудительно поддерживала максимально возможный вывоз зерна, но в конце 1950-х годов стала переходить к его импорту. В период становления рыночных отношений в 1991–1993 годах экспорт зерна практически прекратился,

²⁹ Чаянов А. В. К вопросу о теории некапиталистических экономических систем (пер. с немецкого Ю. В. Чайникова) // Чаянов и Восток. С. 160.

³⁰ Заверюха А. Х., министр сельского хозяйства РФ на заседании Совета Министров 3 февраля 1994 г. // Московский комсомолец. 05.02.1994.

но уже в 2001–2002 гг. произошел качественный скачок, и страна быстро вышла в ряд его крупнейших экспортеров: 36,9 млн тонн в 2016/2017 гг.³¹

Дело в том, что Сталин, прервав НЭП принудительной коллективизацией деревни, по-своему довершил дело, которое задумал Ленин, еще на заре советской власти: превратить крестьянство и промышленный пролетариат, в сословие «рабочников» на государство. Но Ленин исходил из веры в идеал преимуществ плановой экономики перед рыночной и мирное вращение крестьянства в социализм, Сталину же пришлось убедиться, что это, как говорят, «не работает»: трудовое крестьянство предпочитает рынок и срывает государственные хлебозаготовки. Поэтому он осуществил ленинскую мечту другим способом: заменил «мирное вращение» репрессивным «раскрестьяниванием» деревни. Вместе с промышленными рабочими колхозники составили новые сословия (или квазиклассы) «социалистических трудящихся», лишенных прав отстаивать свои профессиональные интересы. Тем самым была реализована и мечта – уже самого К. Маркса – о «непосредственно общественном труде»:

Как считалось в теории марксизма-ленинизма, в ходе строительства коммунизма будет углубляться непосредственно общественный характер труда и на коммунистической стадии достигнет полной зрелости. Не стихийный рынок за спиной производителей, как это происходит при капитализме, а само социалистическое общество из единого центра будет планомерно управлять производством и распределением материальных и трудовых ресурсов по различным отраслям экономики на основе научного учета потребностей народного хозяйства, всех членов общества. Таким образом, каждая хозяйственная единица (а в её рамках каж-

³¹ Россия: экспорт зерна – история и современность // vvs- info.ru – https://vvs-info.ru/helpful_information/poleznaya-informatsiya/eksport-zerna-iz-rossii/ (дата обращения – 10.12.2019).

дый работник) будет выполнять определённую часть общих задач народно-хозяйственного плана³².

На практике целью государственной власти стала мобилизация рабочей силы для плановой экономики, где каждый работник действует как винтик единого хозяйственного организма. В итоге утвердилась и упрочилась модель экстенсивного роста материальных факторов хозяйства: «производства ради производства» при ведущей роли тяжелой промышленности. А в сельском хозяйстве при расширении обрабатываемой земли (например, целинных и залежных земель Казахстана, российского Нечерноземья – под зерновые культуры, среднеазиатских орошаемых земель – под «хлопковую независимость» и т. п.). И так продолжалось до начала драматического сокращения с 1970-х годов резервов рабочей силы, пригодной только для таких задач, но не для экономики роста и технологического прогресса, которая нуждается уже не просто в «трудовых ресурсах» и «рабочей силе» («один рабочий – одно рабочее место») а в **человеческом капитале все более высокого уровня развития** (см. главу 1)³³.

На этот путь российское общество вступило после длительных попыток решать экономические, социальные и идеологические задачи, опираясь на слой «одинаковых» работников с низкой капитализацией, образовавшийся после ликвидации советским государством исторически сложившегося крестьянства.

Известный отечественный крестьяновед Александр Гордон писал по этому поводу: «Крестьянское хозяйство – единица производства и потребления, воспроизводства и естественного размещения населения, самоуправления и

³² Непосредственно общественный труд.// Большая советская энциклопедия. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/113372-> (Дата обращения – 20.10.2019).

³³ С внешне похожей проблемой столкнулся Китай, перейдя от экстенсивной стадии строительства постсоциалистической рыночной экономики с опорой на дешевые малоквалифицированные трудовые ресурсы к интенсивному росту с потребностью в рабочей силе более высокого уровня как человеческого капитала и, соответственно, более высокой стоимости.

управления, соединения хозяйственного расчета и отправления культа, социализации молодежи и обеспечения старости.... Именно понимания этой сложности недостает, как мне представляется, в расчетах даже тех исследователей, кто превосходно знал отдельные проявления феномена «соединения несоединимого» в крестьянском хозяйстве»³⁴. Советские коммунистические вожди усматривали в крестьянстве лишь две черты: «труженика» и «хозяйчика», «торгаша». **Сведя свои усилия к тому, чтобы «уничтожить разницу между рабочим и крестьянином, сделать всех – работниками», они понизили общий цивилизационный уровень «человеческого капитала», с которым нация и подошла к концу коммунистического эксперимента.**

³⁴ Гордон А. В. Крестьянство Востока: исторический субъект, культурная традиция, социальная общность. ИНИОН АН СССР.- М. «Наука», ГРВЛ, 1989. С. 139–140.

РФ: ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ – НАСТОЯЩЕЕ

Достижения мировой науки в разработке темы человеческого капитала, анализированные в Главе 1, требуют адаптации к специфике переходных обществ с их противоречиями, унаследованными от пребывания вне русла мировой экономики и науки. Как показано в главах 2 и 3, основной функцией экономики было плановое распределение ресурсов в соответствии с приоритетами государственной политики и идеологии. Человек даже как потребитель исключался из общественной оценки полезности продуктов труда. Сами эти продукты становились объектами государственного распределения. Их не покупали-продавали, а «отпускали» по твердым ценам. Распределение «по науке» шло рука об руку с задачей удовлетворения «объективных потребностей» населения вместо субъективного потребительского спроса.

На такой основе базировались как практика государственного «народнохозяйственного планирования» по всей вертикали, так и стратегия достижения абсолютного идеала – «непосредственно общественного труда» в масштабах развитого коммунистического общества. Это была фантастическая картина человеческого муравейника! К ней имелось в виду двигаться по мере внедрения математических методов в экономическое планирование уже с 1960-х годов. И если об этом приходится напоминать сейчас, то потому, что советская власть продолжала упорно стремиться к цели до самого последнего своего дня. И многие последствия такой дея-

тельности сказались и сказываются на современной России. Конец этому был положен только отстранением коммунистов от власти после провала ГКЧП и переходом с 2 января 1992 г к «шоковым» реформам либерализации. Правда, идеи КПСС сохранила ее преемница КПРФ с той же программной установкой рассматривать трудящихся как «человеческий фактор» – объект политики государства: «Человек станет главной целью и фактором общественного развития»¹.

Что касается наследия прошлого, то здесь сложилась парадоксальная картина. Как было отмечено в предыдущих главах, основной категорией советских трудящихся стали простейшие по современной классификации (см. Главу 1) типы человеческого капитала в индустриальном обществе. В массе своей это были объекты экстенсивной мобилизации и эксплуатации, низкой и нижнесредней квалификации, близкой к уравниловке оплаты труда, без самостоятельной профессиональной организации. К тому же, это происходило при снижении численности рабочих рук по отношению к задаче поддерживать плановые темпы экономического роста. В постсоветской России это лишало экономику и самих трудящихся возможности (в отличие от положения у «азиатских тигров», а затем и у Китая) переориентироваться на трудоинтенсивные (прежде всего, сборочные) промышленные технологии. Вместо этого трудящиеся оставались в сферах низкопроизводительной и низкооплачиваемой занятости: в промышленности, строительстве и сельском хозяйстве, при низком уровне его механизации, и в третичном секторе. В столкновении с конкурентной волной внешних трудовых иммигрантов это вело к консервации экстенсивной модели экономики с низкими темпами роста и технологических изменений.

Здесь надо напомнить два принципа структурной организации советской экономики. Первый: предприя-

¹ Программа КПРФ. П. 3. Три этапа развития страны. URL:- <https://kprf.ru/party/program> (дата обращения – 27.03.2019).

тий во всех отраслях и отдельных производствах (включая и сельское хозяйство) должно быть столько, «сколько нужно». Поэтому государство было заинтересовано в успешной работе всех своих предприятий, поскольку их продукция заранее учитывалась в народнохозяйственных планах. Это достигалось методами «подтягивания отстающих до уровня передовых», а также коррекцией плановых заданий, т. е. фактически было ориентацией на худших. Второй принцип: цены на продукты труда должны сознательно фиксироваться с таким расчетом, чтобы свести число убыточных предприятий к минимуму или даже к нулю. Те, кто хоть как-то знаком с тщетными попытками советского руководства добиться подъема экономики на основе роста производительности труда, легко могли увидеть причину их постоянных неудач в отказе от повышения мобильности экономических ресурсов через конкуренцию. Наконец, колхозное крестьянство, близкое, повторим, к идеалу ленинской мечты о «социалистических рабочих», после краха коммунистического проекта не смогло составить в России массовой базы фермерского «капитализма снизу».

В отличие от этого, в **Китае** последовательное включение рыночных механизмов для государственных промышленных предприятий было подготовлено демократической аграрной реформой 1980-х годов и созданием параллельного госсектору рыночного анклава частных экспортных промышленных предприятий. А в **Индии** приступили к либеральному реформированию госкапиталистического сектора промышленности в 1990-м году – на десять лет позже китайцев. К тому времени политика защиты национальной тяжелой промышленности от внешней конкуренции в годы индустриализации имела следствием низкую конкурентоспособность промышленного экспорта, плохой платежный баланс, чрезмерно высокую капиталоемкость и недогрузку мощностей предприятий, ухудшение занятости, «ножницы цен» между продукцией промышленности и сельского хозяйства. Кроме того, глубокое вмешательство государства

в экономику порождало неопределенность правил игры, коррупцию и неэффективные инвестиции. Но в Индии, как и в Китае, была возможность подойти к делу спокойно: ведь реформирование государственного сектора проводилось в экономической среде, где уже давно существовали самые разные формы рыночной экономики – от чрезвычайно распяленного мелкого производства до империй мультимиллионеров Таты или Бирлы. В частном секторе к тому времени создавалось более 40% валового продукта, функционировала разветвленная система экономических институтов и форм взаимодействия между государственным и частным секторами. Еще с 1875 г. в стране действует знаменитая Бомбейская товарная биржа².

В России таких «подушек безопасности», как в Китае или Индии, в производственном секторе не нашлось. Их роль единственно исполнял энергетический сектор: нефть, газ и электроэнергетика. Сельскому населению после развала советской системы была предоставлена возможность добровольно реорганизовать способ хозяйствования. В 1992 г. была произведена перерегистрация хозяйств. В конце 1993 г. вышел президентский указ о выдаче членам сельскохозяйственных предприятий документов на индивидуальные паи – земельный и имущественный. Но в массе своей сельское население не воспользовалось этим – более 80% сельскохозяйственных земель удержали крупные предприятия. На долю крестьянских (фермерских) хозяйств пришлось всего 5% земли, хозяйств населения – 2,5%. В результате этого (по данным сельскохозяйственной переписи 2016 г.), в России продолжают доминировать крупные и средние сельскохозяйственные предприятия – 27,8 тысяч со средней площадью из расчета 11,9 тыс. гектаров на одно предприятие. В то же время насчитывалось 175 тыс. крестьянских (фермерских) хозяйств с 241 га земли в среднем

² Александров Ю. Г. Может ли Россия стать «Евразийским тигром». М.: ИВ РАН, 2007. С. 162.

на одно хозяйство. Это оказалось весьма значительным сокращением по численности при определенном увеличении среднего размера одного хозяйства. Таким образом, фермерская линия развития российского сельского хозяйства практически уже к середине 1990-х годов исчерпала свой потенциал на видимую перспективу³.

В итоге свое наследственное качество социалистического «человеческого фактора» российские трудящиеся граждане во многом воспроизвели в постсоветской экономической и социальной жизни как признак неполного вычленения рационального экономического поведения из совокупности социальных и политических отношений в обществе.

При этом в экономике оформились следующие системообразующие элементы:

- «Госкапитализм для друзей» – олигархических бенефициаров централизованного госзаказа и господряда как модификации прежнего политического состязания советских государственных монополий (тогда во главе с ВПК и Минводхозом).

- Крупнейшие государственные и частные (в первую очередь, сырьевые) корпорации и компаний во главе с государственными «Газпром» и «Роснефтью». Первый – это фактический стеновой хребет энергетической инфраструктуры всей страны, и оба – главные инструменты геэкономической политики высшего руководства страны последние двадцать лет.

Для всех внедрившихся в частный бизнес «силовых» государственных структур типична эксплуатация наемных работников через оплату труда по «остаточному» принципу – как модификация их неравноправного положения применительно к условиям раннего госкапитализма. Обратной стороной таких отношений оказалось сохранение на неопределенную перспективу социалистического

³ РФ. Сельскохозяйственная перепись 2016. http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/sx/vsxp2016/VSHP-2016.pdf (дата обращения – 03.09.2020)

«собеса» – системы государственных уравнивающих социальных гарантий для населения. Только уже не как прошлых советских «общественных фондов потребления», а как важного элемента системы воспроизводства тотально бедного населения богатой страны.

В тех республиках бывшей советской Средней Азии, которые пережили катастрофу проекта «хлопковой независимости», социальный капитал реализовался в ходе активной рурализации общества. В постсоветское время устойчивость таких структур стала оплотом традиционной семьи и традиционного сельского общества при массовой мужской трудовой миграции в Россию. Но это в то же время оказалась препятствием для модернизации собственных экономик как для стран исхода мигрантов, так и для России.

Регенерация отношений эксплуатации труда капиталом в России в сочетании с массовым предложением дешевой рабочей силы трудовых мигрантов способствуют **консервации в России модели экстенсивного экономического роста**. И, как следствие, трансформации всей этой модели в сторону **сырьевого придатка мирового рынка**. При этом возникли проблемы приспособления постсоветского уравнительного собеса к его бюджетному финансированию в условиях зависимой рыночной экономики. Одновременно с этим переориентация всей хозяйственной деятельности с плана на спрос и драматическая перестройка отраслевой структуры занятости дали толчок как новому классообразовательному процессу, так и его ограничению и размыванию.

Классообразование в РФ

Постсоветская Россия поначалу унаследовал от СССР типичную для него структуру занятости, при которой масса трудящихся в основном трудится в сфере материального производства. Ее ядро составляли работники промышленных отраслей, что соответствовало модели экстенсивного

индустриального роста с опережающими темпами тяжелой промышленности. Такая практика освящалась ортодоксальной наукой, которая, следуя догмам трудовой теории стоимости К. Маркса, утверждала, будто стоимость товаров (а значит и реальное национальное богатство) создается исключительно в сфере производства, а в третичной сфере она только перераспределяется. Даже национальный доход СССР подсчитывался как сумма чистой продукции, создаваемой в отраслях материального производства.

В постсоветские годы началось и продолжилось быстрое изменение структуры занятости по видам экономической деятельности. В дореформенный период, – отмечает экономист Р. Капелюшников (ИМЭМО РАН), – российская рабочая сила заметно отличалась по своим структурным характеристикам от рабочей силы других стран, особенно стран со зрелой рыночной экономикой. При наличии гипертрофированного промышленного сектора слабо был развит сектор услуг: спрос на услуги искусственно подавлялся в пользу спроса на товары; система снабжения и сбыта отличалась сверхцентрализацией; господствовала идеология, согласно которой производительным признавался только труд, направленный на производство товаров (отсюда – противопоставление сфер «материального» и «нематериального» производства). Профессиональная структура занятости была смещена в пользу «синеворотничковых» профессий, т. е. связанных с физическим трудом, многие «беловоротничковые» профессии были представлены в недостаточной степени либо вообще отсутствовали. Хотя экономика располагала многочисленным контингентом высокообразованной рабочей силы, система профессионального образования была ориентирована на выработку узкоспециализированных технических навыков в ущерб общим знаниям и умениям. **Значительная часть накопленного человеческого капитала была отчетливо «нерыночной» и могла иметь экономическую ценность лишь в специфическом контексте плановой экономики**

(выделено мной – Ю. А.). Шоки переходного процесса фактически «взорвали» прежнюю структуру занятости, сложившуюся в плановую эпоху. ...Как показал наш анализ, в пореформенный период структура российской занятости претерпела кардинальные изменения и во многих отношениях стала более «стандартной». Так, наблюдалось резкое расширение третичного сектора, в результате чего российская рабочая сила в основном оказалась сконцентрирована в сфере услуг – главным образом, социальных⁴.

За 40 лет действия советской экономики (1940–1980 гг.), пока еще не начался ее явный структурный кризис, доля занятых в материальном производстве сократилась менее чем на 15% и оставалась чрезвычайно высокой, достигая около трех четвертей (73,9%), в то время как занятость вне непосредственно материального производства увеличилась только с 11,7 до 26,1%. Сравним процент распределения занятых по основным отраслям экономики в СССР (1984 г.) и США (1994 г.): промышленность и строительство – соответственно 38 и 24; сельское и лесное хозяйство – 20 и 2,9; торговля и общественное питание, материально-техническое снабжение, сбыт и заготовки: 8 и 20,9%. Но уже с первых шагов переходной экономики в России ориентация на рыночной оценки ресурсов и результатов труда положила начало радикальным переменам в отраслевой структуре занятости. Только за 1992–1995 гг. в промышленности число трудящихся уменьшилось более чем на 4 млн человек (с 21,3 до 17,2 млн), т. е. с 29,6 до 25,7% и в конечном счете составило 19,2% в 2017 г. С середины 1990-х годов существенные изменения произошли в сельском хозяйстве, где до 1995 г. оставалось примерно прежнее число занятых – 10,5 млн человек (15%). Но начался активный перелив рабочей силы из коллективного хозяйства в семейное.

⁴ Капелюшников Р. Структура российской рабочей силы: особенности и динамика. Вопросы экономики. // Демоскоп weekly. № 277-278. 19.02-04.3.2007. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0277/analit04.php> (дата обращения – 31.08.2020).

Затем сокращение занятости пошло быстрее: 9,9% в 2006 г., 5,8% в 2017 г. занятость в строительстве снизилась сначала с 7,9 до 6,5 млн человек, или с 11 до 9,7% в 1991–1995 гг., затем до 6,5% (4483 млн) в 2006 г. и последующий сравнительно небольшой прирост, во многом за счет трудовых мигрантов – 7,3% (5258 млн) в 2017 г. Это сопровождалось массовым отливом рабочей силы в третичную сферу, прежде всего, в торговлю и услуги при переориентации всей экономики с планового распределения на спрос и сокращения в промышленном секторе. Число занятых только в организованном секторе возросло здесь всего за четыре года реформ более чем на 1,1 млн человек (с 12 до 14,6%), а к 2017 г. этот показатель достиг 16%. И так – по всем отраслям непроизводственного сектора экономики. Не считая тех миллионов людей, кто получает доход на условиях полной, частичной или эпизодической занятости, не торопясь объявляться государственным налоговым органам или обращаться за кредитами в банки. Но и данные по одной только организованной экономике указывают на массовое движение рабочей силы от материального производства к третичной сфере. Одновременно с этим от 20 до 40% влились в неорганизованную экономику. Вместе с семьями это десятки миллионов людей с неучтенными основными или побочными доходами⁵.

Все эти перемены привели к **снижению прежней значимости социализации трудящихся через производственные коллективы и к масштабной атомизации социума России**. При этом с 1990-х годов наблюдается также архаизация социальной жизни в разных частях бывшего Союза. Последнее особенно проявилось в его центрально-азиатских и кавказских регионах, которые лишь частично составляют объект этого исследования. Но в рассуждениях

⁵ Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2018: Стат. сб./Росстат. – М., 2018. 142 с. URL: https://www.gks.ru/free_doc/doc_2018/rab_sila18.pdf (дата обращения – 17.04.2020).

об особенностях человеческого капитала времен СССР (Глава 2) было в общих чертах показано, насколько сильно проявились архаические черты «социального капитала» в деревне республик советской Средней Азии с ее устойчивой сетью традиционных микросоциальных связей и в какой мере они стали препятствием для модернизации их экономической, социальной и политической жизни. В то же время указанное обстоятельство подготовило почву для массовой челночной трудовой миграции местного экономически активного населения в государства СНГ, главным образом в Россию.

Однако в России общий социально-экономический процесс все-таки пошел по пути утверждения новой структуры занятости. Можно полагать, – благодаря двум решениям. Первому: введению (подобно в свое время нэповскому «золотому червонцу») «шоковых» денег, оцениваемым теперь уже не по золотому стандарту, а по мировым твердым валютам. Это дало старт перестройке занятости – массовому переходу трудящихся из кризисных государственных отраслей в сферу рыночных отношений. Второму, не менее важному: сохранению (о чем уже упоминалось) основ государственного «собеса» как системы гарантий физического выживания граждан и структуры социальной организации общества. Это всеобщее бесплатное здравоохранение и образование, а также пенсионное обеспечение с введением социальных (в дополнение к трудовым) пенсий, т. е. одной из действительно фундаментальных «скреп» нынешнего российского общества. Тем самым был дан ход, конечно, болезненному, но, все же, относительно мирному (по сравнению, скажем, с крахом Российской империи) включению трудящихся в переходную к рынку экономику.

В итоге основные потоки социально-экономического процесса в постсоветской России приобрели следующий вид:

а) Возникновение потенциала образования индустриального рабочего класса на базе бывшего квазикласса.

б) Формирование среднего класса как прослойки между рабочими и буржуазией индустриального общества. А также, все более, появление социального продукта постиндустриализации с разукрупнением предприятий, размывание классовой структуры труда и его профессиональной организации. Последнее идет рука об руку с активным перераспределением занятости трудящихся из сферы материального производства в третичную сферу – как результат повышения производительности общественного труда.

в) Разнонаправленные изменения в неформальной (теневой, серой) экономике с динамичными изменениями в соотношении процессов имущественной и социально-экономической дифференциации занятых..

В данной работе нет смысла пытаться конкретно описать этот процесс в целостности, полезнее сконцентрироваться на некоторых его специфических чертах, которые характеризуют особенности перехода к рыночной экономике именно в России, в отличие, прежде всего, от Китая как ее, по сути, антипода в этом отношении. Главным образом, по различиям в способах активизации человеческого капитала при переходе от централизованной экономики к рыночной.

В Китае основными вехами этого процесса стали:

- Демократическая аграрная реформа, нацеленная (в противоположность российскому НЭПу) на развитие крестьянско-фермерской рыночной экономики, сельской промышленности и на перемещение сельских трудовых ресурсов в городскую промышленность вместе с растущей товарной сельскохозяйственной продукцией.

- Форсированное развитие экспортного сектора городской трудоинтенсивной промышленности с активным привлечением именно сельско-городских мигрантов и внешних капитальных инвестиций.

- Переход к фронтальной модернизации экономики с упором на повышение качества человеческого капитала рабочей силы.

В России обращают на себя внимание следующие сугубо специфические черты переходной экономики:

- Приоритет централизованной государственно-капиталистической экономики при вторичной роли рыночного сектора, региональных экономик и малого бизнеса.

- Факторы, которые консервируют в переходной экономике модель экстенсивного роста из-за ведущей роли в формировании ВВП экспортного сырьевого сектора и неограниченного притока дешевой рабочей силы трудовых иммигрантов.

- Специфическая роль унаследованного от СССР уравнительного «собеса» с его неоднозначной ролью в социальной и экономической жизни страны на стадии рыночного перехода.

- Массив неформальной (серой и т. п.) экономики в сложных отношениях с государственной властью по части налогов и социального обеспечения.

Итак, в России решительный («шоковый») переход к рыночным реформам дал толчок экономическим и социальным сдвигам – быстрым, но и противоречивым. Сразу был прорван запретительный барьер «остаточного» вознаграждения рабочей силы в системе «трудовых» социалистических доходов. Занятость стала переориентироваться на сферы, в которых доход создается уже по принципам рыночной экономики. При этом темпы роста безработицы в ходе либерализации цен и приватизации государственного сектора были ниже, чем опасались при переходе к реформам. Причиной тому первоначально оказалось парадоксальное явление: работники многих предприятий и учреждений продолжали трудиться или «ходить на работу», подолгу не получая зарплату. Тем самым была замедлена смена модели социалистической «всеобщей» занятости на производительную занятость (полную или неполную) и резервную армию труда. В результате этого образовалась зона, в которой стала концентрироваться рабочая сила, продолжавшая соединяться со средствами производства

на основе принципов, ненамного отличавшихся от тех, что утвердились в советской системе.

В рыночной системе воспроизводство наемной рабочей силы может быть описано двумя разными способами. В политэкономии капитализма К. Маркса, взятой за основу в СССР, она предстает в виде переменного капитала (v), а вознаграждение ее труда происходит на основе стоимости фонда жизненных средств, требуемых для ее воспроизводства. В экономической неоклассике варианты вознаграждения труда – как *фактора производства* анализируются в понятиях *теории предельной производительности*. В первом (марксистском) случае, по сути, рассматривается принципиальная модель той стадии индустриального капитализма, на которой решающую роль для воспроизводства капитала играла *норма прибавочной стоимости* – т. е. отношение прибавочной стоимости к переменному капиталу (m/v). Такая трактовка отношений между трудом и капиталом предполагает (явно или неявно, но неизбежно) постоянное существование *внешнего предела*, верхней границы фонда вознаграждения рабочей силы – как подчинения труда капиталу. Во втором (неоклассика) случае рабочая сила предстает в теории как один из равноправных факторов производства («живой труд» или просто «труд») в их общем ряду. Тем самым отвергается «объективность» верхней границы фонда вознаграждения труда, и, наоборот, предполагается торг, отношения между всеми агентами производства превращаются в *динамичные*. Величина фонда в каждом данном случае может анализироваться при помощи инструментов теории предельной производительности, а в жизни это определяется отношениями между сторонами – владельцами факторов производства – капиталистов, рабочих, землевладельцев и прочих. Соответственно, оказались опровергнутыми (теоретически и практически) положения К. Маркса о тотальной монополизации капитализма и об эксплуатации труда капиталом как о независимых от воли людей, объективных законах капиталистиче-

ской экономики. Монополии при рыночной экономике и частной собственности предстали как сговор одних частных собственников против других. А при социализме с его общественной (государственной) собственностью – как отношения господства – подчинения между объединенной в правящую «номенклатуру» политической властью и «трудящимися». Но с уточнением (см. в главе 2) о меняющихся по разным причинам в этой системе силовых и властных отношениях в зависимости от преобладания в ней распределительных или производственных задач.

Если взглянуть с этой точки зрения на современную ситуацию в России, мы увидим неоднозначную картину, которую вряд ли возможно охарактеризовать в целом при помощи любой из экономических теорий, созданных на основе исследования рыночных экономических систем. Россия – наследница советского социализма, при котором рабочая сила парадоксальным образом имела фиксированную цену, но не имела стоимости как результата взаимодействия спроса и предложения на нее на рынке труда. В советской системе отношения эксплуатации между нанимателями (государством) и квазинаемными трудящимися были упрощены ампутацией свойства рабочей силы выступать как товар – быть ценностью. Переход к рыночным принципам организации экономической жизни означил возвращение продуктам труда их содержания *как товаров*. Но при этом одна из важнейших особенностей всей рабочей силы в России в том, что она все еще воспроизводится в разветвленной системе государственных социальных институтов. **Эта система вряд ли имеет аналоги в мире в таком объеме и с таким экономическим, социальным и политическим значением** даже среди экономически передовых стран. При этом, наверное, важнее именно ее социальное содержание. В ней воплощен основной принцип советского социализма, отличающий его от социал-демократизма в странах Европы, а именно, ориентированность не на экономически слабые группы, а на все население. В этом, с одной стороны, нашла

отражение идеология российского коммунизма как бесклассового общества, путь к которому должен пролегать через замещение личных доходов граждан общественными фондами потребления. С другой стороны, данная система стала элементом модели экстенсивной индустриальной экономики с тотальным вовлечением в нее рабочей силы, слабо дифференцированной по производительности и оплате труда.

В 90-е годы началась стихийная дифференциация предприятий и целых отраслей не только по оплате труда, но и по размерам социальных выплат в зависимости от успешности освоения требований рыночной экономики. Тем не менее, на всем экономическом и социальном пространстве России «собес», сначала деградируя, затем «оптимизируясь», продолжает играть огромную функциональную роль. Помимо того, что он амортизирует трудности структурной перестройки хозяйства и общие социальные неурядицы кризисного периода, рабочая сила удерживается в секторе «зависших» предприятий. При этом, по сути, происходит **перераспределение фонда потенциального накопления в фонд уравнительного, на социалистический манер, потребления.** Таким способом поддерживается законсервированный социализмом стереотип поведения людей общества, в котором **экономика не выделилась полностью из социального бытия и законы рынка не обрели полностью развернутой формы.**

В сочетании с нерегулярно получаемой зарплатой все это позволяет массе людей сохранять приверженность социалистическим стандартам экономического поведения: «ходить на работу» и бороться за сохранение своих номинальных рабочих мест и уравниловки в оплате труда, ориентируясь на традиционные стандарты потребления и «собес». В результате социально-экономическое пространство разрывается на анклавов, в которых воспроизводственный процесс протекает на основе разных закономерностей, плохо совместимых между собой. В рыночном секторе действуют одни правила, в государственном – другие, в зоне

стагнации они еще не определились. И все эти анклавов организованной экономики вместе взятые предстают в виде верхушки айсберга, дрейфующего в безбрежном море «экономического подпространства». Его образуют, с одной стороны, неорганизованная экономика с высокой степенью криминализации даже за пределами собственно «теневых» структур, с другой – та среда, в которой социальные мотивы хозяйственного поведения довлеют над экономической рациональностью. В этой протяженной и глубокой среде импульсы, посылаемые из центров рыночной экономики, искажаются вплоть до неузнаваемости либо вовсе глоснут. Процесс накопления разорван, расколот на отдельные фрагменты: по государственному и частному секторам, отраслям хозяйства, отдельным предприятиям, формам собственности, по регионам. Этот процесс сильно ограничивается перераспределением национального дохода в пользу федерального бюджета, населения, криминального бизнеса и финансирования проектов, бесперспективных с точки зрения рыночных критериев.

Государство и труд в экономике

Положение труда в российской экономике во многом определяется участием в ней государства, однако точная оценка этого участия довольно затруднительна. Среди экономистов распространено мнение о том, что государство контролирует 70% экономики. Но по подсчетам экспертов МВФ его доля, в 2012 г. составлявшая 32%, увеличилась в 2016 г. не более чем до трети российского ВВП. При этом государственное управление обеспечило 13,5% ВВП, а государственные предприятия – еще 19,3%. Агентство Moody's, со своей стороны, оценивает долю госсектора российской экономики в 40–50% с учетом частично приватизированных компаний. Схожее мнение и у Центра стратегических разработок – 46% по итогам 2016 г. Однако оценка Федераль-

ной антимонопольной службы (ФАС) намного радикальнее: вклад госкомпаний в ВВП в 2015 г. достиг 70% по сравнению с 35% в 2005 г. Директор Института стратегического анализа компании «Финансовые и бухгалтерские консультанты» И. Николаев, в свою очередь, объясняет такие расхождения разницей в методологии. По формальным показателям доля государства в экономике действительно составляет около 30%. Но автор склонен скорее согласиться с оценкой в 70%: многие крупные компании в России по существу – «квазичастные», так как сильно зависят от государственных субсидий. Тем более, что присутствие государства влияет на условия конкуренции. Особенно оно велико в стратегических секторах экономики: добыче нефти и газа, оборонном комплексе промышленности, естественных монополиях и государственных службах (электроэнергия, водоснабжение и канализация, отопление, трубопроводы и железнодорожный транспорт). Преимущественно частные отрасли – сельское хозяйство и пищевая промышленность, большая часть обрабатывающей промышленности (исключая переработку нефти и газа) и торговля. При этом, однако, не учитывается вес ВПК в корпорации «Ростехнологии». Специфической для современной России особенностью стало доминирование государства в финансовом секторе. При этом экспансия государства расширяется. Более двух третей банковской системы России принадлежит государственным учреждениям, которые, в свою очередь, подразделяются на институты развития, такие как ВЭБ, чисто коммерческие и гибридные банки. Доминирование госсектора на финансовом рынке явно отрицательно влияет на конкуренцию и провоцирует высокие ставки по кредитам. Негативное воздействие на структурный рост экономики также оказывают естественные монополии в транспортировке газа, нефти, электроэнергии, грузов⁶. Для темы

⁶ Агеева О. МВФ оценил долю государства в российской экономике в 33% (РБК 25.09.2019) <https://www.rbc.ru/economics/12/03/2019/5c879e0c9a79472f59316a90> (дата обращения - 12.12.2019).

человеческого капитала помимо прочего важно, что бюджетные организации и крупнейшие государственные компании ответственны за половину занятости в формальном (организованном) секторе экономики. Именно этим в большой мере объясняется низкая активность профсоюзного движения в самом госсекторе и в стране в целом. Хотя, конечно, причина далеко не сводится к этому.

Также в целом проявилась тенденция к централизации и усилению контроля государства над инвестиционными потоками. А. Башкатова («Независимая газета») приводит мнения об этом должностных лиц и ученых и приходит к выводу о существовании иллюзии по поводу национальных проектов: иллюзия состоит в том, что власти направят на их реализацию колоссальные суммы из разных источников. На самом деле заявленная стоимость национальных проектов – около 4 трлн. руб. в год – в четыре раза меньше всех капитальных инвестиций, совершаемых в РФ. Поэтому экспертам уже очевидно, что эти проекты призваны сузить и взять под государственный контроль все финансовые потоки, сделав их «настолько подотчетными ему, что жалуются даже министры». А условия для частного капитала и сколько-нибудь независимых центров аккумуляции и распределения средств ужесточаются. Выйти на темпы роста выше среднемировых – такая цель была поставлена президентом еще в конце 2014 г. Тогда же была сформулирована идея перехода на инвестиционную модель роста. По мнению экспертов, до этого правительство в своих разработках делало ставку на частные инвестиции и улучшение делового климата. Однако ситуация изменилась: цели остались примерно теми же, но акцент перенесен на государственные инвестиции, а частный бизнес должен ориентироваться на национальные проекты и государственную инициативу. «Экспертам все очевиднее, – цитирует автор одного из них, – что нацпроекты призваны сузить финансовые потоки в стране и сделать их максимально подконтрольными государству. Любые же попытки

создать независимые центры притяжения или распределения средств воспринимаются властью с опаской – как угроза стабильности, причем не столько экономической, сколько, судя по всему, политической». Поэтому (например, по мнению гендиректора компании «Вальтер Констракшн» Е. Вальтера) российскую экономическую модель можно назвать консервативным государственным капитализмом (выделено мной. – Ю. А.)⁷. Можно еще добавить популярное определение «олигархический госкапитализм для друзей».

⁷ Башкатова А. Максиму Орешкину и Алексею Кудрину не хватило свободы // Независимая газета. 28.10.2019.

Глава 5

РФ: ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ – ПЕРСПЕКТИВА

Как можно судить по структуре социально-экономических изменений в постсоветской России, одной из главных характеристик классообразовательного процесса в индустриальных отраслях страны стала специфика профессиональной организации труда.

Профессиональная организация труда

Официозная картина профсоюзной организации трудящихся в РФ представлена в коллективной работе «Профсоюзное движение в России: основные тенденции (2005–2015)» Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов (ГУП), подготовленной по заказу Министерства труда и социальной защиты РФ¹. Из этого труда, который, на наш взгляд, выглядит как апологетика Федерации независимых профсоюзов России (ФНПР), можно, тем не менее, извлечь ряд сведений, так или иначе характеризующих положение профсоюзного движения в стране, позицию руководства Федерации по отношению к государственной власти, к независимым профсоюзам и забастовочному движению.

В России действуют несколько объединений, которые представляют собой разные модели профсоюзного движе-

¹ Профсоюзное движение в России: основные тенденции (2005–2015) / науч. ред. А. С. Запесоцкий. СПб.: СПб ГУП, 2017. 136 с. (Социально-трудовые конфликты; Вып. 4) (дата обращения – 25.09.2020)..

ния². Самые крупные – Федерация независимых профсоюзов России и Конфедерация труда России (КТР). Отличительные особенности других профобъединений – как, например, Соцпроф, «Защита труда» – отсутствие фиксированного «оплачиваемого» членства и использование форм работы, выходящих (по оценке авторов публикации) за рамки установленные законодательством РФ для профсоюзных организаций: активная политическая деятельность, отказ от выборных органов, оказание платных услуг населению, лицензированные виды деятельности и т. д. Все профобъединения различаются по качественному и количественному составу членов, организационному строению, идеологии, методам работы.

За последнее десятилетие в профсоюзном движении произошли существенные изменения. Укрепление вертикали государственной власти и концентрация капитала привели к необходимости его модификации. Основной тенденцией развития профсоюзных объединений стало стремление к консолидации членских организаций и укреплению единства профсоюзов. Эта тенденция совпала с устремлениями государственной власти и «социально ориентированного бизнеса» к достижению социального мира в условиях нарастающего глобального кризиса.

Самой представительной остается Федерация независимых профсоюзов России (ФНРП). Она обладает разветвленной сетью организаций, подготовленными кадрами и активом, заботится об упрочении организационно-финансовой базы. ФНРП проводит курс на консолидацию членских организаций, укрепление исполнительской дисциплины. Такая тактика позволила умерить (но не остановила. – Ю. А.) сокращение численности членов профсоюзных организаций. По мнению авторов издания, тенденция

²Список российских профсоюзов см.: Профессиональные союзы в России. Справка // РИА Новости 28.07.2009. URL: – <https://ria.ru/20090728/178907493.html> (дата обращения – 09.11.2019).

снижения профсоюзного членства в ФНПР и КТР «не является российским феноменом и отражает изменения, происходящие в мировом профсоюзном движении». В то же время по большей части вновь созданные профсоюзы «с определенными оговорками смогли трансформироваться в профсоюзные объединения нового типа, встроиться в систему социального партнерства и перенять у традиционных профсоюзов проверенные и эффективные методы работы». В 2010 г. состоялось объединение нескольких профцентров в Конфедерацию труда России (КТР). Была найдена приемлемая формула для объединения профсоюзов разного типа на основе принципа конфедерации. Важным следствием формирования КТР стала координация ее действий с ФНПР. Тем не менее, «сохранилось соперничество за членскую базу и расхождения по ряду идейных и внутри-профсоюзных вопросов.

Одновременно «продолжилась «маргинализация» альтернативных профсоюзов, обслуживающих (по мнению авторов издания) интересы их лидеров, личные либо групповые (в том числе политические). «Разрушение маргинальных профсоюзных структур, не способных довести свою активность до заключения справедливого коллективного договора и его реализации, наносит ущерб профсоюзному движению России в целом», утверждают они. Что касается внутреннего положения дел, то из всех существующих в России профсоюзных объединений авторы с оптимизмом оценивают перспективы только ФНПР и КТР, которые «смогли своевременно понять организационные задачи профсоюзного движения и начать консолидировать силы». Это позволило им не только укрепить единство профобъединений, но и оказать существенное влияние на развитие и совершенствование системы социального партнерства в стране.

Федерация независимых профсоюзов (ФНРП) – доминирующее профсоюзное объединение страны образована в 1990 г. как независимый от государства, политических и

предпринимательских структур национальный профсоюзный центр. В Федерацию входят 122 членские организации, в том числе 40 общероссийских (межрегиональных), объединяющих 20,2 млн членов с учетом 5 профсоюзов, сотрудничающих с ФНПР, и 82 территориальных объединения. ФНПР участвует на экспертном уровне в разработке проектов федеральных и региональных законов, касающихся социально-трудовой сферы, соблюдения прав трудящихся и прав профсоюзов. ФНПР активно влияет на процесс совершенствования российского законодательства, в том числе через своих представителей в Государственной Думе – межфракционную депутатскую группу «Солидарность». Свой стратегический курс ФНПР связывает с «полноценной реализацией механизма социального партнерства, на основе заключения коллективных договоров на предприятиях, а также отраслевых и региональных трехсторонних соглашений». Практически на всех предприятиях, где действуют первичные организации профсоюзов, входящих в ФНПР, заключены коллективные договоры. ФНПР играет ведущую роль в деятельности профсоюзной стороны Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений. Координатор профсоюзной стороны РТК – бессменный председатель ФНПР М. В. Шмаков. В рамках работы комиссии регулярно заключаются Генеральные соглашения между общероссийскими объединениями профсоюзов, общероссийскими объединениями работодателей и Правительством Российской Федерации. В частности такое соглашение заключено на 2018–2020 годы³. Добавим также, что ФНПР входит в структуру Общероссийского народного фронта (ОНФ), лидером которого является президент РФ В. Путин.

³ Федерация независимых профсоюзов России. Официальный сайт. URL: <http://www.fnpr.ru/n/252/4890.html> (дата обращения – 25.09.2020).

* * *

Тема профсоюзного движения входит в круг вопросов этого исследования в той мере, в какой она характеризует определенные стороны положения трудящихся в России как обществе переходного типа, т. е. такого общества, которое находится в процессе изменения своей социально-экономической модели и выстраивает новые внешние отношения. Соответственно, его судьба отражает сложность и противоречивость не только российской жизни, но и всей картины мира. Действительно (что акцентировали авторы цитированной выше публикации), сокращение членства и изменение роли профсоюзов в России – это часть глобального перехода от индустриального общества к постиндустриальному.

Еще с 80-х годов в странах Запада наблюдается ослабление позиций профсоюзов, связанное с либеральной экономической политикой, глобализацией, изменением рынков труда и структуры занятости. А также с индивидуализацией трудовых отношений, утратой профсоюзного сознания у самих работников. Сужается социальная база профсоюзов и уменьшается их престиж, сокращается число членов профсоюзов и баланс сил в коллективно-договорных отношениях в пользу работодателей⁴. Соответственно падает результативность традиционной социал-демократической политики в области трудовых отношений с ее «тремя китами»: требованием полной занятости; надежной системой соглашений между работодателями и наемными работниками; опоры на государство, как стоящее на страже нужд населения и защищающее его от социальных рисков.

⁴ Яркие иллюстративные материалы социологических исследований на эту тему по ряду экономически развитых стран мира приводит, например, пермский политолог Ольга Бурова: Бурова О. А. Оценка роли профсоюзов в системе социально-трудовых отношений // Вестник ПНИНУ. Социально-экономические науки. 2–13, № 19 (46). С. 51–60). URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/otsenka-rol-i-profsoyuzov-v-sisteme-sotsialno-trudovyh-otnosheniy> (дата обращения – 18.04.2020).

Даже в среде европейских социалистов распространилось мнение о бесперспективности такой политики в эпоху глобализации, когда постиндустриальная структура занятости подрывает «фордистскую» модель производства, основанную на одновременном применении на предприятиях крупных контингентов узкоспециализированной рабочей силы, а также гегемонию ее «синеворотничковых» профсоюзов и «интервенционистские» механизмы государственного регулирования экономики в интересах полной занятости. Как говорится, например, в манифесте недавних европейских лидеров Тони Блэра и Герхарда Шредера, цель социал-демократической политики должна заключаться теперь в том, чтобы превратить «сеть социальной безопасности» в «трамплин для прыжка к собственной ответственности» на базе разукрупненного производства и повышения профессиональной и социальной мобильности населения.

Но вместе с тем большинство европейских социал-демократов даже и сейчас, когда глобализация наносит весьма чувствительные удары по их идеологии, отказываются верить в возможность решать социальные проблемы общества, полагаясь исключительно на накопление капитала. «Мы поддерживаем рыночную экономику, но не рыночное общество», – заявили те же Тони Блэр и Герхард Шредер. С их точки зрения, есть такие важные проблемы общественной жизни, которые нельзя решить, опираясь лишь на механизмы рыночной экономики. Капитализм – «сила, которая марширует, но не знает, куда именно», – вторит им лидер французских социалистов Лионель Жоспен. Социалисты вынуждены считаться с новыми экономическими и социальными реалиями, ведущими к эрозии классового общества и его системы ценностей. И все же, асимметричность изменений, которые несет различным народам глобализация, ограничивая вместе с тем регулирующие возможности национальных государств,

только укрепляет современных социалистов в их убежденности⁵.

Россия как переходное общество тоже захвачена этим движением. Вместе с тем положение российских профсоюзов прежде всего отражает противоречивость изменений, происходящих в экономике и социуме страны, движущейся к индустриальной и постиндустриальной рыночной экономике при том, что разрастается массовый пласт малых хозяйственных форм экономики – часто неформальных. Это дробит процесс переформатирования постсоветской социально-экономической структуры труда на части. О бывшей советской системе социально-трудовых отношений так пишет упомянутая выше О. Бурова (см. сноску 3):

«Профсоюзы имели широкую социальную базу, однако они не выполняли функции артикуляции и защиты интересов и прав наемных работников перед лицом работодателей... а скорее представляли собой подразделение администрации предприятий, занимавшееся решением социально-бытовых вопросов, распределением льгот и т. п. Поэтому изменение роли профсоюзов на российских предприятиях в последние десятилетия имеет иную природу, нежели в странах с развитой рыночной экономикой. С одной стороны, в 1990–2000-е годы от российских профсоюзов ожидают их развитие в качестве полноценных субъектов трудовых отношений, соответствующих рыночной экономике, с другой стороны, этим процессам препятствуют исторически сложившиеся институциональные и социокультурные рамки, определяющие положение профсоюзов на отечественных предприятиях, а также общемировые процессы индивидуализации социально-трудовых отношений» (Бурова. Указ. соч. С. 51–52). Доля членов профсоюзов среди работающих к 2005 г. сократилась с 55 до 31%. Уровень профсоюзного

⁵ Ссылки на источники цитат из приведенных выше высказываний европейских лидеров см. у автора: Александров Ю. Г. Бегство от социализма // Pro et Contra. Т. 6, № 3. М., 2001. С. 23–45.

членства выше в госсекторе, среди специалистов и промышленных рабочих, а также среди работников старше 50 лет и женщин, особенно в бюджетной сфере. Самые низкие показатели отмечаются у работников аграрного сектора и сферы обслуживания. (Там же. С. 52–54). При этом на фоне относительно высокого по сравнению с другими промышленно развитыми странами уровня профсоюзного членства у работников наблюдаются самые низкие оценки роли профсоюзов в регулировании условий труда и занятости. Это, по мнению автора, свидетельствует о довольно инертном характере профсоюзного членства и минимальной реализации профсоюзами функций защиты интересов работников. Как показывают эмпирические данные, лишь около четверти занятых в экономике согласны с тем, что профсоюзы способствуют сохранению рабочих мест и обеспечению хороших условий труда (Там же. С. 57).

Реальное положение дел в российском профсоюзном движении можно иллюстрировать данными «Краткого обзора социально-трудовой обстановки в Российской Федерации в первом квартале 2018 года», которые собраны Центром мониторинга и анализа социально-трудовых конфликтов Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов⁶:

Автоматизированная система сбора и обработки информации Центра мониторинга и анализа социально-трудовых конфликтов Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов к окончанию первого квартала 2018 г. располагала данными о более 860 социально-трудовых конфликтах (СТК), зарегистрированных в РФ в 2012–2018 гг. Динамика изменения социально-трудовой обстановки в стране приведена за 2016–2018 гг. Анализ данных о СТК охватывает время, в которое было зафикси-

⁶ Презентация "Социально-трудовые конфликты в Российской Федерации (по итогам первого квартала 2018 года)"//Федерация независимых профсоюзов России. Официальный сайт Цифры и факты.13.04.2018. URL: – <http://www.fnpr.ru/n/256/15605.html> (дата обращения – 09.11.2019).

ровано максимальное количество конфликтов за последние шесть лет, и дестабилизирующие внутренние и внешнеполитические факторы оказывали наибольшее влияние на развитие социально-трудовых отношений.

В первом квартале 2018 г. зарегистрировано 37 социально-трудовых конфликтов (2016 г. – 54, 2017 г. – 55). По сравнению с аналогичными периодами снижение числа СТК составило 31% по отношению к 2016 г. и 33% – к 2017 г. Более всего СТК зафиксировано в первом квартале 2018 г. в Уральском федеральном округе – 10 (27%), Центральном – 6 (16%) и Сибирском – 6 (16%). Уральский округ в первом квартале впервые за шесть лет наблюдений стал наиболее конфликтным. В СКФО в 2018 году СТК не зафиксировано. По сравнению с предыдущим годом отмечается существенное снижение уровня напряженности социально-трудовых отношений и стабилизация обстановки. Уменьшение числа СТК на 33% связано с существенным изменением внутриполитической ситуации в стране (проведением выборов Президента РФ) и носит временный характер.

В 2018 г. СТК зафиксированы в 27 (32%) субъектах РФ, что на 30% меньше, чем в 2017-м (35 субъектов) и на 26%, чем в 2016 (34 субъекта). СТК в других субъектах РФ, по сравнению с предыдущими годами, не зарегистрированы. Самыми конфликтными субъектами РФ в 2018 г. (в которых зарегистрировано более всего СТК), стали в УФО Челябинская область – 4 СТК и Свердловская область – 3 СТК. В течение последних трёх лет в первом квартале в федеральных округах в формировании социально-трудовой обстановки наблюдались разнонаправленные тенденции. По сравнению с 2017 г. уменьшилось число трудовых конфликтов в Центральном и Сибирском федеральных округах, но возросло – в Уральском округе. В других местах этот показатель сохранялся на неизменном уровне. За первый квартал 2018 г. более всего конфликтов зарегистрировано в январе (21), затем началась постепенная стабилизация социально-трудовой обстановки.

В 2018 г. СТК развивались в 18 отраслях экономики (2017 г. – 21, 2016 – 23 отрасли). Из всех сфер экономической деятельности наиболее конфликтными стали обрабатывающие производства (9 СТК, 24%), строительство (8 СТК, 22%), транспорт (7 СТК, 19%) На фоне восстановления промышленного производства отраслевое распределение СТК в секторах экономики за последние три года показывает постепенное снижение напряженности социально-трудовых отношений и стабилизацию обстановки в отраслях обрабатывающих производств. Вместе с тем, по сравнению с 2017 г., отмечен рост числа СТК на транспорте, в строительстве. В отраслях бюджетной сферы (образование, здравоохранение) усилия государства были направлены на выполнение «майских указов» Президента РФ, тем не менее, в них зафиксировано увеличение числа СТК. На предприятиях агропромышленного комплекса в первом квартале 2018 г. социально-трудовых конфликтов не зарегистрировано.

На предприятиях, в учреждениях и организациях, находящихся в частной собственности, развивались 21 СТК (57%), 16 СТК (43%) – на объектах государственной (муниципальной) собственности. Отмечаем, что в первом квартале 2018 г. процент СТК на предприятиях (организациях), находящихся в государственной (муниципальной) собственности, стал максимальным за три года наблюдений.

В 2018 г. более всего конфликтов было на предприятиях, находящихся в государственной (или муниципальной) собственности, в бюджетных отраслях (образование – 4, здравоохранение – 3), муниципальные предприятия пассажирских транспортных перевозок – 4, муниципальные предприятия ЖКХ – 2. На крупных предприятиях с числом занятых свыше 250, зарегистрировано 27 СТК (73%), на средних предприятиях с численностью персонала от 100 до 250 человек – 6 (16%), и на малых предприятиях – 4 (11%).

Эксперты отмечают, что несмотря на существенное снижение числа СТК в первом квартале 2018 г. и относительную стабилизацию социально-трудовой обстановки,

выросла на 15% доля СТК на крупных предприятиях, при том, что доля СТК на средних предприятиях уменьшилась вдвое, это – тревожный сигнал, поскольку конфликты затронули больше рабочих мест.

В наблюдаемый период 25 конфликтов (70%) протекали локально, в пределах одного предприятия, 12 (30%) – развивались по всей отрасли. По сравнению с аналогичным периодом 2017 г. (16%) доля отраслевых конфликтов увеличилась почти в 2 раза, что также свидетельствует о накоплении проблем в социально-трудовой сфере. Высокой степенью напряженности характеризовались СТК на предприятиях, проходящих различные стадии банкротства – 11 случаев (30%).

Основными причинами возникновения СТК в 2018 г. стали: невыплата полной заработной платы (67,7% случаев), сокращение/увольнение работников (21,6%), ликвидация предприятий (16,2%), снижение уровня оплаты труда (16,2%), нарушение условий труда (10,8%).

При анализе причин возникновения СТК в 1 квартале выявляются следующие тенденции:

- конфликты, возникшие из-за невыплаты (задержки) заработной платы, составляют более двух третей всех случаев;

- растёт доля СТК, вызванных общим снижением уровня оплаты труда (отсутствие индексации, изменение системы оплаты, снижение ставок, падение покупательной способности заработной платы и прочее): 2016 г. – 22%, 2017 – 24%, 2018 – 30%);

- по-прежнему велик процент СТК, начавшихся по причинам сокращения и увольнения работников. Как правило, данные СТК возникают на предприятиях-банкротах и сопровождаются невыплатами заработанного в связи с организационно-штатными мероприятиями (2016 г. – 20%, 2017 – 29%, 2018 – 22%);

- по сравнению с 2017 г. вырос процент СТК, возникших из-за нарушения условий труда. В этих СТК при защите трудовых прав работников, активную роль играли

профсоюзные организации разных уровней и профцентров (2016 г. – 7%, 2017 – 7%, 2018 – 11%);

- по сравнению с 2017 годом выросло на 7% число СТК, связанных с ликвидацией предприятий;

- следует обратить внимание на незначительное число СТК (в течение трёх лет – 1–2%), связанных с нарушениями условий действующих коллективных договоров и с переговорами между сторонами социального партнерства о заключении новых соглашений или продлении действующих.

Все СТК, зарегистрированные в 2018 г., имели социально-экономическую направленность, политических требований работники не выдвигались.

На основании длительности СТК, они характеризуются следующими показателями:

- в 2018 г. 13 СТК (46% от числа завершенных) продолжались неделю и меньше, и в основном были вызваны задержкой заработной платы. Резко увеличился продукт завершившихся СТК длительностью от 1 до 8 дней. Эксперты объясняют такое изменение более активной ролью и эффективностью надзорных ведомств и ОГВ в урегулировании социально-трудовых конфликтов и более широким освещением в СМИ проблем трудовых отношений;

- уменьшился процент СТК длительностью квартал и полугодие;

- не зафиксировано признаков застойности в конфликтах (те, что начались в 2017 г., не усугубились в 2018 г.).

Самыми продолжительными в первом квартале 2018 года году стали СТК на предприятиях:

- ООО Авиакомпания «ВИМ-Авиа» (ПФО, Республика Татарстан) – длился 171 день;

- ЗАО «Пэкэджинг Кубань» (ЮФО, Краснодарский край) – длился 158 дней;

- ОАО КЧУС (ПФО, Кировская область) – длился 116 дней;

- ОАО НПК «Уралвагонзавод» (УФО, Свердловская область) – длился 112 дней.

Средняя продолжительность СТК в 2018 году уменьшилась и составила 17 дней (2016 г. – 25 дней, 2017 г. – 23 дня).

Научно-мониторинговый центр (НМЦ) «Трудовые конфликты» при изучении и анализе социально-трудовых конфликтов проводит их классификацию на споры по праву и споры по интересам. К СТК по праву отнесены конфликты, возникшие по причинам, вызванным нарушением законных трудовых прав работников. К СТК по интересам отнесены конфликты, возникшие из-за противоречий по установлению новых или будущих условий коллективных трудовых отношений. Если СТК возникает по нескольким причинам и, хотя бы одна из них относится к спору по праву, то конфликт классифицируется как СТК по праву. В 27 случаях (73%) споры были признаны конфликтами по праву, в 10 случаях – конфликтами по интересам (т. е. 27% – от всех СТК в наблюдаемый период), что свидетельствует о низкой правовой и договорной культуре, преобладающих в сфере трудовых отношений.

В аналогичный период 2017 г. 41 СТК (75%) были конфликтами по праву, 14 – по интересам (25%). Это обстоятельство объясняет высокую активность ОГВ и правоохранительных структур в урегулировании СТК по праву, а также определяет средства и способы защиты работниками своих нарушенных трудовых прав.

В первом квартале 2018 г. в 26 социально-трудовых конфликтах (70% от их общего числа: 2017 г. – 39 (71%), 2016 г. – 46 (85%)) работники применяли разнообразные формы защиты трудовых прав. При этом все протестные действия работников, зарегистрированные экспертами НМЦ «Трудовые конфликты» подразделяются на публичные (общественно-активные) и непубличные формы защиты нарушенных трудовых прав. По сравнению с 2017 г. отмечено снижение числа практически всех основных публичных и непубличных форм протестных действий, за исключением угрозы забастовки. Впервые за последние три года работ-

ники при СТК не применяли голодовку как способ защиты своих трудовых прав.

По количеству протестующих самой массовой в первом квартале 2018 г. стала забастовка из-за долгов по зарплате работников ООО «Улан-Удэстальмост» (СФО, Республика Бурятия, отрасль – производство готовых металлических изделий), в которой приняли участие 300 человек. В целом число забастовок по сравнению с аналогичным периодом 2017 г. снизилось в 2,8 раза. Также более чем в 2 раза сократилось число пикетов. В социально-трудовых конфликтах, где известно число участников протестных действий и число работающих на предприятии, определена средняя вовлеченность работников в это движение: она составила в 2018 г. 25% (2016 – 29%, 2017 – 31%). Средняя вовлеченность работников в СТК несколько уменьшилась.

Потери рабочего времени от забастовок и приостановки работы в 2018 г. составили около 3100 человеко-дней (2016 г. – 6700, 2017 г. – 5800).

В первом квартале 2018 г. работники продолжили использовать метод коллективных обращений в адрес Президента РФ, Правительства РФ, надзорных ведомств как эффективный способ защиты трудовых прав и достижения поставленных целей, с широким использованием возможностей СМИ для привлечения внимания общественных институтов к проблемам трудовых отношений.

В наблюдаемый период в 14 СТК (38%) работники обращались к работодателям, представителям органов государственной власти различных ветвей и уровней для урегулирования СТК, не применяя публичные общественно-активные акции протеста. Наиболее результативно для работников разрешались СТК после обращений в суды и прокуратуру, сопровождавшиеся вниманием со стороны и ОГВ различных уровней. По сравнению с прошлыми годами, менялась структура и адресность обращений работников. По мере того как стало меньше СТК, сократилось и число обращений.

В 13 СТК (35%) интересы и трудовые права работников защищали профсоюзные организации различных уровней и профцентров: первичные профсоюзные организации принимали участие в 6 СТК (16%); территориальные (региональные) и отраслевые объединения – 11 СТК (30%). Динамика распределения СТК с участием профсоюзов за последние три года демонстрирует снижение показателей, и растет число СТК, инициированных неорганизованными работниками. Такую тенденцию эксперты НМЦ «ТК» объясняют так: стало расти число СТК по праву, возникающих из-за неисполнения работодателями трудового законодательства о выплате заработной платы (реакция трудящихся – прекращение работы в соответствии со ст. 142 ТК РФ); изменилась структура распределения СТК по отраслям экономики (в наиболее конфликтных отраслях – в жилищно-коммунальном хозяйстве, строительстве, на транспорте организованность работников традиционно находится на низком уровне); на предприятиях, где интересы работников защищают профсоюзы, эффективно применяются методы социального партнерства, заключаются и соблюдаются коллективные договоры, степень напряженности ниже. Объединения работодателей, как и в прошлые годы, конструктивных действий для разрешения конфликтов не предпринимали.

НМЦ «Трудовые конфликты» продолжает наблюдать за социально-трудовой обстановкой в моногородах Российской Федерации, перечень которых утвержден Правительством РФ⁷. В рассматриваемый период в этих муниципальных образованиях зарегистрировано 6 социально-трудовых конфликтов (16% всех СТК) на предприятиях 6 моногородов в 4 федеральных округах: (1 – в одном моногороде I категории, 2 – в моногородах II категории, 3 – в моногородах III категории). По сравнению с аналогичным периодом 2017 г. (8 случаев) и 2016 г. (9 СТК) число СТК в моногородах уменьшилось.

⁷ Постановление Правительства РФ от 29 июля 2014 г. N 709 (<http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения – 15.04.2020)).

Пять конфликтов происходили на крупных предприятиях и один – на среднем. В одном случае СТК продолжался на предприятии, находящемся в состоянии банкротства (ООО «Кингкоул Юг»), 2 СТК – на градообразующих предприятиях (ОАО «Металлист», ООО «Кингкоул Юг»).

В наблюдаемый период завершились 28 социально-трудовых конфликтов.

Результатом 29% СТК стало полное согласие администрации на условия работников, 57% – частичное, а в 14% случаев работникам было отказано в удовлетворении предъявленных требований.

По заключению экспертов НМЦ «Трудовые конфликты» – ТК», положительная тенденция состоит в том, что наблюдается рост количества урегулированных конфликтов, в которых работникам полностью удалось отстоять свои права (с 22% до 29%). Вместе с тем число СТК, в которых трудящиеся не смогли добиться удовлетворения своих требований возросло на 5%. Конфликты, завершившиеся частичным удовлетворением требований работников, не исчерпали изначальный протестный потенциал, что указывает на большую вероятность возобновления противостояния.

В урегулировании ряда СТК принимали участие органы государственной власти различных уровней:

- руководство Курганской области приняло решение уволить директора школы и чиновников Звериноголовского управления образования по итогам проверки работы Образовательных учреждений Курганской области (УФО) после жалобы учителей на невыплату стимулирующих надбавок к зарплате и на снижение уровня оплаты труда;

- администрация Псковской области оказала поддержку в погашении кредиторской задолженности за счет средств областного бюджета ликвидируемому государственному предприятию-банкроту ГП «Псковская областная типография» (СЗФО, Псковская область);

- сотрудникам МП «Красноярское пассажирское автотранспортное предприятие-2» (СФО, Красноярский край)

были предложены варианты трудоустройства в другие муниципальные предприятия;

- долги по заработной плате работникам Одинцовской станции скорой медицинской помощи были погашены при активном вмешательстве министерства здравоохранения Московской области и фонда ОМС (ЦФО);

- мэрия Холмска (ДФО, Сахалинская область) выделила средства на погашение задолженности по заработной плате водителям МУП ЖКХ «Мастер».

Анализ данных о социально-трудовых конфликтах, наблюдаемых в 2018 г., позволил с большой степенью достоверности сделать среднесрочный прогноз развития социально-трудовой обстановки в РФ. При сохранении стагнационных экономических условий будут продолжаться негативные тенденции в сфере социально-трудовых отношений, характеризующиеся:

- дальнейшим сокращением в бюджетных отраслях работников и высвобождением без гарантии последующего трудоустройства;

- увеличением числа работников, занятых неполную рабочую неделю;

- увеличением числа работников, находящихся в вынужденном отпуске;

- увеличением числа сокращений работников в автоматизируемых отраслях (банковские, финансовые и другие услуги);

- повышением напряжённости и ростом числа СТК в третичном секторе экономики (сфера услуг, торговля);

- умеренным ростом числа протестных действий работников;

- сохранением на уровне аналогичного периода 2017 г., либо уменьшением потерь рабочего времени из-за забастовок и приостановки работы.

Как прогнозируется в документе, основными причинами возникновения СТК вероятнее всего станут: невыплаты и задержки заработной платы, сокращения работ-

ников, банкротство предприятий. Участвуют СТК в связи с давлением работодателей (собственников) на профсоюзные организации, а также с нарушением условий труда.

Вместе с тем, следует ожидать увеличения доли СТК по интересам с требованиями повышения заработной платы, её индексации с участием реальных показателей инфляции.

Наиболее конфликтными отраслями экономики и впредь будут: строительство, транспорт, ЖКХ.

Уровень социально-трудовой напряженности в моногородах не изменится, но участников протестных действий может стать больше.

Разумеется, события начала 2020 г. радикально изменили обстановку в России и во всем мире. Но и без этого приведённый прогноз развития социально-трудовых отношений не учитывал влияния внешних по отношению к Российской Федерации политических, экономических и военных факторов и был основан исключительно на анализе данных о социально-трудовых конфликтах первого квартала 2018 года. Сравнительно короткий (один квартал 2020 г.) период обзора позволяет лишь осторожно говорить о тенденциях процесса. Все же, не отрываясь от тех выводов, которые сделали сами авторы, можно обратить внимание на следующие их оценки и предположения, исходя из того, что это может быть полезно для понимания специфики последующего развития событий в стране.

– Основными причинами возникновения социально-трудовых конфликтов в 2018 г. стали: полная невыплата заработной платы (67,7%), сокращение/увольнение работников (21,6%), ликвидация предприятий (16,2%), снижение уровня оплаты труда (16,2%), нарушение условий труда (10,8%). При этом число СТК, причиной возникновения которых становится общее снижение уровня оплаты труда, растет.

– При социально-трудовых конфликтах работники не выдвигали политических требований.

– Наиболее конфликтными оказались обрабатывающие производства, строительство, транспорт. Правда, в первом

случае (обрабатывающая промышленность) на фоне восстановления производства за последние три года наблюдалось постепенное снижение напряженности социально-трудовых отношений. Однако выросла доля СТК на крупных предприятиях, что следует считать тревожным сигналом, учитывая, что конфликты затронули много рабочих мест.

- Положение на транспорте, строительстве и ЖКХ.

- Особый интерес представляет бюджетная сфера, в которой усилия государства были направлены на выполнение «майских указов» президента РФ. Доля СТК на предприятиях (организациях), находящихся в государственной (муниципальной) собственности, стала максимальной за три года наблюдений.

- Работники продолжили прибегать к коллективным обращениям в адрес президента РФ, правительства РФ, надзорных ведомств, широко используя возможности СМИ для привлечения внимания общественных институтов к проблемам трудовых отношений. Наиболее результативно для работников разрешались СТК после обращений в суды и прокуратуру, сопровождающиеся вниманием со стороны и органов государственной власти различных уровней.

- В то же время случаев СТК с участием профсоюзов за последние три года стало меньше, и растет число СТК, инициированных неорганизованными работниками. Особенно в наиболее конфликтных отраслях (таких как ЖКХ, строительство, транспорт), где работникам недостает организованности. И, что, на наш взгляд, надо подчеркнуть, тоже по-прежнему велика доля трудовых мигрантов как потенциальных (а то и реальных) штрейкбрехеров по отношению к местной рабочей силе.

Наконец, объединения работодателей, как и в прошлые годы, конструктивных действий для разрешения конфликтов не предпринимали.

- Динамика изменения социально-трудовой обстановки в стране приведена за период с 2016 по 2018 гг. включительно. Анализ параметров СТК охватывает отрезок вре-

мени, когда зафиксировано максимальное количество конфликтов за последние шесть лет.

На фоне возможного осложнения социально-трудовой обстановки стоит акцентировать несколько оценок ФНПР как доминирующей профсоюзной организации, взятых из цитированных выше источников.

– Основной задачей развития профсоюзных объединений называется стремление к консолидации членских организаций и укреплению единства профсоюзов. Это считается объективно совпадающим с готовностью представителей государственной власти и социально ориентированного бизнеса к диалогу «с крупными и ответственными профсоюзными объединениями» для достижения социального мира.

– ФНПР позиционирует себя как наиболее представительную профсоюзную организацию. Свой стратегический курс ФНПР связывает с «полноценной реализацией механизма социального партнерства».

Несколько другой свет проливают на деятельность ФНПР материалы недавнего исследования Информационного агентства «РосБизнесКонсалтинг» (РБК) «На что живут российские профсоюзы»⁸.

– Доходы: взносы – 70% поступлений, 30% – прочие доходы (в основном от коммерческой деятельности). Структура расходов сложнее: 40,5% уходит на организационно-хозяйственную деятельность, 46,6% – на финансирование учреждений ФНПР, 6% уходит в так называемый фонд солидарности (акции протеста, выплаты зарплат работникам во время простоя и единовременная помощь при несчастных случаях на производстве), еще 6,3% – членские взносы в международные организации, в которых состоит ФНПР, и 0,4% – содержание контрольно-ревизионной комиссии. Иными словами, почти 90% расходов – это поддержание собственного существования организации.

⁸ Исследование РБК: на что живут российские профсоюзы Деньги профсоюзов. 29.04.2016. URL: <https://www.rbc.ru/investigation/society/29/04/2016/572214189a79477116812c57> (дата обращения – 10.11.2019).

– В мае 2011 года ФНПР стала одной из нескольких организаций, на базе которых был создан Общероссийский народный фронт (ОНФ) во главе с В. Путиным. Теперь единственная сопоставимая с ФНПР по числу региональных офисов общественная организация России – ОНФ. И, как и ФНПР, он не раскрывает свой бюджет.

– Уже 16 лет в правительстве есть специальный орган – Трехсторонняя комиссия по урегулированию социально-трудовых отношений. В нее входят министры, представители работодателей (РСПП, «Опора России») и профсоюзы. Но, по оценкам РБК со ссылкой на компетентные источники, не следует преувеличивать роль этой комиссии – государство проводит собственную политику. По-настоящему влиять на социально-экономическую политику может профсоюз, который, к примеру, способен вывести людей на улицу. Из-за этого по принципиальным для ФНПР вопросам (например, по тем же пенсиям) федерации очень сложно «стукнуть кулаком по столу и сказать, что будет так, как они скажут».

– Из данных Росстата следует: в 1990-х в год проходило несколько сотен, а то и тысяч зарегистрированных забастовок, а в 2000-х их число резко сократилось – до нескольких в год. Одна из причин – ужесточение процедуры проведения стачки, которая была описана в новом Трудовом кодексе (ТК), вступившем в силу в 2002 году. «Законодательство о забастовках – запретительное», – говорит председатель Конфедерации труда России (КТР) Б. Кравченко. КТР, как и ряд других независимых профсоюзов типа ячеек на АвтоВАЗе и заводе Ford, появились во второй половине 2000-х как противовес сотрудничающей с властями ФНПР.

– «В Кремле ценят то, что ФНПР не проводит забастовок и сотрудничает с «Единой Россией»: «ФНПР – конструктивные критики. У некоторых других организаций задача – вывести людей на акции протеста. У ФНПР другая позиция: решить проблему до того, как люди выйдут на улицы», –

говорится в документе со ссылкой на сотрудника администрации президента. Состояние организованного профсоюзного движения наемного труда практически определяется оппортунизмом руководства ФНПР, поскольку в этом движении ему противостоят лишь немногочисленные и разрозненные самостоятельные профсоюзы.

Социальный конгломерат трудящихся

Уровень организованности наемного труда отражает, как отмечалось выше, не только характер политических процессов в России, но также и специфику социального поведения трудящихся в формальном и неформальном секторах переходной экономики страны, в которой «спутаны» линии профессиональной организации наемных трудящихся с их стремлением к выходу из прежнего квазиклассового состояния в средний класс и, наконец, стратегий выживания. При всем том практически эта рабочая сила воспроизводится в системе государственных социальных институтов. Как отмечалось выше, такая особенность отличает Россию, пожалуй, практически от всех других стран мира, включая и «социальные» государства Европы. Она унаследована от социалистического прошлого, но сейчас для всех граждан играет роль амортизатора тягот переходного периода, а также предстает как часть механизма экономии работодателей на фонде оплаты наемного труда.

Российские граждане в массе вышли из социализма малоимущими, живущими от получки до получки и неспособными обходиться без костылей государственной поддержки. Поэтому в своем движении к новой экономике страна продолжает тащить за собой длинный хвост советского наследия: массовую бедность и колоссальный, «размазанный» по стране и всем социальным группам «собес». При этом в ходе реформ экономическое поведение насе-

ления меняется. Но государственный патернализм чрезвычайно живуч, поскольку в его сфере осталась не только основная масса населения, но и существенная часть экономики. Иначе говоря, с одной стороны, «поджимают» рыночные критерии полезности трудовых затрат, а с другой – все еще приходится платить деньги большей части населения, как раньше, по Ленину, «за труд», а не за его общественно оцененные результаты.

И даже там, где рыночный сектор возникает не из бывшей государственной экономики, проблем очень много. С первых же шагов реформ большое (а, возможно, даже решающее) влияние на ход перестройки экономической и социальной структуры общества стали оказывать поведенческие факторы. Либерализация цен задала иные направления действиям людей, чем те, что диктовались прежде советскими правилами. И немалый пласт хозяйственной экономики рождается при этом из бывшей советской «тени», как говаривал, бывало, «народный капиталист» и любитель бабочек, известный строитель финансовых «пирамид» Сергей Мавроди, «из тени в свет перелетая». Неорганизованная хозяйственная деятельность создает питательную среду для появления мелкой буржуазии и рынка наемного труда, способного гибко приспособляться к изменениям спроса на рабочую силу. Но также включает и массу экономических и социальных маргиналов. Специфику этому процессу в России – в отличие от развивающихся стран – придает то, что образующие этот слой социальные типы суть осколки хозяйственной и социальной системы индустриального общества, а не переходные к ней от архаических общественных структур образцы. Этот контингент остается элементом государственной системы социального обеспечения, он не совсем порвал с предприятиями и учреждениями организованного сектора и в то же время имеет выходы в неорганизованную рыночную экономику. Естественно, сочетание всех таких качеств создает условия для криминализации опре-

деленной части неорганизованного частного сектора. Но процессы, протекающие в этом огромном «болоте», пока слабо изучены.

Таким образом, изменения в условиях жизни населения противоречивы и неоднозначны с точки зрения социальных перспектив России. Но в любом случае, оценка тенденций в обществе не может ограничиваться только сферой материальных условий его существования. Не менее важны изменения в экономическом поведении людей с точки зрения морали. Тем более, в такие времена, когда резко меняются все условия жизни, система привычных связей, оценок и стимулов. Но это отдельная тема.

Средний класс

Автор не имеет в виду включиться в дискуссию о содержании данной категории в переходном обществе или, тем более, предложить свое определение и оценки. Для того социального конгломерата, который являют собой трудящиеся нынешней России, более подходят определения, относящиеся к их субъективному выбору. Так, в методологически интересном коллективном исследовании Бюро экономического анализа «Средний класс в России» (2000 г.) речь о среднем классе фактически ведется не как о «социологической категории в системе определенных научных координат», а просто как о «срединном» социальном образовании на шкале произвольно выбираемых показателей и оценок: «Вне зависимости от применяемой терминологии все авторы сходятся на понимании среднего класса как страты, т. е. группы, занимающей определенную ступень в иерархизированном социальном пространстве, находящейся между группами, расположенными выше и ниже». Следует уточнение: «С учетом сказанного, применительно к среднему классу далее термины “класс”, “слой”, “слои”, “социальная группа” употребляются как синонимы».

Отсюда и вывод: «Средние классы существовали и существуют всегда». А «вопрос о том, почему различные исследователи предпочитают по-разному называть средний класс, сохраняет, по-видимому, важность для сугубо теоретической или идеологической дискуссии, но мало что дает для нужд прикладного анализа». При этом оценки границ среднего класса в современной России колеблются в пределах от 15 до 60–70% (!)⁹.

На уровне теоретических социологических идей, по-видимому, хорошо «работает» категория «субъективный средний класс», которой пользуются в ряду других его признаков авторы коллективного труда «Средние классы в России: экономические и социальные стратегии» (2003)¹⁰. С тем чтобы выйти на понятие «обобщенный средний класс», которое учитывает совокупность его признаков (с. 3). При этом авторы формулируют проблему так: «Принципиальный вопрос относительно среднего класса – какой он? Кто эти люди и их семьи?...Носителями каких социально-экономических стратегий они являются? Какие из этих стратегий – механизмы выживания, а какие – механизмы развития?...При каких экономических, социальных, институциональных и политических условиях им удастся подняться по лестнице социальной иерархии и превратиться в полноценный, стабильный и экономически состоятельный средний класс?» (с. 10) Рассматривая при этом вопрос о среднем классе, авторы видят большую сложность в «*неустойчивости самоидентификации трудящихся в нестабильном обществе*» (выделено мной. – Ю. А.) (С. 146). Это, в свою очередь, требует как-то описать социально-экономическую среду, в которой создаются либо подавляются предпосылки этого самого «полноценного среднего класса».

⁹ Средний класс в России: количественные и качественные оценки. Бюро экономического анализа. М.: ТЭИС, 2000. С. 11, 17, 49.

¹⁰ Средние классы в России: экономические и социальные стратегии /Под ред. Т. Малевой; Моск. Центр Карнеги. М.: Генлальф, 2003.

Малое предпринимательство

Наряду с наемными трудящимися крупных и средних предприятий и учреждений организованного (формального) сектора весомую часть в общем потоке формирования новой социальной структуры России составляют трудящиеся именно сектора малого и среднего предпринимательства (МСП) как элемент нечетко дифференцируемой массы работающего населения.

По сведениям Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства Федеральной налоговой службы (ФНС), в РФ по состоянию на 10.11.2019 сложилась следующая картина малого и среднего предпринимательства¹¹.

Число предприятий, тыс. (в скобках – занятые)

Всего – 5 893,1 (15 3714);
 микро – 5 650,7 (7 475,4);
 малых – 225,4 (6200,6)
 средних – 17,1 (1 695,4)

по статусу (в скобках занятые)

Всего 17 086 (1 695,4).;
 ИП – 309 (29 434);
 ЮЛ – 16 777 (1 666)

Ниже приводятся выдержки с комментариями из опубликованного ИА «РосБизнесКонсалтинг» исследования Сбербанка «СберДанные»¹². По этим данным число работников, задействованных на российских предприятиях малого и среднего предпринимательства (МСП), составляет 18,3 млн человек, или – 25,6% рабочих мест в экономике страны.

¹¹ Федеральная налоговая служба. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства. Москва, 2019. URL: <https://rmsp.nalog.ru/statistics.html> (дата обращения – 16.11.2019).

¹² Сбербанк оценил долю занятых в малом и среднем бизнесе. URL: <https://www.rbc.ru/economics/22/07/2019/5d3594ee9a79478645ac1102> (дата обращения – 16.11.2019).

- Самая высокая занятость в МСП зафиксирована в сфере торговли: 31,4% сотрудников. Почти 15% приходится на обрабатывающие производства, 10% – на строительство.

- Во многих отраслях малый и средний бизнес обеспечивает более половины занятости. Например, операции с недвижимым имуществом – это сфера преимущественно некрупных предприятий, 95,6% сотрудников отрасли работают в МСП. Среди компаний, оказывающих профессиональные, исследовательские и технические услуги (юристы, консультанты, аудиторы и т.п.), 54,9% относятся к малому и среднему бизнесу, а в сфере торговли таких 50,6%.

- Сектору в целом нужны масштабные изменения: в структуре экономики, выход на новые рынки, рост экспорта, демонополизация рынков внутри страны.

- Низкая занятость в секторе – результат ухудшения делового климата в стране, но эту проблему невозможно решить при помощи указов, постановлений или даже прямых адресных мер государственной поддержки.

- В то время как в российской экономике, по оценке Росстата, доля малого и среднего бизнеса в 2017 г. составила 21,9% ВВП, в развитых странах она достигает 50–60%: в Великобритании 51%, Германии – 53%, Финляндии – 60%, Нидерландах – 63% (данные Института экономики роста).

Аналитики Сбербанка подсчитали и долю занятых в малом и среднем бизнесе среди всех работающих жителей российских регионов.

Высокий уровень развития МСП сопутствует низкому уровню безработицы, отмечают аналитики. По их подсчетам, самая высокая доля занятых в МСП – в Санкт-Петербурге и Ленинградской области: 37,5%, при уровне безработицы 2,1%. На втором месте – Новосибирская область: 34,8% и безработица – 6%. В Москве и Московской области в малом и среднем бизнесе работают 34% граждан (уровень безработицы – 1,7%).

Бизнес нуждается в первую очередь в оптимизации налоговой нагрузки, стабильном доступе к кредитованию и справедливых тарифах. Необходим также отказ от практики силового давления на предпринимателей. Если такие меры не будут приняты, то можно ожидать сокращения рабочих мест в малом и среднем бизнесе. Он страдает из-за слабеющего внутреннего спроса, обусловленного падением реальных располагаемых доходов населения, поскольку ориентирован на внутренний рынок. При этом занятость в формальном секторе снижается и растет в теневом. По сведениям пресс-службы Минэкономразвития, которые были опубликованы в газете «Известия», из-за ухудшения экономических условий в России закрылось 668 тыс. юридических лиц. В частности, негативно на предприятия повлияли повышение НДС, окончание действия пониженных тарифов страховых взносов для плательщиков ряда налогов и внедрение контрольно-кассовой техники. В итоге в России за год закрылось почти 700 тыс. предприятий. В министерстве не исключают, что предприятия продолжают закрываться, когда будет отменен единый налог на вмененный доход. Но многие предприниматели фактически прекратили деятельность и не участвуют в повышении показателей занятости и ВВП. На предприятиях, которые закрываются, на компанию приходится в среднем менее одного работника. В то же время национальный проект развития МСП и индивидуальной предпринимательской инициативы предполагает, что число работающих в этом секторе должно вырасти к 2025 г. с примерно 15 млн до 25 млн, а вклад в ВВП страны – увеличиться до 32,5%¹³. Напомним (см. выше): в США и государствах ЕС такой показатель равен 50–60%.

¹³ Без юрлица: в России за год закрылось почти 700 тыс. предприятий 2019–10–24 18:16:57">iz.ru/935870/roza-almakunova/bez-iurlitca-v-rossii-za-god-zakrylos-pochti-700-tys-predpriatii (дата обращения – 17.11.2019).

Неформальный сектор: тенденции

Между тем, по общему мнению, сокращение занятости в МСП означает, как в системе сообщающихся сосудов, расширение и без того массовой неформальной занятости.

В сборнике Федеральной службы государственной статистики по вопросам занятости населения, данные из которого уже приводились в Главе 4, даются следующие показатели занятости в неформальном секторе российской экономики (тыс.)¹⁴:

во всем хозяйстве: 2006 г. – 69 169, 2017 г. – 72 142 (С. 30);

в неформальном секторе: 2006 г. – 12 601, 2017 г. – 14 253 (С. 89).

Подавляющая часть занятых – свыше 93% трудится только в неформальном секторе. Из них больше всего работает в сферах: торговли, ремонта и обслуживания бытовой техники – 32,7%; сельского хозяйства – 16,8%; на область строительства приходится 11,7%; транспортировки и хранения грузов (9,9%); обрабатывающих производств (9,5%), гостиниц и общественного питания – 3,7%) (С. 96). Все это – отрасли трудовой деятельности, которые прямо решают проблему массовой занятости, предложения товаров и услуг конечного потребления и, соответственно, массового спроса населения на них.

В отношении уровня образования занятых наблюдается следующая картина: 18,1% – лица с высшим образованием; 22,7% – подготовленные специалисты среднего звена; 24,09% – квалифицированные рабочие; 28,% – лица со средним общим образованием – 6,6%; лица с основным образованием – лишь 0,56% (С. 93). Уже сами эти данные говорят о том, что неформальный сектор обладает боль-

¹⁴ Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2018: Стат.сб./Росстат. – М., 2018. 142 с. URL: https://www.gks.ru/free_doc/doc_2018/rab_sila18.pdf (дата обращения – 17.04.2020).

шим потенциалом, реализация которого во многом зависит от стратегического курса государства: Сохранит ли оно ориентацию на крупное производство с упором на сырьевой сектор и крупные корпорации ВПК или создаст новые стимулы и условия для народной экономики – основы единого экономического и социального пространства страны¹⁵. К настоящему моменту правительство РФ продолжало курс на интеграцию неформальной экономики в систему государственного надзора, контроля и налогообложения. При этом последнему придано особое, можно сказать, принципиальное значение, учитывая двойственный характер отношений между трудящимися этого сектора и государством как ответственным за исполнение одной из важнейших конституционных функций – поддержание системы тотального «собеса», включая такие его обязанности (и одновременно права граждан), как гарантированное всеобщее бесплатное образование и здравоохранение, социальные пенсии и разнообразные льготы. Большая часть трудящихся неформального сектора входит в эти отношения только как субъекты социальных прав, но не объекты подоходного и социального (в пенсионный фонд) налогообложения. На данный момент (т. е. накануне тех драматических изменений, которые начались сразу в 2020 году) эту внутренне конфликтную ситуацию следует признать фактически замороженной.

В дополнение к этому (по данным агентства «Национальные кредитные рейтинги», приведенным «Российской газетой») число граждан в России, которые не платят налоги с зарплаты, достигло 13 млн, или 18% от всего трудоспособного населения. Иначе говоря, почти четверть доходов россиян остаются вне поля видимости для проверяющих органов. Статистика такова, говорится в источнике: «Если каждый россиянин с зарплатой “в конверте” имеет средний для

¹⁵ Эта книга, возможно, еще будет находиться в процессе подготовки, когда резко изменившаяся мировая обстановка выдвинет данный вопрос на передний план с большой остротой.

региона доход, то в бюджет не поступает около трех триллионов рублей – 0,9 триллиона доходов от налога на доходы физлиц (НДФЛ) и 2 триллиона со страховых взносов. Стоит учитывать, что, если перевести такие серые зарплаты в поле видимости государства, то оно смогло бы снизить ставку НДФЛ с 13 до 11 процентов». Как уточняется, обычно люди с такими заработками трудятся в сферах услуг, например, делают ремонтные и подобные им работы¹⁶.

Государство уже много лет остается на позиции лишь признания необходимости создавать условия для нормального развития малого и среднего бизнеса в системе отношений с государственными институтами власти, но и не начало пока масштабного наступления на неформальную экономическую деятельность. Попытки президента Белоруссии А. Лукашенко развернуть таковое у себя в стране под лозунгом борьбы с «тунеядцами» сразу натолкнулись на массовые протесты, заставившие его перейти к политике маневрирования¹⁷. В РФ с 2019 г. в четырех регионах – Москве, Подмосковье, Калужской области и Татарстане, действует экспериментальной налоговый режим для самозанятых – налог на профессиональный доход. Он включает в себя страховые взносы в Федеральный фонд обязательного медицинского страхования, но не предполагает отчислений в пенсионный фонд. Предприниматели с доходом не более 200 тыс. руб. в месяц и без наемных работников могут через специальное приложение смартфона платить 4% при работе с физическими лицами или 6% – с компаниями. Но с 1 января 2020 г. президент РФ расширил дей-

¹⁶ Стало известно, сколько россиян получают зарплату «в конверте»// «Российская газета». 10.12.2019. URL: -https://rg.ru/2019/12/10/stalo-izvestno-skolko-rossiiian-poluchaiut-zarplaty-v-konverte.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews (дата обращения – 19.04.2020).

¹⁷ Этот вопрос подробно рассмотрен автором в статье «Человек как “вторая нефть”: Россия, Белоруссия, Казахстан» // Труды Института востоковедения РАН. Вып. 10: Отдел общих проблем ИВ АН СССР и исследование современных проблем стран Востока в наши дни. М.: ИВ РАН, 2018. С. 97–112.

ствие этого закона еще на 21 регион, включая регионы-доноры и субъекты Федерации, в которых есть города-миллионники¹⁸.

В обстановке, которую практически все аналитики считают неблагоприятной для российского частного бизнеса, в малом бизнесе активизируется переход в неформальную зону. При этом неизбежно происходят негативные социальные изменения, которые можно вполне анализировать в понятиях политэкономической категории «социальный капитал». В настоящей работе они проиллюстрированы ярким примером республик Центральной Азии в годы советской хлопковой авантюры и пожинания ее последствий, а в целом характеризуются как социальная архаизация.

Применительно к современной России этот феномен, порожденный неблагоприятными экономическими условиями, содержательно описан в статье Анастасии Башкатовой «Российская экономика возвращается к архаическим формам»¹⁹. Ниже приводятся важные для нашей темы материалы этой статьи: Экономические трудности вынуждают граждан полагаться в основном на себя и свой «социальный капитал», т.е. связи среди родственников, друзей и знакомых, – пишет автор. Чем выше социальный капитал у человека, тем чаще он готов заниматься предпринимательской деятельностью, а также участвовать в теневых схемах. Наиболее социально активные граждане меньше доверяют формальным институтам и чаще сталкиваются с коррупцией. К такому выводу пришли в ходе опросов населения исследователи РАНХиГС. «С конца 2013 г. объем социального капитала населения вырос на 20%», – сообщают специалисты Центра социологических исследований РАНХиГС, которые

¹⁸ В. В. Путин расширил налог на самозанятых на 19 регионов. //РИА Новости. 15.12.2019.

¹⁹ Российская экономика возвращается к архаическим формам // Независимая газета. 03.05.2017. URL:http://www.ng.ru/economics/2017-05-03/100_greyecon.html (дата обращения – 18.11.2019).

согласно проекту «Евробарометр в России» регулярно проводят опросы среди 6 тыс. человек. Под социальным капиталом (см. здесь главу 1 – Ю. А.) понимается объем социальных связей населения: наличие «слабых связей» (число знакомых) и «сильных связей» (число друзей). Изучающие указывают, что социальный капитал играет важную роль в адаптации к экономическим трудностям. За счет окружения люди пытаются решать острые финансовые проблемы, искать работу и дополнительные заработки. В частности, как показывает исследование, люди, обладающие большим объемом социального капитала (более 100 «слабых» связей и более 10 «сильных»), в 2,6 раза чаще ищут возможность дополнительного заработка, чем люди, которые обладают минимальным числом социальных связей. Кроме того социальный капитал стимулирует граждан заниматься бизнесом. «Люди, которые обладают большим числом активных контактов (более 100), в 1,5 раза чаще рассматривают возможность заняться предпринимательской деятельностью и чаще имеют свой бизнес на данный момент, чем население в целом», – отмечается в исследовании. Судя по всему, такая предпринимательская деятельность нередко ведется в серой, не подконтрольной государству зоне. Ведь люди, имеющие высокий объем социального капитала, «на 25% чаще готовы участвовать в неформальных сделках и на 40% чаще сталкиваются с коррупцией». Причем, как уточнил «Независимой газете» директор Центра социологических исследований РАНХиГС Виктор Вахштайн, социально и экономически активные граждане не только сталкиваются с коррупцией, но и сами чаще готовы в ней участвовать – «например, одобряют получение зарплаты в конвертах и т.п.». Вывод таков: «Иными словами, наиболее активные в экономическом плане представители общества предпочитают уходить “в тень”, выбирая неформальные схемы получения доходов и решения финансово-экономических проблем». При этом люди меньше доверяют формальным институтам (в среднем в два раза)».

Другие исследования показывают, что растущий интерес жителей РФ к неформальным экономическим отношениям – это долгосрочная тенденция, а не феномен последних нескольких лет. Например, в 2016 г. специалисты Центра социально-политического мониторинга ИОН РАНХиГС сообщали, что «начиная с 2001 г. в целом наблюдается тенденция к росту положительного отношения российских граждан к неофициальной экономике, за три же последних года данные опросов не фиксируют каких-либо существенных изменений в их оценках». Ученые из МГУ ранее предупреждали, что сейчас в России наблюдается возврат к архаическим экономическим отношениям, влекущим за собой насилие и эксплуатацию. И, судя по данным доцента экономического факультета МГУ У. Николаевой, возврат этот наблюдался еще до нулевых годов (вкратце исследование было опубликовано на специализированном сайте IQ.hse.ru). В пояснениях к этим материалам уточнялось: «В современном обществе под архаикой понимается, например, теневая экономика, слабость государства, высокий уровень преступности и коррупции, значимость личных отношений, частные службы безопасности – все эти атрибуты могут существовать только в рамках феодальной модели общества» (см. подробно: «Независимая газета», 26.10.2016).

Миграции

Характеризуя положение трудового населения России, нельзя обойти вопрос миграции. Она имеет отношение к состоянию социальной среды, в которой трудящиеся решают свои экономические задачи. Это, например, упомянутая выше роль личных и групповых отношений (социального капитала) при выборе места работы между формальным или неформальным сектором. Другой аспект – конкуренция за рабочие места. В нее вовлекаются как внутренние, так и внешние мигранты.

Как показало обследование ВЦИОМ (в изложении журналиста «Независимой газеты» А. Комракова)²⁰, половина россиян живет не на своей малой родине. А еще четверть планирует переехать на постоянное место жительства в другой город. Самый популярный город для переезда – отнюдь не Москва, а Санкт-Петербург. Основной мотив для внутренней миграции – экономический. Только для половины россиян (50%) их место проживания – родной город. Меньше всего коренных жителей в двух столицах (46%) и в селах (44%). Чаще других заявляют о том, что они уже стали внутренними мигрантами, мужчины (53%) и молодые люди 18–24 лет (72%). Среди пожилых людей старше 60 лет только 36% сегодня продолжают жить в том же городе, где родились. Чаще всего прошлые переезды были вызваны переводом по работе. Каждый десятый (11%) в прошлом переезжал для учебы. Не менее распространены семейные причины, повлекшие переезд. Около 11% россиян в прошлом переезжали вместе со всей семьей. Еще столько же – в связи с замужеством или женитьбой или по другим семейным обстоятельствам.

Сейчас (там же) о будущем переезде на постоянное место жительства в другой город России задумывается ровно четверть россиян (25%). А среди тех, кому от 25 до 34 лет, эти настроения еще сильнее (40%). Осуществить свое намерение в течение ближайших одного–двух лет планируют 21%, а в течение трех–пяти лет – еще 20%. При этом около трети (32%) с намерением определились, но еще не решили, когда именно собираются переехать в другой населенный пункт страны. Среди потенциальных внутренних мигрантов 61% опрошенных хотели бы переехать в город, а 34% – в пригород и сельскую местность. Как уже говорилось, самый популярный город для переезда наших соотечественников – Санкт-Петербург. Его назы-

²⁰ Комраков А. Половина россиян – переселенцы // Независимая газета 30.10.2019.

вают в опросах 15% потенциальных мигрантов. На втором месте – Москва (8%), на третьем – Краснодар (6%). Но те, кто уже стал жителем Москвы и Санкт-Петербурга (84%), не хотят никуда переезжать. Очевидно, что эти города для многих стали конечным пунктом переселения, дальше только внешняя миграция.

Среди причин, по которым хотят поменять место жительства современные россияне (там же), на первом месте – экономические: фактор безработицы или удаленности работы (18%), более высокий уровень жизни в другом населенном пункте (15%). Отмечаются также экологические причины (13%) и предпочтение более благоприятного климата (12%). Некоторые респонденты хотели бы переехать, потому что им не нравится их город или больше импонирует другой (7%), есть такие, кто предпочел бы переехать за образованием более высокого качества (7%) или в попытках расширить горизонт собственных перспектив (7%). Среди тех, кто не хочет переезжать, треть (27%) граждан говорят, что их все устраивает в своем месте жительства, а 18% россиян не хотят переезжать из-за неизбежности утраты общения с семьей, родными и друзьями. Некоторые не хотят покидать родные места (13%) или ссылаются на возраст как фактор, затрудняющий переезд (10%). Привыкли жить в своем городе 8% россиян, а для 7% важно, что их место работы там, где они живут. О том, что они не хотят переезжать, потому что любят свое место жительства, заявили 5% россиян. «Речь о долгосрочной тенденции, которая сложилась в нашей стране с нулевых годов. До того была «стрессовая» миграция: Россия с 90-х годов получила 5,5 млн человек переселенцев из других бывших стран СССР, люди ехали куда угодно, кроме разве Крайнего Севера, лишь бы попасть в РФ, и поэтому география практически не играла роли».

«Сейчас (там же) внутренняя миграция носит ярко выраженный экономический характер, – считает главный научный сотрудник лаборатории исследований демографии РАНХиГС Н. Зубаревич. – Люди уезжают оттуда, где

мало рабочих мест и низкие зарплаты, туда, где соответственно есть хорошо оплачиваемые рабочие места и недорогое жилье». То, что самым желанным местом поселения оказался Санкт-Петербург, по мнению эксперта, как раз и связано со стоимостью жилья. «Зарплаты в Северной столице в полтора раза ниже, чем в Москве, но и стоимость жилья там гораздо ниже, и это оказывается решающим фактором при принятии решения о переезде», – говорит Н. Зубаревич. Сильнее всех от внутренней миграции страдают, по словам автора, два типа регионов. К первому относятся Крайний Север и Дальний Восток, где, как известно, одни из самых высоких зарплат (90,6 тыс. руб. в Южно-Сахалинске, это второй показатель после Москвы, 88 тыс. – в Салехарде, 75,8 тыс. в Сургуте). «Зарплаты там действительно высокие, но количество рабочих мест ограничено», – поясняет Н. Зубаревич. Второй тип – это регионы, расположенные в зоне притяжения двух столиц, – например, почти все Поволжье (кроме Татарстана). Мордовия, Рязанская, Саратовская области – те, где большие проблемы с рабочими местами и инвестициями. То же происходит и с областями на северо-западе страны, для жителей которых цель чаще всего – Санкт-Петербург. Тенденция к сжиманию пространства, концентрации сокращающегося населения вокруг ограниченного числа городов – не новость. «Судя по письму, которое министр экономического развития М. Орешкин направил в Госдуму в середине октября, количество моногородов, например, может сократиться с 321 до 170. Им просто перекроют финансовую поддержку». Обезлюдение началось еще при СССР, – говорит Н. Зубаревич. – С периферии люди переселяются сначала в центры регионов, а затем, если достигают определенного уровня конкурентоспособности, то двигают дальше – в федеральные центры. По заключению же А. Комракова, «в целом страна идет к опустыниванию».

Действительно, из подсчетов Росстата, которые привел РБК, следует, что естественная убыль населения России в 2019 г., как о том пишет Ю. Старостина (РБК), пред-

виделась рекордно высокой за 11 лет²¹. Приток мигрантов не компенсирует ее, и за два года подряд она уменьшится абсолютно. В 2018 г. население сократилось впервые за десять лет на 96,4 тыс. чел., и на 1 января 2019 г. в стране проживало 146,9 млн человек. Естественная убыль населения, цитирует автор источник, в последние годы наблюдалась не всегда. В 2013–2015 гг. был естественный прирост, однако с 2016 г. население России без учета мигрантов снова начало сокращаться. Убыль населения продолжает ускоряться, и в правительстве признают ее катастрофической». Основной причиной естественной убыли остается сокращение рождаемости. Снижение рождаемости фиксируются в 80 из 85 российских регионов. Рождаемость падает из-за сокращения числа женщин репродуктивного возраста, в основном, представительниц малочисленного поколения 1990-х годов. Правда, показатели смертности тоже снижаются, но гораздо медленнее. По оценкам, вице-премьера Татьяны Голиковой, естественная убыль населения сместится приростом только в 2023–2024 гг.

Что касается роли внешних трудовых мигрантов в экономической жизни России, то этот вопрос рассматривался мною в монографии «Евразийская экономическая интеграция» (2018 г.)²².

Среди других материалов интерес представляет, например, публикация С. В. Рязанцева (ИСПИ РАН) «Вклад трудовой миграции в экономику России: методы оценки и результаты»²³. Фактические данные у автора ограничи-

²¹ Старостина Ю. Демографы предупредили о сокращении населения России по итогам 2019 года. URL: <https://www.rbc.ru/economics/13/12/2019/5df240d49a79475d8876bdc3> (дата обращения – 20.04.2020).

²² Александров Ю. Г. Евразийская экономическая интеграция: ЕАЭС. М.: ИВ РАН. Стратегические изыскания, 2018. Глава 7. ЕАЭС и трудовые миграции в СНГ. С. 115–137.

²³ Рязанцев С. В. Вклад трудовой миграции в экономику России: методы оценки и результаты // Гуманитарные науки. М.: Вестник финансового университета. 2016. № 2(22). С. 16–28. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/vklad-trudovoy-migratsii-v-ekonomiku-rossii-metody-otsenki-i-rezultaty> (дата обращения – 19.11.2119).

ваются 2014 г., но более поздняя по времени моя публикация позволяет судить, что с тех пор не произошло принципиальных изменений в содержании проблемы. В 2014 г. Федеральной миграционной службой (ФМС России) было выдано 3690 тыс. разрешительных документов, в том числе 2387 тыс. патентов и 1303 тыс. разрешений на работу. Крупнейшими странами, посылающими трудящихся в Россию, были Узбекистан, Таджикистан, Украина, Китай, Кыргызстан, Молдова, Армения, КНДР, Турция и Вьетнам. Одновременно насчитывается много недокументированных трудовых мигрантов, которые работают без официального оформления. Главные причины этого явления – стремление предпринимателей экономить на оплате труда рабочих, а также отсутствие социальной ответственности работодателей за условия труда и жизни работников. Существующая в стране система распределения квот на привлечение трудящихся-мигрантов неэффективна. Фактически, практикуется торговля квотами через посреднические фирмы. В 2014 г. 3,5 млн иностранных граждан нарушили режим пребывания в стране. Труд мигрантов широко используется в различных отраслях экономики. Некоторые отрасли можно даже назвать «мигрантозависимыми». В 2014 г. 65% работали в частных домохозяйствах, 11% – в сфере услуг, 10% – в строительстве, 2% – в транспортной сфере.

Можно выделить (там же) несколько секторов «домашней» экономики, где активно используется труд мигрантов. Это дачный сектор, а также сектор «загородных домов» (особняков), который возник с ростом числа обеспеченных людей в Москве и ряде крупных городов России; ремонтные и строительные работы; домашнее обслуживание. Мигранты в строительстве активно используются как строительными компаниями, так и частными работодателями. Например, труд мигрантов был широко привлечен к государственному строительству олимпийских объектов в г. Сочи. При этом в строительной отрасли широко распространена практика эксплуатации трудящихся-мигрантов. Документы приезжих

часто «хранятся» у работодателя, подчас передаются от прежнего хозяина к новому, даже не попадая в руки самих рабочих. Само по себе изъятие документов стало распространенным способом эксплуатации работников и сохранения контроля над ними. Исследования показывают, что почти треть трудящихся-мигрантов в строительстве не имеет паспортов (они хранятся у работодателя), так что человек фактически лишается права свободного выбора места работы. Следующий по использованию трудящихся-мигрантов сектор – промышленность. На многих предприятиях распространена практика «организованного набора» трудящихся-мигрантов из бывших республик СССР (Таджикистан, Киргизия, Узбекистан и др.). В промышленности также распространены формы трудовой эксплуатации: отсутствие официального контракта, сверхурочная занятость, плохие условия труда и быта, невыплата заработка. Еще одна отрасль – торговля и бытовое обслуживание. После ряда законодательных ограничений предприниматели перевели многих трудящихся-мигрантов в «теневое» пространство. Например, приезжих привлекают для сельскохозяйственных работ в коллективные и частные хозяйства. При этом также широко распространены принуждение к труду, невыплаты заработка, насилие, штрафы и прочие формы трудовой эксплуатации. Труд мигрантов широко используется также в транспортной отрасли, они работают водителями маршрутных такси, городских автобусов, троллейбусов и т. п. Сфера жилищно-коммунального хозяйства – одна из самых «мигрантоемких». Исследования показывают, что в этой отрасли экономики, как правило, работодатели просто не оформляют мигрантов на работу, поскольку те получают заработную плату в полтора-два раза меньшую, чем российские граждане. Более того, в Москве и других крупных городах России выстроены схемы, по которым по ведомости заработную плату получают российские граждане, а фактически трудятся граждане стран СНГ. Разница уходит в карманы владельцев фирм, занятых уборкой территорий.

Между тем (там же) трудящиеся-мигранты приносят существенную пользу экономике России. В предыдущие годы наиболее весомым их вклад был в строительстве, торговле и бытовом обслуживании, промышленности, домашней экономике, сельском хозяйстве. Наряду с положительным экономическим эффектом документированной трудовой миграции эксперты оценивали издержки недокументированной. Отсюда – усилия миграционных властей России направлены на то, чтобы ввести нелегальных мигрантов из «тени», в том числе налоговой. И все же издержки от недокументированной трудовой миграции намного ниже положительных социально-экономических результатов, которые приносит документированная трудовая миграция. «Можно выделить несколько ключевых причин сохранения недокументированных мигрантов на российском рынке труда: непрозрачная система квот на привлечение иностранных работников, высокая цена патента, плохая информированность трудящихся-мигрантов о необходимых процедурах, недостаточная развитость миграционных сервисов в стране. Однако – главная проблема, – заключает автор, – в концептуальном осознании российскими властями места трудовой миграции в экономическом развитии страны. Пока трудовая миграция рассматривается не как стратегический ресурс экономического развития России и отношений между странами-партнерами, а как средство пополнения бюджета, а в некоторых случаях – как источник обогащения недобросовестными чиновниками» (С. 26).

В целом трудовая миграция вместе со стихийной реструктуризацией российской экономики способствует созданию условий для устранения отраслевых дисбалансов, возникших в свое время в результате стратегии «производства ради производства». Вместе с тем она поддерживает «дикий» характер российского постсоциалистического, во многих отношениях раннего, капитализма. Особенно – вследствие активного участия российского бизнеса и чиновничества в поддержании системы легального и полуполюгаль-

ного найма и эксплуатации трудовых мигрантов. Этим же консервируется экстенсивная технология производств с экономией на капитале за счет привлечения малоквалифицированного и низкооплачиваемого труда («эффект масштаба»).

Перспективы социального конгломерата трудящихся

Пролить некоторый новый свет на этот вопрос позволяют результаты недавних совместных социологических исследований политолога *Андрея Колесникова (Московское отделение Фонда Карнеги)* и социолога *Дениса Волкова (Левада Центр)*. Одно из них *«Новая русская мечта: частная собственность для детей»*²⁴.

В кратком резюме авторы суммируют: «Для своих детей и внуков россияне выбирают среду комфортную для ведения частного бизнеса и проявления частных инициатив. **В этой точке подлинные интересы граждан и их представления о будущем радикально расходятся с интересами и представлениями государства, в котором они живут** (выделено мной. – Ю. А.)».

Далее – выводы, которые непосредственно относятся к нашей теме:

– Возможности собственников в России зависят от близости к государственной власти и ее ключевым фигурам. А это, в свою очередь, означает неустойчивость права собственности.

– Частная собственность в представлении граждан – это, прежде всего, квартира, а также машина, дача, участок земли. Для почти половины населения проблемы предпри-

²⁴ carnegie.ru/2018/11/20/ru-pub-77744?mkt. См. то же: Волков Д, Колесников А. Почему россияне верят в государство для себя и частный бизнес для детей //Ведомости 08.01.2019. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/01/09/790936-rossiyane-veryat> (дата обращения – 21.04.2020).

нимательства по умолчанию не связаны с проблемами частной собственности. («До сих пор для большинства частное – это скорее “личное”»).

– Речь идет не о чисто патерналистском поведении: респонденты позитивно относятся к рыночной экономике; они хотели бы, чтобы их дети стали успешными частными хозяевами и предпринимателями. В целом массовая поддержка государственного регулирования вызвана непониманием того, как еще можно добиться улучшений социально-экономической ситуации и как в принципе работает экономика.

– Базовая задача государства, с точки зрения граждан, – повышение уровня жизни. (Ответы на вопрос о готовности граждан к переменам свидетельствуют о том, что именно это должно быть, по мнению респондентов, главной целью преобразований в стране). Такой узкосоциальный подход заслоняет все остальные сопутствующие цели. Ведь большая часть населения – люди относительно бедные, и их в первую очередь волнуют материальные проблемы, а не высокие идеи. По сути, пожелания большего присутствия государства в экономике тождественны надеждам на дополнительные социальные гарантии и помощь со стороны государственной власти. И это – несмотря на высокую степень недоверия к государственным институтам и бюрократии.

– Словом, **неприятия самостоятельности у людей нет. Но нет и условий, которые бы могли привести к развитию креативного потенциала частного человека, – а поэтому надеяться на государство даже рационально** (выделено мной – Ю. А.). Иметь собственное дело или работать по найму? Рисковать или осторожничать? Брать на себя ответственность перед самим собой или быть простым исполнителем? Работать на себя с риском провала и с надеждой на успех или предпочесть зависимое, но спокойное существование с небольшим, но стабильным доходом? Это типичная дилемма постсоветского человека в новых рыноч-

ных обстоятельствах, которая нередко означает не только выбор образа жизни или способа зарабатывания денег, но и предпочтение рыночного или нерыночного способа поведения, работы в частном секторе или на государство. Не всегда готовность работать по найму отражает пассивность и инертность. И не всегда при этом имеется в виду именно работа на государство. Нередко такая готовность служит лишь знаком того, что затевать собственное дело в современных российских обстоятельствах слишком сложно.

Чем больше государство, тем сильнее его гравитация: в поле его притяжения попадает все больше людей и продуктов их активности. И эти люди, будучи реалистами, вовсе не требуют невозможного. Напротив, они готовы подстраиваться под правила игры – работать на государство и с государством. Но, как показало данное исследование, конформизм имеет границы. И эта граница – некий абстрактный горизонт, за которым начинается будущее. У россиян, оказывается, есть мечта: для своих детей и внуков граждане России выбирают среду комфортную для ведения частного бизнеса и проявления частных инициатив. Они не знают, как приблизить это будущее, но хотели бы его обрести. И вот в этой точке подлинные интересы россиян и их представления о будущем радикально расходятся с интересами и представлениями государства, в котором они живут.

Такие выводы Д. Волков и А. Колесников подкрепили исследованиями общественных настроений россиян по результатам выборов в Госдуму 2017 г. и президентских выборов 2018 г. В первом случае они пришли к выводу, что «четких представлений о том, какие конкретные шаги необходимы для улучшения ситуации, у большинства населения не было. В обществе доминировали самые общие пожелания: чтобы уровень жизни и ее качество были повышены. Запрос на более активное государственное регулирование указывал не столько на патерналистские настроения (хотя и они присущи большинству социальных групп), сколько

на неудовлетворенность текущим положением дел при полном непонимании куда двигаться дальше. При этом именно тогда «наиболее внятно прозвучало мнение, что настала пора переключить внимание с внешней политики на внутреннюю». Но «в большинстве своем граждане не знали, кто может предложить осмысленный план перемен, и по привычке называли в качестве потенциальных модернизаторов Путина и политиков, участвующих в федеральных выборах». Президентские выборы 2018 г., люди стали связывать с надеждами на перемены. «Власть это тоже ощущала, но при отсутствии четкой стратегии и целеполагания в рамках какой-либо политики – внутренней, внешней, экономической – предложила публике невнятную идею “прорыва”». Затем «пенсионная реформа, затухание мобилизационного эффекта крымско-антизападной и милитаристской риторики, растущий скепсис по поводу начинаний властей в социально-экономической сфере (после пенсионной реформы национальные проекты как основной инструмент экономической политики не вызвали никакого энтузиазма) – все это обвалило рейтинги власти. Впоследствии они зафиксировались на более низком плато»²⁵.

Положение дел на другом фланге (российский истеблишмент) те же Д. Волков и А. Колесников оценили еще в одном из своих исследований: «“Дети” Путина: кто будет править Россией после 2024 года?»²⁶ Их ключевые выводы в данном случае довольно пессимистичны применительно к охарактеризованным выше ожиданиям граждан и их возможностям рационально выстраивать жизненную стратегию с положительными перспективами:

²⁵ Волков Д., Колесников А. Мы ждем перемен – 2 . Почему и как формируется спрос на радикальные изменения. URL: https://carnegieendowment.org/files/Carnegie_Moscow_Article_Volkov_Kolesnikov_Rus_Nov2109_final.pdf (дата обращения – 21.04.2020).

²⁶ Волков Д., Колесников А. «Дети» Путина: кто будет править Россией после 2024 года? Российские элиты в состоянии транзита в неопределенное будущее. Московский центр Карнеги. URL: carnegie.ru/2019/10/03/ru-pub-79975?mkt (дата обращения – 21.04.2020).

«Главной заботой российского истеблишмента на период с 2018 по 2024 год является не модернизация страны, а обеспечение плавного и безопасного для политических, управленческих и бизнес-элит транзита власти.

Принципиально важный момент в характеристике системы – высокая степень участия государства в экономических, политических, бизнес-процессах. Задача «гражданских» и технократических элит – сохранять систему в устойчивом состоянии, силовых – определять политическую и идеологическую рамку. Перемены не являются целью системы, но, поскольку спрос на них есть, они имитируются. Система пока в состоянии имитировать перемены, что среди прочего означает ее технократическое улучшение без изменения политического фундамента. <...> Основным актором во всех процессах в России и главным работодателем является государство. Система управления строится на презумпции всезнания государства и его бюрократии и абсолютизации государственного контроля. Государству нужна новая технократическая элита, задача которой – поддерживать приемлемый для политической системы уровень работоспособности».

Ко времени завершения данной работы в России в связи с пандемией коронавируса уже пострадали три четверти индивидуальных предпринимателей и самозанятых. Об этом говорят опросы компании «инФОМ», проведенные весной 2020 г. по заказу Центробанка. Около 41% предпринимателей и самозанятых уже полностью остановили свой бизнес, еще 33% потеряли в доходах. При этом пока только 10% считали, что им не удастся возобновить работу через три-четыре месяца, 21% надеялись на рост доходов. (*Информация Интерфакса – Независимая газета 20.04.2020.*) В целом, оценки ситуации с безработицей указывают на неблагоприятные процессы.

Глава 6

КНР ПРИ МАО: КОММУНИЗМ ПО-КИТАЙСКИ

На примере индустриализации в СССР можно увидеть, как практика экономического строительства была подчинена идеологическим, политическим и военным целям государственного руководства. Отмена НЭПа на рубеже 30-х годов и переход к форсированной индустриализации за счет тотального ограбления крестьянства были объяснены совокупностью именно таких задач. Но фактически решающим толчком к силовому развороту политики сталинского правительства стало поражение, нанесенное «снизу», из деревни социалистическому сектору экономики в мирном соревновании с капитализмом и вытекавшая из этого задача срочно подводить государственную индустриальную базу под новую стратегию власти. Имелось в виду построение однородного «бесклассового» общества, без частной собственности и инициативы, с «народным хозяйством», выстроенным сверху донизу как единая административная система, с абсолютным преобладанием вертикальных распределительных связей над горизонтальными. Наконец, с официальными категориями «трудовых» и «нетрудовых» доходов.

Превратив путем коллективизации крестьянства сельское население в «колхозников», или «работников сельского хозяйства», советское государство затем, после Сталина, безальтернативно двинулось по пути модернизации отрасли как системы крупных механизированных пред-

приятий¹. Главной целью стало превращение их в нижние звенья формировавшихся агропромышленных комплексов (АПК) и сближение колхозно-кооперативной собственности с государственной. В СССР земля с ее недрами, водами, лесами и основными средствами производства в сельском хозяйстве находились в исключительной собственности государства. Тип колхозника и работника совхоза сформировался не только простой кооперацией трудоемких работ, но и узкой специализацией труда по мере механизации сельского хозяйства.

Казалось бы, выбранный путь полностью соответствовал генеральной линии и практическим возможностям модернизации советской экономики. Но на пути ее к успеху стало главное препятствие – государственное управление сверхсложной экономикой огромной страны как единым централизованным комплексом. Что касается главного объекта НЭПа – деревни, то она, парадоксальным образом, прошла путь, завещанный Лениным, но практически проложенный Сталиным: крестьянин оказался юридически несвободным или полусвободным работником колхоза/совхоза без права на долю земли в общем хозяйстве или мигрантом, влившимся в городскую экономику как квазинаемный работник. В обоих случаях с моралью члена советского трудового коллектива и с отношением к общественной собственности как «ничьей»: «пока Власть делает вид, что нам хорошо платит, мы делаем вид, что хорошо работаем». В 1991 г. советское государство рухнуло вместе с его экономической системой. Все ее элементы вошли в полосу почти бессистемной реструктуризации в обстановке общего спада.

¹ К концу 1950-х годов в СССР, восстановившем и даже превысившем к тому времени довоенную численность населения, сельские жители составляли более его половины (52,1% в 1959 г.), в том числе в России – немного меньше половины (47,6%). В самом сельском хозяйстве было занято около 40% (39% в 1960 г.) трудящихся. (Народное хозяйство СССР в-1984 г. Статистический ежегодник. М.: «Финансы и статистика», 1985. - С. 7–8, 407).

В КНР на десятилетие раньше Советского Союза, 1980 год оказался стартом демократической аграрной реформы с последующим энергичным переходом к развитию экспортной промышленности в «Особых экономических зонах», а затем, в 1990-е годы, – к фронтальной модернизации экономики. Важной частью этого процесса стала поэтапная рыночная трансформация государственного сектора промышленности. Таким образом, в Китае – как в свое время в СССР – НЭП тоже оказался точкой бифуркации, рубежом выбора, на котором определилась модель дальнейшего развития экономики и изменения роли человека труда в этом процессе. СССР за 1920–1930 годы прошел путь от «военного коммунизма» к НЭПу и коллективизации сельского хозяйства, а затем к его индустриализации как системы крупных государственных производственных предприятий. И так – до конца коммунистического проекта в 1991 г. В постреволюционном Китае в период 1950–1990 гг. стратегическими этапами стали сначала производственное кооперирование, коммунизация и рекооперирование деревни (до 1980 г.), потом собственный вариант НЭПа с переходом к строительству рыночной экономики и ее модернизации с открытой перспективой (1980–1990 гг.). Т. е. на протяжении 30 лет, по 1980 г., реализовалась такая же стратегия модернизации, что и в СССР. Но затем начался крутой переход на другой путь – ровно тогда, когда в нашей стране в очередной раз подтвердили сделанный за полвека до того выбор в пользу централизованной распределительной экономической модели.

Таким образом, появилась возможность сравнивать китайский и советский варианты экономической политики с их результатами и последствиями. **Чем таким располагал Китай, чего в России не было, чтобы избежать «шокового» пути перехода от централизованной экономики к рыночной?** Сравнивая, можно лучше обрисовать ту роль, которая в процессе стратегического выбора при-

давалась в той или другой стране **человеку труда как субъекту экономики** и как, в категориях экономической науки, «**человеческому капиталу**».

К теории переходных экономик

Отвечать на этот вопрос автор решил, сопоставляя взгляды на него с двух разных теоретических позиций. Первая – это традиционный для отечественной науки подход классической политэкономии, которая, как известно, рассматривает закономерности распределения общественного дохода между классами и социальными группами общества. Здесь фигурируют такие категории, как общественные формы производства, собственности, продукта и дохода. Именно в рамках этой теории анализировалась в отечественной науке практика экономических преобразований в СССР, а затем ее последующей трансформации из социалистической плановой в рыночную.

В отличие от этого автор избрал для понимания проблемы **теорию факторов производства**. В данном случае – привязанную к реалиям экономических преобразований КНР, описанных в монографии известного китайского экономиста *Джастина Лина «Демистификация китайской экономики»*². Дж. Лин дает широкую историческую картину экономического процесса в Китае. «Книга, – пишет он в предисловии, – повествует о том, почему золотая эра Китая, пришедшаяся на XVII в., сменилась упадком, о непрекращающихся с тех пор попытках вернуть стране былую мощь и о реформах, которые жизненно необходимы Китаю, чтобы завершить переход к правильно работающей рыночной экономике». Но в данной, 6-й, главе моей книги

² Лин, Джастин Йифу. Демистификация китайской экономики. Пер. с англ. М.: Мысль, 2013. – 384 с. URL: – <https://docviewer.yandex.ru/view/236092756/?>* Об авторе см.: Человек, у которого хватит терпения сварить камень // Финансы и развитие, сентябрь 2012 г.

внимание привлечено к одной теме. Это – время, прошедшее после победы революции в Китае 1949 г. до 1978 г., т. е. – годы коммунистического строительства под руководством председателя Мао Цзэдуна. События и проблемы периода, наступившие после 1979 г., – с начала либеральных экономических реформ Дэн Сяопина и по настоящее время, – рассматриваются в главе 7-й. Это годы подготовки модернизационного рывка с последующим переходом к фронтальной модернизации экономики страны. Материалы этой части книги ценны для сопоставления китайских стратегий тех лет с решениями и действиями руководства СССР при Сталине и в постсталинское время до распада Союза в 1991 г. Начавшиеся 2 января 1992 г. в России либеральные реформы подвели черту под ее коммунистическим прошлым и дали новое измерение сопоставлению экономических стратегий в РФ и КНР. Сравнение действий руководства двух стран в те годы дает возможность пролить больше света на то, почему в них все повернулась именно так, как мы наблюдаем, а не иначе. Ряд материалов из этой и других частей книги Дж. Лина полезен также для понимания особенностей экономической политики стран-«тигров» Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии.

* * *

Теория, на которую опирается в своем анализе Джастин Лин, рассматривает закономерности получения дохода от экономической деятельности в процессе взаимодействия участвующих в ней факторов производства. Это, в первую очередь, капитал и предпринимательская деятельность, труд, земля, а также такие факторы (информационный, экологический и другие), значение которых возрастает по мере научно-технологического прогресса мировой экономики. Цель анализа на основе теории факторов производства – поиск наилучшего их сочетания в процессе производства

с наибольшей отдачей в виде выпуска продукции³. В данном случае автор, Дж. Лин, сделал теоретической базой своего исследования собственную *теорию «новой структурной экономики»*, опирающуюся на китайские реалии. Она близка теме настоящей монографии, поскольку в ней среди производственных факторов на передний план выводится труд, который при анализе практических реформ естественным образом выявляется как человеческий капитал во всех его ипостасях (см. главу 1) по критериям современной экономической науки.

В более конкретном смысле оценка Дж. Лином китайских реформ интересна в нескольких отношениях. Во-первых, речь идет об экономике, которая (подобно российской) начала свой путь к грядущему коммунизму как аграрная страна с очень большим по численности и по доле в населении крестьянством как проблемным объектом для последующего преобразования в «социалистических работников», более неспособных (по Ленину) «рождать из себя ежедневно» капитализм. Во-вторых, анализируется аграрная политика Председателя Мао в сопоставлении с политикой Сталина в СССР, которые продемонстрировали миру, каким образом в этих двух крестьянских странах на практике решалась задача первоначального накопления капитала для социалистической индустриализации.

В СССР решение этой задачи началось с первоначального взимания с крестьянства «дани» в духе «пролетарской диктатуры как ничем не ограниченного насилия» (Ленин). После провала эксперимента с «мирным вращением» кре-

³ В связи с этим заметим, что первым в нашей стране лауреатом Нобелевской премии в области экономики стал в 1975 г. Леонид Канторович за труды в области оптимального планирования и управления народным хозяйством при использовании ограниченных ресурсов. Однако практическое применение его предложений в советской экономике оказалось принципиально ограниченным (и потому малоэффективным) именно из-за ее централизованного управления. В этом состояло ее отличие от рыночной экономики, на основе которой и родилась теория факторов производства как инструмент решения задачи постоянного поиска равновесия в рыночной экономике.

стьянства в социализм оставалось перейти к его тотальной экспроприации как хозяев на земле и превращению в один из классов «социалистического государства рабочих и крестьян» (Конституция СССР 1936 г., статья 1), а в последующем – в граждан «общенародного государства», которое «выражает волю и интересы рабочих, крестьян и интеллигенции, трудящихся всех наций и народов страны» (Конституция СССР 1977 г., статья 1⁴). В КНР при Мао Цзэдуне отношение к крестьянству было в целом аналогичным, но отличалось особенностями, которые рассматриваются ниже.

Дж. Лин анализирует процесс индустриализации в Китае в категориях *«естественных преимуществ» в рамках теории факторов производства* и сопоставляет его с исторически магистральным международным опытом мобилизации аграрных ресурсов для строительства индустриального общества. Дж. Лин подходит к своей теме с чисто экономических позиций. При этом декларированный им метод позволяет проверить и пределы объяснительной силы самой его теории применительно к тем случаям, когда экономическая политика находится под сильным давлением социальных, политических и идеологических противоречий в обществе. Тем более что автор сопоставляет китайский путь с несколькими разными практиками организации хозяйства страны: Советского Союза, постсоветской России, современных государств Юго-Восточной Азии.

Сама теория «новой структурной экономики» Дж. Лина вкратце (в изложении ж. «Финансы и развитие» со слов автора) представляет собой «применение неоклассической экономики для изучения воздействия экономических структур на процесс развития». Дж. Лин исходит из того, что структура экономики должна обуславливаться ее силь-

⁴ Конституция СССР 1936 г.: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1936.htm#1>; Конституция СССР 1977г.: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/5478732/ (дата обращения – 20.04.2020).

ными сторонами и преимуществами, которые, в свою очередь, определяются обеспеченностью факторами производства: рабочей силой, природными ресурсами и человеческим капиталом. При этом «экономическая структура страны эндогенна по отношению к структуре имеющихся факторов». Это значит, что страна для максимального содействия развитию должна сосредоточиться на секторах, в которых она обладает сравнительным преимуществом в виде тех или иных факторов производства и таким путем может достичь максимальной конкурентоспособности, добиться наибольшей отдачи от инвестиций, сэкономить средства и заложить основу для скорейшего перехода к более капиталоемким отраслям. При этом в концепции Дж. Лина ведущую роль в распределении ресурсов играет конкурентный рынок, тогда как государству отводится функция содействия компаниям в модернизации промышленности. Вместе с тем эта теория предполагает стратегическое использование ограниченных ресурсов самого государства через адресную поддержку отраслей, в которых вероятно наличие сравнительного преимущества. Это позволяет странам быстрее добиться экономического подъема⁵. Следовательно, теория автора находится в русле либеральной экономической парадигмы. Поэтому интересно понять, как он оперирует категориями предложенного им теоретического подхода при анализе столь разных объектов, к коим относится экономическая политика Китая при Мао и после него, Советского Союза и постсоветской России, «тигров» ЮВА.

Итак, что хочет доказать Дж. Лин, и в чем он видит оригинальность своей теории «Новой структурной экономики»? Ключевое место в ней отводится категории «конкурентных, или сравнительных, преимуществ». Такая теория впервые была выдвинута около двух столетий назад Давидом Риккардо. В 1990-х годах американский экономист

⁵ Человек, у которого хватит терпения сварить камень // Финансы и развитие. Сентябрь 2012. С. 5–7) – URL: <https://www.imf.org/external/russian/pubs/ft/fandd/2012/09/pdf/people.pdf> (дата обращения – 27.02.2019).

из Гарварда Майкл Портер предложил ее трактовку, на которой и остановился Дж. Лин (С. 181). Согласно М. Портеру, конкурентоспособность отрасли определяется четырьмя обстоятельствами: использованием находящихся в избытке дешевых внутренних факторов производства; размером внутреннего рынка; отраслевыми кластерами и специализированным разделением труда; рыночной конкуренцией. Но, как он считает, из этих четырех факторов только два имеют самостоятельное значение, остальные, по сути, появляются в результате действия двух этих независимых факторов. Первый из них – сравнительное преимущество. Индикатором сравнительного преимущества служит цена на факторы производства, отражающая их относительный избыток. Второй полностью независимый фактор тоже генный – размер внутреннего рынка. Это тоже экзогенный фактор. Третий фактор – отраслевые кластеры – уже не может рассматриваться вне определенного экономического контекста (С 181–182). Что касается четвертого фактора – рыночной конкуренции, то компании, использующие сравнительные преимущества, жизнеспособны и не нуждаются в протекционизме и субсидиях. Соответственно рынки, состоящие из таких компаний, также должны быть конкурентными. И наоборот, предприятия, пренебрегающие сравнительными преимуществами, нежизнеспособны и не могут оставаться на плаву без протекционизма и субсидий, – того, что уничтожает конкуренцию на рынке. Итак, считает Дж. Лин, теория М. Портера, по существу, сводится к двум определяющим факторам – сравнительным преимуществам и размеру внутреннего рынка. Из них первый более важен, потому что, если компания развивается в соответствии со стратегией сравнительных преимуществ, то рынком для нее может стать весь мир. «Взяв за основу теорию сравнительных преимуществ, – полагает автор, – можно дать четкое объяснение многим застарелым проблемам развивающихся стран с точки зрения структуры обеспеченности факторами производства, сравнительных пре-

имуществ и жизнеспособности предприятий» (Дж. Лин. Демистификация. – С. 182).

Почему это важно? Дж. Лин объясняет свой вывод следующим образом. В соответствии с неоклассической теорией Солоу⁶, темпы экономического роста определяются скоростью накопления капитала. Стратегия использования сравнительных преимуществ может ускорить накопление капитала и модернизацию структуры обеспеченности факторами производства и тем самым привести к быстрому экономическому росту. В отличие от этого отказ от сравнительных преимуществ позволяет мобилизовать ресурсы для инвестиций за рекордно короткое время. При этом аккумулированный капитал всегда уходит в отрасли, не связанные со сравнительными преимуществами. Экономика такой страны неэффективна и в долгосрочной перспективе обречена на стагнацию. При этом определение сравнительного преимущества подразумевает открытую экономику (С. 183).

В целом можно сказать, что в книге Дж. Лина нет принципиально нового с точки зрения общих положений экономической теории. Но она, безусловно, интересна тем, какую интерпретацию автор дает, опираясь на свою теорию, зигзагам и поворотам экономической политики КНР. Сначала, с 1950-х годов, «как полагается», это был путь коллективизации и даже временной коммунизации деревни и строительства тяжелой промышленности с ориентацией на ВПК. Затем, с 80-х годов, движение курсом, похожим на российский НЭП 20-х годов, но только сразу в направлении, противоположном сталинскому социализму, и с переходом к строительству и модернизации рыночной экономической системы.

Однако, в то время как предпосылки будущих неудач СССР были заложены уже в конце далеких 20-х годов, когда

⁶ Роберт Солоу – американский экономист, автор «модели Солоу», лауреат Нобелевской премии 1987 года «за фундаментальные исследования в области теории экономического роста».

определился трагический финал НЭПа, в успехе китайских рыночных реформ, наоборот, можно увидеть решающую роль аграрных преобразований 1980-х годов. При том, что, как и в СССР, китайское крестьянство было проведено Председателем Мао через длительный (1950–1970-е гг.) этап тотального кооперирования; правда, в нашей стране НЭП, напротив, предшествовал коллективизации. В ходе последующего рассмотрения темы эти две линии будут регулярно сравниваться.

Социалистическая деревня Китая (по Джастину Лину)

Рассматривая историю аграрных преобразований в коммунистическом Китае периода Председателя Мао, Джастин Лин сильнее, чем обычно принято в нашей отечественной науке акцентировал вопрос об использовании в ходе модернизации экономики фактора естественных преимуществ наряду с институциональными, социальными, политическими и другими.

Предысторию коллективизации китайской деревни составляет период революционной борьбы под лозунгами Мао Цзэдуна «Окружать города деревней», «Объединять большинство и бороться с горсткой». Наряду с перераспределением земли в пользу безземельного и малоземельного крестьянства «золотая эра сроком как минимум в пять десятилетий» была обещана национальному капитализму (С. 93). Но потом дела пошли по-иному. Почему же, – спрашивает Дж. Лин, – «Мао, такой прагматичный и гибкий во время революции, не придумал ничего лучше, чем копировать советскую модель после основания Китайской Народной Республики?» И сразу дает ответ: «Копирование советской модели было мудрым и вполне практичным выбором». Старшее поколение революционеров, поясняет он, – стремилось сделать Китай богатым и сильным. 1 октября 1949 г.

с трибуны на площади Тяньаньмэнь председатель Мао провозгласил на весь мир: «Китайский народ встал на ноги!». Для этого «прекрасным примером» стал Советский Союз. «Под руководством Сталина СССР пережил стремительную и бурную индустриализацию и быстро построил свой промышленный сектор и систему национальной обороны. А рынки Америки и Европы все еще страдали от Великой депрессии. В последующем моделью СССР интересовался не только Китай. Многие лидеры стран Азии, Латинской Америки и Африки» (С. 95).

Что касается человека в экономике, сталинская модель «стремительной и бурной» индустриализации, как известно, привела к превращению хозяйствующего крестьянства в несвободных сельскохозяйственных рабочих, организуемых по принципам технологической специализации и простой кооперации труда, а также являвших собой потенциал трудовых ресурсов длястроек индустриализации. При этом цели политического руководства СССР Сталина и КНР Мао далеко выходили за рамки национальной безопасности. Сталин только задним числом, после второй мировой войны, увязал индустриализацию 1930-х годов с международной военной угрозой. Но изначально идеологически и политически его стратегия вписывалась в общую концепцию мирового революционного процесса. И даже после окончания Второй мировой войны он продолжал форсированное развитие военной экономики за счет мобилизации ресурсного потенциала страны. При этом он исходил из догматического вывода о неизбежности развязывания новой мировой войны «империалистическими державами» в борьбе за суживающиеся рынки сбыта⁷. Позже Мао Цзэдун в свое время аналогичным образом осудил призыв Н. Хрущева к «мирному сосуществованию и экономическому соревнованию» с Западом, взяв курс на радикализа-

⁷ См.: И. Сталин. Речь перед избирателями 1946 г. и Экономические проблемы социализма в СССР.

цию международного революционного движения под руководством коммунистического Китая. Однако государственное руководство Китая после Мао изменило стратегические приоритеты в пользу структурно сбалансированной модернизации национальной экономики, в то время как советское руководство по-прежнему полностью подчиняло ее интересам «противостояния империализму» и «холодной войне».

Это важно для понимания, почему Китаю удалось благополучно и даже успешно пройти через кризис социализма, а России – нет. Ведь в любом случае (будь то социалистические или развивающиеся страны) создание многоотраслевой тяжелой промышленности требует огромных и концентрированных капиталовложений (ограниченный ресурс), тогда как сроки окупаемости в ней, как правило, очень велики, вплоть до неопределенности, особенно, при малой емкости внутренних рынков и неконкурентной местной тяжелой промышленности на внешних рынках. В первую очередь это относится именно к централизованным экономикам социалистических стран, которые продемонстрировали в идеально законченном виде описанную еще К. Марксом модель «производства ради производства» – замкнутость воспроизводства тяжелой промышленности на саму себя. Таким образом, отказ от форсированной индустриализации императивно предполагает, что «телега» политики должна перемещаться на свое объективно обусловленное место с точки зрения теории «естественных преимуществ» позади «лошади» экономики с ее изобильными трудовыми ресурсами и человеческим капиталом.

* * *

Здесь надо сделать пояснение. Действительно, стратегия форсированной индустриализации оказалась связанной с радикальными преобразованиями государства при

опоре на тотальную замену частной собственности государственной, а рыночных механизмов регулирования экономики административными. По Дж. Лину, для этого необходимо обеспечить «триединство» экономической системы, т. е. волевое установление низких цен на факторы производства и продукцию, централизованное распределение ресурсов и «несамостоятельный» менеджмент на микроуровне (С. 103). Но искусственное занижение цен ведет к тотальному дефициту товаров первой необходимости, нехватке капитала, иностранной валюты и сырья. Чтобы обеспечить возможность концентрации всех факторов производства в приоритетной отрасли промышленности, «правительство никогда не может полагаться на рыночные силы» (С. 105). Поэтому во время «новой демократической революции» (1949–1956 гг.) проводилась политика, обещавшая китайским капиталистам «золотую эру» защиты от иностранных конкурентов, но «в течение считанных лет их предприятия были национализированы» (С. 104). Как резюмирует Дж. Лин: «Система триединства в действительности была наилучшим институциональным устройством из всех возможных для того, чтобы в приоритетном развитии тяжелой промышленности использовать скудные ресурсы с максимальной отдачей». Но, отметим со своей стороны: оказалось, что **это стратегия «одноразового» (если так можно выразиться) применения.** По идее она должна была бы решить конкретную задачу создания основ индустриальной базы страны, а потом передать эстафету другой стратегии, при опоре теперь уже на естественные преимущества данной экономики – ее изобильные ресурсы. Однако историческая практика XX века показала, что такая смена не происходит сама собой. Преодолевая сопротивление консолидированной государственной бюрократической структуры – как в России, либо по инициативе, при поддержке, а то, и под давлением международных экономических организаций – как во многих развивающихся странах на фоне кризиса стратегии импортозамещающей индустриализации – например, в Индии.

История советской индустриализации бросает на эту проблему особенный свет, окрашенный в драматические тона. Именно в этом случае был создан уникальный механизм тотального, всеохватывающего административного управления экономикой и социального контроля. Созданный правящей бюрократией порядок административного формирования цен и распределения ресурсов обеспечивал их одностороннее движение в направлении, противоположном тому, что объективно требовал принцип естественных преимуществ. Это была политика стимулирующих цен на капитальные ресурсы и низких цен продовольствия при низкой же заработной плате трудящихся как дешевой рабочей силы. Но когда советская хозяйственная система подошла к исчерпанию своих резервов, выяснилось, что **здесь скрывалась ловушка**. Система не обладала потенциалом самореформирования – переориентации на иные стимулы, чем вброс (как бы, извне) дополнительных ресурсов экстенсивного роста. Ценовой механизм двигал их в одном направлении: тяжелая промышленность – машиностроение как ее центр с ядром ВПК. По мере исчерпания потенциала роста система становилась все более иррациональной. Акцент переносился на экспорт углеводородного сырья и деятельность Министерства водного хозяйства: «хлопковую независимость», осушение земель российского Нечерноземья.

Ловушка состояла в том, что для переориентации этой системы с «производства ради производства» на конечное народное потребление необходимо полное изменение порядка движения экономических ресурсов. Для этого требуются новые цены и новые деньги – как в свое время при НЭПе. Тогда это были «золотой червонец» вместо «совдензнаков» периода «военного коммунизма» и свобода товарооборота для потребительского рынка (вне государственного сектора промышленности, в котором сохранялось распределение вместо спроса). Но в СССР 1990 г. попытка, сохраняя прежние «правила игры», механически повысить цены

в 2 раза после 20 лет без изменений их самих и системы ценообразования закончилась развалом денежно-финансовой системы, а вслед за ней всей экономики. Такого сектора экономики, таких ресурсов, которые сыграли бы в те годы роль **«подушки безопасности» на переходный период**, не оказалось. Тем более при резком падении и цен на нефть, и ее добычи. Поэтому перестройка экономики началась катастрофическим путем. **В КНР**, – можно сказать наперед, – **такую роль сыграли** (в соответствии с теорией «естественных преимуществ»): **а) крестьянство** (а не «работники сельского хозяйства») с возвращенной ему землей; **б) сектор экспортной промышленности**, возникший (тоже в соответствии с этим принципом) с привлечением прямых иностранных инвестиций и массы дешевой рабочей силы, которая начала быстро высвобождаться из сельского хозяйства в ходе аграрной реформы. В результате перестройка государственного сектора экономики Китая пошла **эволюционным путем**.

* * *

Теперь время рассмотреть подробнее вопрос, почему политическому руководству Китая после 30 лет строительства коммунизма, в 1980-е годы удалось сделать то, чего не смогло и даже не захотело сделать советское руководство. Для этого надо напомнить: путь российского социализма к трагическому концу начался с превращения всего крестьянства в аморфную массу готовых бежать из деревни «сельских тружеников». Как, в отличие от этого, пошли дела в Китае, будет показано ниже в интерпретации этого процесса Джастином Лином. Стадии социалистических реформ в Китае схожи с тем, что происходило в СССР по мере сталинского наступления на НЭП, хотя и с некоторыми важными особенностями. Но главная установка была аналогичной: по мнению Мао, как и по мнению Сталина, индустриализация не могла опираться одновременно на два уклада

хозяйства. Поэтому новая стратегия затронула не только города, но и ключевые принципы жизненного уклада в сельскохозяйственных районах (С. 106–107).

До 1953 г. правительство вело кампанию «свержения местных землевладельцев и раздачи их земель крестьянам» – так же, как и во время Гражданской войны в России. Все расчеты с крестьянами за поставки производились по рыночным ценам. Но в 1953 г. правительство КНР перешло к монополизации закупок и сбыта сельскохозяйственной продукции – тоже точь-в-точь как в свое время в СССР. И тоже это было следствием утверждения первого пятилетнего плана и начала индустриализации. Такой поворот Дж. Лин связывает с осознанием властью необходимости создания сильного ВПК как гаранта национальной безопасности (С. 96). О том же писал в свое время цитированный в Главе 1 Борис Бруцкус. Но Дж. Лин прошел мимо связанной с этим второй его идеи – не только создать военную экономику, но и «придать ей новое направление и цель», поставить на службу антикапиталистической революционной стратегии. Между тем, это принципиально важно, поскольку при ориентации на глобальные внешнеполитические цели индустриализация выводилась далеко за границы экономической рациональности.

Но, так или иначе, автор объясняет приверженность Председателя Мао курсу, который в свое время проводил И. Сталин, мотивами политической рациональности, оставляя при этом в стороне вопрос, каким виделся тогда руководству Китая путь перехода от политически мотивированной экономической стратегии к рациональности теории факторов производства и естественных преимуществ. «Копирование советской модели, – пишет Дж. Лин, – было мудрым и вполне практичным выбором. Целью программы было сделать так, чтобы Китаю больше никто не смел угрожать и чтобы он на равных вошел в группу мировых держав так быстро, как только возможно. Прекрасным примером стал Советский Союз. Китай был бедной и отсталой аграрной

страной, как СССР до 1929 г. Но под руководством Сталина СССР пережил стремительную и бурную индустриализацию и быстро построил свой промышленный сектор и систему национальной обороны. А рынки Америки и Европы все еще страдали от Великой депрессии» (С. 94). Отступление «от факторной обеспеченности и сравнительных преимуществ» (С. 96) Дж. Лин объясняет теми же причинами, что и в свое время Сталин. В 1952 г. Китай напоминал ему СССР 1929 г. Обе страны были отсталыми и бедными аграрными экономиками и обе взяли курс на индустриализацию, а конкретно – на приоритетное развитие тяжелой промышленности, которое имело три главные особенности. Во-первых, очень длительный период строительства – от пяти до десяти лет. Во-вторых, отсталые и бедные развивающиеся страны вынуждены импортировать оборудование и станки для своей тяжелой промышленности. Наконец, в-третьих, начальные капиталовложения в отрасли тяжелой промышленности огромны» (С. 97). Поэтому «особенности создания и запуска тяжелой промышленности, безусловно, не стыковались с китайскими реалиями» (С. 101).

Аграрная политика КПК в те годы тоже была похожа на сталинскую (см. главу 3) быстрым упразднением элементов рыночных отношений деревни с городом и переходом к тотальному производственному кооперированию крестьянства. Все началось в 1952 г., как уже говорилось, задачей земли трудящемуся крестьянству. Затем в 1953 г. правительство начало монополизацию закупок зерна и хлопка. В рамках нового механизма крестьяне должны были поставлять определенное количество продукции государству и только после этого получали право продавать то, что оставалось, по рыночным ценам. В начале 1954 г. в этот список была включена уже практически вся сельскохозяйственная продукция. (С. 108). А в 1955 г., после того как каждое крестьянское домохозяйство получило свой земельный надел, стартовала кампания по его коллективизации (С. 110). Ее рациональность Дж. Лин объяснил сугубо экономическим

фактором «экономии на масштабах»: сокращением расходов хозяйств на тягловый скот, отказом от межевания полей, простой кооперацией труда, но оставил вне рассмотрения вопрос «классовой» политики в деревне (С. 110). Специфику Китая при этом составила «региональная зерновая самодостаточность» – политика, проводившаяся в различных формах вплоть до 1990-х годов: «Мэр отвечает за корзину с овощами, а губернатор – за мешок с рисом» (С. 111). Ее смысл заключался в принуждении всех провинций к самообеспечению зерном при огромных масштабах страны и запрещении свободной межрегиональной торговли.

В сталинском СССР отношения с крестьянством строились несколько иначе, но цели преследовали те же. Цитированные раньше В. Растянников и И. Дерюгина (С. 239–240) пишут: В масштабах всего государства основной «учетной единицей» плана изъятий сельскохозяйственного продукта был вовсе не колхоз, а отдельная территориальная единица, представленная районом, областью, краем и даже республикой. Поэтому при любых случаях «недосдачи» продукта, определенного к выплате государству колхозами, эту «недосдачу» принуждали покрывать те колхозы, у которых необходимая масса «излишков» продукта могла оказаться в наличии. Их «кратократия бесцеремонно вымогала для государственных закромов», дабы выполнить план района, области и т. п. В Китае в 1953 г. была введена сходная по целям с довоенной сталинской политикой система регистрации домохозяйств, которая четко разделила население на горожан и жителей деревень, и это сохранялось до начала в 1978 г «политики реформ и открытости». Как объясняет его причины Дж. Лин, в ходе индустриализации выяснилось, что капиталоемкая тяжелая промышленность оказалась не в состоянии создать достаточно рабочих мест для сельских мигрантов. К тому же, добавим, свободная сельско-городская миграция ставила бы под угрозу политику дешевого продовольствия для городского населения, необходимую в стратегии форсированной индустриализации.

Точно так же в СССР дешевый хлеб по твердым ценам стал символом коммунистического уравнилельного популизма на все последующие годы Советской власти. Такой политике соответствовало (повторенное потом в Китае) исключение в 1932 г. колхозников и крестьян-единоличников (в отличие от работников совхозов) из «единой паспортной системы СССР», что приводило к своего рода крепостному положению крестьянства. В СССР до 1991 г. свободной миграции населения вообще не было. Вместо этого действовал институт «прописки». Прописка – государственная система контроля над передвижением населения, сложившаяся в Российской империи, а затем получившая тотальное применение в СССР. Ее основной принцип заключался в привязке граждан к постоянному месту жительства. Установленный порядок требовал разрешения административных органов гражданам на проживание, устройство на работу и учебу. Разрешительный порядок прописки был признан Комитетом конституционного надзора СССР несоответствующим Конституции СССР только в 1991 г., т. е. уже накануне распада Советского Союза и на фоне общего кризиса плановой системы мобилизации рабочей силы⁸. Одновременно с этим в Советском союзе существовала такая форма перераспределения рабочей силы как организованный набор («оргнабор»). По существу то была плановая мобилизация трудовых ресурсов для крупных народно-хозяйственных проектов, а также для пополнения нехватки рабочей силы в промышленности и городском хозяйстве Москвы и некоторых других городов с ограниченной пропиской. Каждый населённый пункт СССР был отнесён к одной из четырех «категорий снабжения»: особой, первой, второй и третьей. Преимущества в снабжении имели особый и первый списки, в которых, конечно, на исключительном положении была Москва как столица государства.

⁸ Прописка // Академик. Словари и энциклопедии на Академике. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/50591> (дата обращения – 09.12.2017).

Пополнение дефицита рабочей силы в городах привилегированных категорий проводилось по жестким нормам, или (как говорили в народе) «по лимиту» – откуда и пошло понятие «лимитчики»⁹.

Китайскую ситуацию с избыточной потенциальной рабочей силой для городской промышленной экономики можно отчасти сравнить также с проблемой «экономического дуализма», в развивающихся странах стоявшей в период импортозамещающей индустриализации 1950–1970-х гг. Она разносторонне изучена отечественными исследователями и в общих чертах упомянута в этой работе (Глава 1). Ее суть в том, что в этих странах предприятия промышленного сектора, основанные в 1950–1980 гг. на трудосберегающих индустриальных технологиях, востребовали только лучшие, а потому ограниченные экономические ресурсы (включая рабочую силу, пригодную к работе с высокой производительностью труда). Тем самым это способствовало превращению традиционного сектора экономики с его избыточными трудовыми ресурсами в зоны стагнирующего мелкого производства и перенаселенности. Причина, по которой в Китае стартовало в 1953 г. кооперативное движение (С. 113) – через год после того как земля была роздана крестьянам, – состояла в том, что именно тогда был взят курс на приоритетное развитие тяжелой индустрии.

Кооперирование и народные коммуны

Кооперативное движение прошло через несколько стадий:

1953–1954 гг.: бригады взаимопомощи, прибегавшие к крестьянской традиции взаимопомощи при использовании тяглового скота, прополке и сборке урожая.

⁹ Подробнее см.: Александров Ю. Г. Евразийская экономическая интеграция: ЕАЭС. – М.: Аналитическо-консультативный центр «Стратегические изыскания», 2018. С. 132.

1954 г. – Первичные кооперативы включали в себя от 20 до 30 домохозяйств – размер обычной деревни в Китае (особенно к югу от р. Янцзы). В первичном кооперативе наделы всех домохозяйств были объединены, что делало межевание ненужным, позволяло высвободить еще некоторую часть земли. Распределять урожай можно было двумя способами: по количеству земли, инвентаря и рабочего скота или по труду. В конце года после вычета расходов на семена и удобрения чистый доход распределялся между хозяйствами преимущественно по труду. Первичные кооперативы, так же, как бригады взаимопомощи, «были хорошо приняты обществом. Многие крестьяне с энтузиазмом откликнулись на призыв правительства вступать в кооперативы, подкрепленный лозунгом: “Свободно вступил – свободно вышел”». (Крестьянский энтузиазм при производственном кооперировании в нашей стране хорошо известен. Но здесь важен принцип свободного выхода – Ю. А.)

1956–1957 г. – расширение кооперативов до 150–200 хозяйств, что равнялось одной деревне на севере Китая или нескольким деревням на юге. В новых кооперативах земля и орудия труда обобществлялись, а распределялся полученный продукт строго по труду. Мнение Лина о том времени: «Это едва ли отрицательно сказалось на крестьянах. Хотя некоторые тайно по ночам резали рабочий скот ради еды, эти случаи были редки». В 1956 г. устав передовых кооперативов был одобрен Собранием народных представителей, провозгласившим принцип свободного вступления и свободного выхода из кооператива. Когда какой-либо крестьянин решал покинуть кооператив, его землю, орудия труда и рабочий скот должны были ему вернуть. Кроме того, крестьянину должны были отдать то, что причиталось ему за работу, которую он проделал в коллективном хозяйстве. Дальше, – пишет Дж. Лин, – «экономия на масштабах продолжала творить чудеса, и объемы производства у передовых кооперативов (1956–1957 гг.) продолжали расти». К 1958 г. правительство решило вновь увеличить

размер коллективных хозяйств. Так появились Народные коммуны». (Вряд ли можно сомневаться, что российского читателя с его знанием истории своей страны удивит несоответствие между позитивом приведенной выше цитаты и тем, что следует сразу дальше. – Ю. А.)

Китайский «голодомор»

Первая коммуна была основана в августе 1958 г., а три месяца спустя они появились по всей стране, охватив 99% крестьянских хозяйств. В среднем в одну коммуну входило 5 тыс. хозяйств – 10 тыс. крестьян, работавших на 60 тыс. му (4 тыс. гектаров) пахотных земель. В народных коммунах продовольствие распределялось «по потребностям, а не по труду», крестьяне питались в общественных столовых и могли (Дж. Лин) «есть столько, сколько хотели. Таким образом время, прежде уходившее на готовку, высвобождалось – опять экономия».

В общем, как обычно, поначалу все было прекрасно – знакомая по СССР («головокружение от успехов») картина. «Но в 1959 г. урожай зерна сократился на 15% по сравнению с 1958 г. В 1960 г. – еще на 15%, и в 1961 г. – на столько же. Трехлетний сельскохозяйственный кризис обернулся **страшной гуманитарной катастрофой, унесшей жизни 30 миллионов жизней**» (выделено мной. – Ю. А.). Дж. Лин обоснованно считает эту «рукотворную» катастрофу сопоставимой с «голодомором начала 1932–1933 гг. в СССР, когда кризис там унес больше 5 миллионов жизней страны. Учитывая, что население СССР тогда составляло одну пятую населения Китая 1961 года, Дж. Лин заключил, что по тяжести кризис в Китае был близок к советскому (С. 123–124)¹⁰. С этим можно согласиться, хотя отдаленные социальные

¹⁰ По СССР см.: Голод в СССР 1932–1933 годов // URL:Encyclopedia Russia. (Энциклопедия России) Ru (дата обращения – 30.04.2020).

последствия того и другого оказались в конечном счете разными. В огромном Китае общая численность населения с 1960 по 1961 г. сократилась на 7 миллионов человек и восстановилась в 1963 г.¹¹

История России знает много голодных лет. Но, как отмечает историк В. В. Кондрашин: В контексте голодных лет в истории России своеобразие голода 1932–1933 годов заключается в том, что это был первый в ее истории «организованный» голод», когда субъективный, политический фактор выступил решающим и доминировал над всеми другими. В комплексе вызвавших его причин отсутствовал природный фактор, как равноценный другим, характерный для голодов 1891–1892, 1921–1922, 1946–1947 годов. В 1932–1933 годы не наблюдалось природных катаклизмов, подобных великим засухам 1891, 1921, 1946 годов. Относительно масштабов голода, вызванного насильственной коллективизацией, существует официальная оценка, подготовленная Государственной Думой РФ в изданном 2 апреля 2008 г. официальном заявлении «Памяти жертв голода 30-х годов на территории СССР». Согласно заключению комиссии при ГД РФ на территории Поволжья, Центрально-Черноземной области, Северного Кавказа, Урала, Крыма, части Западной Сибири, Казахстана, Украины и Белоруссии «от голода и болезней, связанных с недоеданием» в 1932–1933 годах погибло около 7 миллионов человек, причиной чему были «репрессивные меры для обеспечения хлебозаготовок», которые «значительно усугубили тяжелые последствия неурожая 1932 года». (Голод в СССР 1932–1933 годов)¹².

В Китае после того как голод в 1962 г. достиг своего пика, народные коммуны сохранились, но производственно-хозяйственная единица уменьшилась до размеров произ-

¹¹ Численность населения Китая в прошлом. – (<http://statinformation.ru/nasstr/china-ist.html>) (дата обращения – 30.04.2020).

¹² Цит. по Encyclopaedia-russia.ru : www.encyclopaedia-russia.ru/article.php?id=201 (дата обращения – 30.04.2020).

водственной бригады в составе 20–30 хозяйств, – прежнего первичного кооператива. Продукции распределялась по труду. В производственной бригаде, сократившейся до размера первичного кооператива, действовал, однако, распределительный порядок передового кооператива. Производственные бригады работали в сельском Китае до 1978 г. (С. 116). «Правительство больше слепо не увлекалось экономией на масштабах», – комментирует Дж. Лин. – В условиях продолжавшейся индустриализации и роста населения ему по-прежнему приходилось решать проблему растущего спроса на зерно и другую сельхозпродукцию. Ответом стало увеличение расходов на сельское хозяйство. Начиная с 1962 г. государство вкладывало средства в научные исследования, направленные на увеличение урожайности зерновых. В 1970-е годы был выдвинут лозунг: «Развитие сельского хозяйства – это механизация» (С. 117). Но дальше лозунга дело не пошло, **историю социалистической аграрной политики в Китае можно считать на этом законченной**. Почему? Насколько на это повлиял провал проекта народных коммун, а какую роль сыграли другие факторы?

Перейдя к вопросу о причинах катастрофического кризиса в сельском хозяйстве, Дж. Лин счел недостаточными такие объяснения, как природные катаклизмы, плохое управление, уравнительная оплата труда (С. 118) Его собственная гипотеза представляется близкой к идеям А. В. Чаянова. Лин делает упор на контроле качества сельскохозяйственных работ, намного более сложном и дорогом, чем в промышленном производстве. Экономия же за счет масштабов в сельском хозяйстве при кооперации труда, считает он, дает свои выигрыши (С. 122). Но она окупает себя только при добросовестной работе всех участников производственного процесса, т. е. требует того «контроля на рабочем месте», который все шире распространяется даже в промышленности. И не только в таких передовых государствах, как, например, Япония, но и в развивающихся

странах¹³. Однако, разница с промышленностью – в том, что сельскохозяйственный цикл состоит из последовательных операций, связанных только прямой причинно-следственной связью. Брак, допущенный на какой-либо операции, нельзя устранить. Члены китайских сельскохозяйственных кооперативов, в отличие от российских, еще не успели «по-ленински» «раскрестьяниться», и традиционные навыки взаимопомощи помогали сохранять в них рациональную организацию производственного процесса. Естественно, что такая практика предполагала и взаимную, и коллективную ответственность членов кооператива за результаты труда. В первые годы такие взаимоотношения регулировались правом крестьян свободно выходить из кооперативов с землей в случае, если в них нарушались взаимные обязательства¹⁴. Согласно уставу кооперативов, утвержденному Национальным народным конгрессом Китая в 1956 г., земля и орудия труда, внесенные в кооператив крестьянами, принадлежали всему коллективу, но члены имели право в любой момент выйти из него. «Свобода выхода защищает тех, кто усердно трудится, но представляет реальную угрозу для нахлебников», – замечает по этому поводу Дж. Лин. – «К сожалению, вдохновленное первоначальным успехом кооперативной организации государство решило сделать участие в коллективном хозяйстве обязательным. (Пункт «свободно вошел – свободно вышел» исчез из устава кооперативов в 1958 г. и снова появился только в 1978 г., когда состоялось третье пленарное заседание ЦК КПК, то есть с началом аграрной реформы – Ю. А.). Таким образом, после 1958 г., когда стали повсеместно организовываться народные коммуны, изменились правила игры. Участие в коллективном хозяйстве было сделано принуди-

¹³ См., например: Лебедева И. П. Глобализация японского промышленного производства. – М.: Институт востоковедения РАН, 2012, гл. 3.

¹⁴ Такая система отношений особо характерна для традиционного земледелия стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии с исторически сложившейся практикой трудоинтенсивного сельского хозяйства на орошаемых землях. Этот феномен многосторонне описан и исследован в научной литературе, Существенный вклад в его изучение внесли отечественные востоковеды.

тельным, и бегства из коммун работающих крестьян можно было не опасаться. «В результате лентяи окончательно сели на шею труженикам, и даже те, кто раньше усердно работал, перестали стараться. Причина проста: «в этой игре без продолжения праздность была разумным выбором». Производительность упала, так как больше крестьян стали вялыми и инертными». Справедливости ради Дж. Лин отметил, что в большинстве случаев коллективизация в разных странах мира тоже начиналась как добровольное движение – с правом выхода из коллективного хозяйства. Так было в Африке, Центральной и Южной Америке. Но потом выход обычно закрывали. СССР не был исключением – крестьян лишили права выхода из колхозов в 1929 г. (С. 123).

Отметим, со своей стороны, что тем самым автор обозначил намерение ограничиться экономической стороной проблемы, не рассматривая вопрос о месте трудового кооперирования крестьянства в политической стратегии построения социализма в крестьянских странах. Судя по всему, – он был мотивирован тем, что в Китае (в отличие от СССР) через определенное время удалось неконфликтным путем превратить сельское хозяйство при помощи своего варианта НЭПа в один из базовых источников экономического роста и модернизации национальной экономики. Общим для всех движений по коллективизации деревни, – отмечает автор, – было то, что производительность росла на начальном этапе, когда крестьяне могли свободно уйти, и урожаи были выше, чем при индивидуальном хозяйствовании. Но, когда выход перекрывали, как в СССР в 1929 г. и в Китае в 1958 г., урожаи падали. Лишение права выхода вело к всеобщему сокращению количества затрачиваемого труда. Когда эти сокращения достигали определенного уровня, они, снижая производительность, сводили на нет все преимущества «экономии от масштаба», или «эффекта масштаба» (С. 124)¹⁵.

¹⁵ Эффект масштаба (англ.: Economies of scale) связан с изменением стоимости единицы продукции в зависимости от масштабов её производства. Рассматривается в долгосрочном периоде.

Итак, Дж. Лин, оценивая в категориях политэкономии результаты социалистического кооперирования китайского крестьянства, среди всех причин катастрофы 1958–1960 гг. считает главными те условия, которые привели к падению производительности труда в сельском хозяйстве из-за утраты членами кооперативов **стимулов к напряженному труду**. Цитированный ранее российский экономист Борис Бруцкус не без основания сделал схожий вывод: «Будущее гарантируется не столько сбережениями, сколько напряженной работой в настоящем. И только народ, чьи нужды разумно удовлетворяются, способен напряженно работать»¹⁶. Однако в истории кооперированного китайского сельского хозяйства есть еще один аспект. Он помогает лучше понять, почему, несмотря на большую схожесть судеб с российскими колхозниками, китайские «колхозники», в отличие о наших, **сохранили потенциал возвращения к семейному хозяйству фермерского типа**. Ведь, когда в постсоветской России были приняты необходимые для этого государственные законы, результаты оказались разочаровывающими для их авторов (см. Главу 5). Речь идет о различиях в технологиях и организации труда сельского населения в зонах орошаемого и неорошаемого земледелия, плодородных и неплодородных почв. Или, – более широко, – в условиях, которые диктуют упор либо на экономию труда через повышение его индивидуальной производительности («трудосбережение»), либо на «экономию» земли через повышение ее продуктивности на единицу площади («землесбережение»). Эти два типа земледелия со всеми вытекающими последствиями всесторонне изучены отечественными и зарубежными учеными. Причем, в отношении регионов орошаемого земледелия, к которым относятся и основные земледельческие районы Китая, особый интерес вызывает агротехническая модернизация

¹⁶ Бруцкус Б. Д. Советская Россия и социализм. Статьи. СПб.: АОЗТ ж. «Звезда», 1995. С. 177.

при высоких плотностях сельского населения. Можно ли там сочетать технологии, ориентированные на повышение продуктивности земли с использованием прогрессивных средств агрономии, и одновременно с этим – на повышение производительности труда путем его механизации? Какие формы социальной организации труда более всего соответствуют данным условиям хозяйствования, и что делать при этом с высвобождающейся рабочей силой?

С этой точки зрения заслуживает внимания анализ технологических и экономических изменений, которые произошли в XX веке в сельском хозяйстве зон «трудосберегающей» модели сельскохозяйственного роста и зон «землесберегающего» сельского хозяйства. Авторы, обстоятельно цитированные выше В. Растянников и И. Дерюгина, сопоставили оба эти типа хозяйства. Первый – на примере России, второй – на примере Японии, Индии и Узбекистана¹⁷. Но, безусловно, ко второму относятся и основные сельскохозяйственные регионы Китая. Приведем главное для нас в тексте этих авторов.

В аграрном секторе СССР/России («трудосберегающая» модель) в XX веке произошли крупные технологические и экономические изменения. Этот сектор перешел от разделения труда, характерного для традиционного хозяйства (семейно-трудового, по А. Чаянову – Ю. А.), к разделению труда мануфактурного типа в колхозно-совхозной системе с целью дальнейшего продвижения на индустриальную стадию труда. Но в 1970–1980-е годы процесс резко замедлился и застопорился на ступени еще не преодоленной мануфактурной стадии, на которой в процесс производства уже довольно широко включались машины и механизмы. А в 1990-е годы аграрный сектор России вступил в полосу общего кризиса. В отличие от этого в странах «землесберегающего» сельского хозяйства послевоенная революция

¹⁷Растянников В. Г., Дерюгина И. В. Модели сельскохозяйственного роста. С. 125–126.

в производительных силах разными темпами вела к повышению потенциала продуктивности природных ресурсов, но почти не затрагивала технические условия, обеспечивающие экономию труда. Эти страны к концу XX века характеризовались все еще весьма высоким удельным весом затрат живого труда (С. 127). Это сильно сдерживает процесс рассасывания в них аграрного перенаселения и требует постоянного субсидирования сельских производителей для поддержания их конкурентоспособности (С. 128).

Для нашей темы описанное выше означает, что за 30 лет кооперативного сельского хозяйства, во-первых, государственные деятели КНР могли получить достаточно свидетельств того, что путь к ленинской мечте о превращении крестьянства в «работников социалистического сельского хозяйства» не соответствует условиям Китая с его несомненным преимуществом «землесберегающего» семейно-трудового хозяйства над сельскохозяйственным предприятием, которое характеризует мануфактурное разделение труда. А во-вторых, китайские крестьяне подтвердили свою приверженность семейной организации труда, начав возвращать себе отобранные у них и объединенные в кооперативы земли и дав тем самым опережающий толчок аграрной реформе. О такой инициативе крестьян провинций Анчхой и Сычуань будет рассказано подробнее при рассмотрении аграрной реформы 1980-х годов и ее роли в переходе китайской экономики к росту и модернизации. Не удивительно, что лозунг: «Развитие сельского хозяйства – это механизация», выдвинутый руководством КПК в 1970-е годы, был сразу же благополучно забыт, а изменения пошли, как мы увидим, путем, сначала напомнившим российский НЭП 1920-х годов, но очень скоро влившимся в общую магистраль рыночной экономики.

НЭП ПО-КИТАЙСКИ: НОВЫЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ

Приступив в 1980 г. к возвращению членам сельскохозяйственных кооперативов во владение их земельных участков, китайское руководство начало движение к модернизации экономики и утверждению ее в роли одного из мировых лидеров. По этому пути Китай прошел несколько этапов:

- «Фермеризация» крестьянства и развитие в китайской деревне, сельской мелкой промышленности. (Напомним, что в СССР она была полностью подавлена после коллективизации – Ю. А.).

- Создание сектора экспортных промышленных предприятий с широким применением трудоинтенсивных технологий.

- Плановая приватизация государственной крупной промышленности и фронтальная модернизация экономики.

Китай вступил в полосу перемен на 10 лет раньше России и других новых государств – бывших республик СССР. Вплоть до начала 90-х годов Советское руководство упрямо держалось идеологии социализма «в одной отдельно взятой стране» – по сути, экономической автаркии с опорой на централизованное управление экстенсивным ростом производительных сил. Китай в те же 80-е годы инициировал собственный «НЭП» и массированные инвестиции в экспортные промышленные производства. Это было время, когда мир развивающихся стран находился уже в движении от стратегий промышленного импортозамещения 1950–1970 гг.

к глобализации, и, соответственно, от популярных тогда стратегий «большого толчка» в духе теорий экономического роста 1950–1970 годов к открытым экономикам в соответствии с либеральными принципами «вашингтонского консенсуса». Советская экономическая система не справилась со своими внутренними противоречиями и вошла в полосу тяжелого общего кризиса. Китай, же, как говорилось выше, благодаря успехам аграрного сектора и трудоинтенсивных экспортных производств создал достаточную «подушку безопасности» для реализации своей «**двухколейной**» стратегии: быстрого роста частного сектора промышленности на основе собственных возможностей с привлечением прямых иностранных инвестиций и постепенной приватизацией крупных государственных предприятий.

Поэтому интерес китайских стратегов и аналитиков к российскому опыту переместился в сторону его критики и в целом ослаб. В то же время в центре их внимания оказалась дискуссия со сторонниками модернизации экономик развивающихся стран в русле либеральных установок «вашингтонского консенсуса». Рассматривая собственный опыт как уникальный (что, конечно, отчасти справедливо)¹, китайские стратеги вместе с тем усматривают некоторую типологическую близость к нему феномена Южной Кореи и других дальневосточных «азиатских тигров». В то же время результаты, которых достигли развивающиеся страны, следуя либеральным экономическим принципам «вашингтонского консенсуса», оцениваются китайцами как не вполне удовлетворительные. Сначала они демонстрируют быстрые достижения, но при этом не создаются необходимые условия для надежного закрепления успехов. Объектами критики при этом становятся, как правило, «тигры второго эшелона» – Малайзия и другие страны Юго-Восточной Азии. К ним же причисляется и постсоветская Россия с ее

¹ См., например: Салицкий А. И., Таций В. В. Мировая экономика: время переоценки. Восток (Oriens), 2011, № 5. С. 72–83.

«шоковыми» реформами. Таких упреков раздается немало и в нашей стране со стороны отечественных критиков (Ю. А). Но китайский взгляд специфически интересен не только как мнение со стороны, но и как типичная попытка рассматривать проблематику переходных экономик исключительно в ограниченных рамках экономической теории.

Это не очень хорошо «работает» особенно в отношении российского «постпланового» хозяйства, которое с трудом и попятными движениями «вылезает» из социализма. Чрезмерно затянувшаяся попытка реализовать на практике марксистско-ленинскую модель полного социального равенства людей в условиях быстрого экономического развития дала результат, которого только и можно было ожидать: тотальный государственный контроль над жизнью общества. При этом определяющую роль для выбора приоритетов играли идеологические и политические соображения – социалистические идеалы и военная экономика. «Если проблема в том, чтобы заставить служить экономическую систему внеэкономическим целям, – считает уже цитированный по другим вопросам Б. Бруцкус, – то плановая экономика обеспечивает идеальное решение»². В несколько ином ракурсе, но тоже ограниченной представляется критика китайских аналитиков в адрес стратегий развивающихся стран ЮВА (например, Малайзии или Индонезии), в которых экономически рациональные планы с трудом пробивают себе дорогу в среде, где экономика все еще не утвердилась как относительно самостоятельная сфера жизни общества. Таким образом, рассмотрение оценок китайскими учеными и другими зарубежными китаистами программ и практики экономической модернизации переходных и развивающихся стран продвигает научную дискуссию вперед в понимании роли человека как субъекта капитала в его разных ипостасях, **выходящих за пределы оценки человека как экономического ресурса и фактора производства.**

² Бруцкус Б. Д. Советская Россия и социализм. СПб., С. 173.

* * *

В главе 6 тема реформ Председателя Мао за 1950–1970-е годы рассматривалась в связи с его аграрной политикой. Это объясняется общей логикой моего исследования, главный предмет которого – роль человека в экономике. Ход анализа, начатого с разбора экономической доктрины и экономической стратегии СССР, привел к выводу, что роковую роль в экономической и социальной жизни, а в конечном итоге, и судьбе советского народа сыграли сталинские преобразования, которые превратили крестьянство страны как основную часть ее трудящегося населения в «продукт» ленинской мечты – работников, «одинаковых» с городскими рабочими и служащими. А всех их, по сути, – в **государственную рабочую силу с низким уровнем человеческого и социального капитала**. Следствием этого стали ограниченный потенциал участия трудящихся в рыночной трансформации экономики страны; ограниченная экономическая база и низкий уровень предприимчивости, социальной и профессиональной организованности. И, наоборот, сильная зависимость от государственных институтов – экономических, бюрократических и «силовых».

Сопоставление СССР с Китаем представилось целесообразным начать рассмотрением метаморфоз его многосотмиллионного крестьянства в 1950–1970-е годы социалистических и коммунистических преобразований Председателя Мао (глава 6). Во-первых, потому, что его экономическая политика в деревне имела принципиальное сходство со сталинским курсом. А во-вторых, автор показал, что эксперименты тех лет в двух странах привели к неодинаковым социальным результатам. В первом случае (Россия) главный патриот колхозов для постсоветского времени А. Завяряха афористически высказался о том, что народу необходимо «накормить» свое крестьянство. В Китае – наоборот: крестьянство, «выпущенное» из кооперативов с землей, создало солидные предпосылки к фронтальному движе-

нию в рыночную экономику. Но для того, чтобы двигаться дальше, необходимо хотя бы вкратце охарактеризовать общую картину китайской экономики, в которую тогда было «вписано» крестьянство.

* * *

Точно так же, как рассмотрение проблем человека в постсоветской России в этой книге началось с обстоятельного анализа изменений в его судьбе в СССР, такой же подход применен к той же теме в Китае. Для этого в начале данной главы надо определиться, в каком состоянии его экономика находилась к моменту перехода от 30-летнего идеологического коммунистического эксперимента к экономической политике.

Отсчет истории КНР начался с 1949 г. – ровно через 20 лет после того как в Советском Союзе произошло стремительное свертывание НЭПа и массовое трудовое кооперирование в деревне – «коллективизация». Дж Лин излагая экономическую стратегию Китая при Мао и после него – при Дэн Сяопине, оценивает ее вне идеологической и политической составляющей. Хотя на примере советского НЭПа хорошо видно, что именно эти факторы в конечном счете сыграли роковую роль в его судьбе. Правда, конкретным толчком к радикальному изменению курса государства стал тогда провал хлебозаготовительных мероприятий советской власти. Но борьба в ее руководстве развернулась не по поводу того, как поднять уровень сельскохозяйственного производства или отрегулировать закупочную систему, а вокруг вопроса о социалистическом курсе экономического и политического строительства. Подоплека этой трагедии страны (см. Главу 3), ее причины заключались именно в том, что социалистический сектор хозяйства проигрывал конкуренцию с частным сектором. Прежде всего, той части крестьянства, которая оказалась способной контролиро-

вать критическую массу товарного хлеба и саботировать его государственные заготовки по твердым ценам. В то время как масса сельской бедноты, сильно увеличившись численно после «черного передела» земли революционных лет, была слишком слаба, чтобы можно было бы рассчитывать на нее как на экономическую базу власти в деревне. Соответственно, одной из причин отмены НЭПа стал расчет на принудительное выкачивание продукта из деревни с перспективой технического перевооружения сельского хозяйства как гарантии полной победы социализма. Таким образом, очевидно, что дальнейшее развитие событий не только в СССР, но и в постсоветской России имело глубокие корни именно в то время, когда закладывались основы формирования **уникального исторического явления – «советского человека»**. Такой же подход целесообразно применить к китайскому случаю.

«От сохи к атомной бомбе»

В Китае начало плановой экономики Дж. Лин относит к первой пятилетке (1953–1957 гг.) Чтобы дать ей оценку, автор задается вопросом: была ли при этом обеспечена эффективная мобилизация экономических ресурсов? «С этой точки зрения плановая экономика была вполне эффективной», – считает он. Накопление капитала достигло 24,2% ВВП и 30,8% ВВП в течение второй пятилетки (1958–1962 гг.). Для сравнения: чтобы выбраться из «ловушки равновесия при низком уровне доходов» (в соответствии с теорией экономического роста – Ю.А.), инвестиции в экономике должны превышать 11% ВВП. Показатель Китая до 1978 г. всегда был выше этого, свидетельствуя об «очень эффективной мобилизации незадействованных средств в этот период». Вложения в тяжелую промышленность при этом всегда были большими – фактически почти половина инвестиций. К 1978 г. Доля прибыли тяжелой промыш-

ленности составляла уже почти половину национального дохода. «На первый взгляд Китай по своей промышленной структуре был похож на высокоразвитые страны». Средние темпы роста промышленности на 6% в год до начала реформ вовсе не были медленными. В 1960-е годы Китай провел испытание атомной бомбы, а в 1970-х запустил спутник. Таким образом, если преследовалась цель развития тяжелой промышленности, военной индустрии и авиапрома, то китайскую экономику можно оценить как очень эффективную. Аграрной стране потребовалось всего 20 лет, чтобы совершить рывок, который прежде был по силам только развитым странам. (Дж. Лин. – С. 127–128). (Не считая, – добавим от себя, – конечно, СССР с его 10-летним предвоенным рывком, который, правда стоил нации, включая затем и войну, **слома ее генетического кода**. Вообще же, после того как КНДР сделала свое ядерное оружие с минимальными экономическими ресурсами и при жестокой международной экономической блокаде, восторги насчет «сохи» и «бомбы» стали понемногу утихать – Ю. А.). Им на смену начали приходиться вопросы о «цене», за которой до того у нас полагалось «не постоять». Вот и Дж. Лин пишет: «Но образовался перекося в экономической структуре. Хотя Китай был близок к развитым странам в плане тяжелой промышленности, по структуре занятости населения он оставался все той же отсталой аграрной экономикой. 70% рабочей силы было сконцентрировано в сельском хозяйстве³. Так что опытным путем была доказана неэффективность данной стратегии, направленной непосредственно на модернизацию производственно-технологической структуры экономики. В рамках подобной искусственной модернизации игнорируются сравнительные преимущества, определяемые структурой обеспеченности экономики

³ В СССР после 10-летнего промышленного рывка 1930-х годов – 67,5% в 1940 г. Но колоссальные людские потери ВОВ, а затем послевоенные «стройки коммунизма» и активный «оргнабор» рабочей силы снизили этот показатель до 52,1% в 1959 г. и 37,7% в 1981 – к началу китайских рыночных реформ.

факторами производства. (Прежде всего дефицитом капитальных и избытком трудовых ресурсов – Ю. А.). Это, – заключает Дж. Лин, – и приводит к дисбалансам и низкой эффективности. Таким образом, чтобы провести подлинную модернизацию и добиться максимальной эффективности, нужно изменить структуру обеспеченности факторами производства. (С. 155).

Это ровно то, на чем уже ряд лет настаивают многие независимые аналитики на фоне практического отсутствия экономического роста в России. Но, главное, такой вывод особенно полезен для настоящей работы поскольку удерживает ее в русле темы человека в экономике, положение которого менялось на разных этапах китайской экономической стратегии. Все годы до реформ Дэн Сяопина он оставался **малоценным экономическим ресурсом** – фактором производства, расходуемым для повышения эффективности дефицитных капитальных ресурсов, а также для их замены ручным трудом через простую кооперацию труда: от сельского хозяйства (производственные кооперативы), ирригационных работ и строительства до металлургии («народная сталь»). Поэтому очевидно, что жесткость (даже жестокость) начатой в 1980 г. политики «одна семья – один ребенок» была спровоцирована предыдущим курсом Мао Цзедуна на поощрение роста населения как прямой производительной силы.

Отталкиваясь от такой оценки стратегии времен Мао, Дж. Лин отметил, что в условиях традиционной плановой экономики Китай «сделал большой крюк в своем развитии». Те же беды, что и Китай, постигли многие развивающиеся государства по всему миру. Поэтому неудивительно, что, когда в конце 1970-х годов Китай начал проводить политику реформ и открытости, многие социалистические и просто развивающиеся страны также занялись реформированием своих экономических систем. Разные идеи и подходы привели к различным, порой несопоставимым результатам. Страны, взявшие на вооружение доминировавшие тогда

экономические теории (имея в виду курс на открытость экономики – Ю. А.), не смогли добиться желаемых результатов. А Китай на основе собственных изысканий добился невиданных успехов, проводя поэтапную двухколейную реформу, которую когда-то поднимали на смех, считая худшей моделью преобразований». (С. 187-188). Как будет видно дальше, анализ Дж. Лина фактически сконцентрирован именно на вопросе о роли человека в экономике развивающихся и переходных обществ. И, что еще важно, он, как и многие другие китаисты, стремится обосновывать лидирующую роль китайской экономической стратегии и научной мысли в общей дискуссии о путях и методах модернизации экономик таких стран.

«НЭП по-китайски»: ход реформ и их результаты

Когда правительство оценило проблемы сельского хозяйства, пишет Дж. Лин, оно пришло к четырем выводам. Во-первых, искусственно заниженные государством закупочные цены лишали крестьян желания работать. Во-вторых, после ликвидации рынков сельхозпродукции деревни деградировали до состояния автаркических экономик. В-третьих, слишком большой размер производственных бригад подрывал стимулы к труду. Наконец, в-четвертых, сельское хозяйство было крайне неэффективным из-за отсутствия специализации. Чтобы решить эти проблемы, в 1978 г. правительство на 3-й пленарной сессии ЦК КПК вынесло три резолюции, которые и дали старт политике реформ и открытости:

- Об уменьшении размеров производственных бригад: Были разрешены договоры подряда на объем производства и система ответственности. Этот порядок существовал до тех пор, пока действовала только коллективная форма хозяйствования, а индивидуальная была запрещена.

Но вскоре вместо нее возникла система «ответственности отдельного хозяйства» (С. 190–191). (То есть произошло возвращение к крестьянско-фермерской системе – Ю.А.).

- О реформе системы ценообразования: Государственные закупочные цены в рамках планового задания были подняты на 17,1%. А сверх квоты сельхозпродукцию можно было продавать по ценам на 30–50% выше, чем раньше. Таким образом, в среднем рост цен составил 22,1%.

- О рыночной реформе: Рынок сельскохозяйственной продукции, перевозка продукции на большие расстояния для продажи, совершение арбитражных операций – все это было вновь введено в практику вместо прежних запретов.

Как уже говорилось, система «ответственности отдельных» домохозяйств» (первый шаг аграрной реформы) относилась ко всему крестьянству. Успех ее сразу оказался поразительным. Поэтому в 1981 г. началось ее внедрение по всей стране. К концу года по-новому работали уже 45% производственных бригад, в 1982 г. – 80%, а в 1984 г. – 99%. Темпы нововведений были уже традиционно столь же стремительными, как при кооперировании деревни в 1950-е годы. Но совсем другими были цели и, соответственно, результаты. В течение нескольких лет – с 1978 по 1984 г. – сельскохозяйственный рост ускорился более чем в два раза (!) – с 2,9% до 7,7%, причем темпы производства продовольствия выросли вдвое. При этом в результате введения с 1980 г. политики «одна семья – один ребенок» рост населения снизился с 2% до 1,3%. Таким образом, фактически производство продовольствия на душу населения увеличивалось быстрее. При этом Дж. Лин опять коснулся вопроса о недостатках системы коллективного труда для китайского сельского хозяйства, о чем писал применительно у России еще А. В. Чаянов. Казалось бы, рассуждает Лин, «при использовании экономии на масштабах коллективное производство более эффективно, чем индивидуальное»... Но такой аргумент «ставит знак равенства между работником и единицей затрат труда, иными словами, приравнивает работников к тракторам» (С. 193–194).

Сельская промышленность

Как было отмечено в Главе 3, в России в результате Гражданской войны и «черного передела» земли революционной властью на авансцену деревни вышел огромный массив экономически слабейших групп сельского населения. Более того, ломка патриархальных устоев семьи в революционные годы дала толчок дальнейшему измельчанию крестьянских хозяйств. Таким образом, советская власть опиралась в деревне на экономически слабые группы населения. К тому же, «черный передел» привел к закреплению тенденции к натурализации хозяйственных отношений в деревне, обозначившейся во время Мировой войны и усилившейся в годы НЭПа. Одним из проявлений этой тенденции стало ослабление хозяйственных связей деревни с городской промышленностью, тоже подорванной предшествующими событиями, в пользу сельского ремесла и мелких предприятий. Это заботило власть не меньше чем проблема хлебозаготовок, так как шло во вред «союзу рабочего класса и трудового крестьянства», а, по сути, нарушало систему неэквивалентного обмена между деревней и городом («нечто вроде дани»). Поэтому подавление активности местной промышленности в деревне стало одной из главных задач посленэповской политики советского государства. Вместо этого для механизации сельского хозяйства была создана система машинно-тракторных станций (МТС). В дальнейшем она подвергалась неоднократным перестройкам в отношениях с колхозами и совхозами по части реорганизации их связей, продажи им техники и прочего с общей задачей превращения сельскохозяйственных предприятий в нижние узкоспециализированные звенья агропромышленных комплексов. Но в итоге этой системе так и не удалось «накормить народ», и с началом движения в рыночную экономику для российского сельского хозяйства открылось окно новых возможностей (Растянников, Дерюгина. С. 219–221).

В отличие от этого в Китае в результате стремительного роста сельского хозяйства началось быстрое развитие деревенской промышленности. Поселковые и деревенские предприятия появились еще до 1978 г. К тому времени благодаря повсеместному внедрению различных средств механизации в сельском хозяйстве каждая коммуна имела собственный ремонтный цех – прообраз деревенских и поселковых предприятий. Это было отчасти схоже с мероприятиями в послесталинском СССР, но с разным продолжением. Потом эти цеха расширили свою деятельность и стали производить некоторые запчасти для сельскохозяйственной техники, а также отдельные товары первой необходимости. Но до 1978 г. такие предприятия не могли получать оборудование и сырье через государственные ведомства, а их продукция оставалась за рамками торговой системы страны. Так что они были вынуждены довольствоваться производством и продажей продукции исключительно на местном уровне. Но когда в конце 1978 г. была введена «система ответственности хозяйств» (т. е. обязанность выплачивать государству натуральный налог как в нэповской России. – Ю. А), «крестьянский производственный энтузиазм значительно повысился», и, как следствие, возросли объемы производства. Поскольку у крестьян оставалась существенная часть их продукции, частный сектор развивался «невероятными темпами». В 1978 г. выпуск деревенских и поселковых предприятий составлял 9,3% общего объема промышленного производства страны, а в 1994 г. – уже более 42%. В 1978 г. продукция этих предприятий составляла всего 11% в общем объеме экспорта, а в 1994 г. – уже 35%. Быстрый рост поселковых и деревенских предприятий стал результатом «всемерного использования сравнительных преимуществ Китая» (С. 225–226). Т. е. опоры на активизацию изобильного экономического ресурса – сельских трудовых ресурсов как производительной силы. (Ю. А.).

Новые проблемы деревни

В то же время активные изменения в сельской экономике на фоне общего движения страны к рынку породили новые противоречия и проблемы. Так, аграрные реформы и последующий разворот экономической политики привели к новому изменению содержания продовольственной проблемы в национальном масштабе. «Продовольственная безопасность напрямую связана с жизнью людей, следовательно, это всегда вопрос политический, – пишет Дж. Лин. – Ни одна страна не хотела бы отдавать свою тарелку в руки других государств, и большинство стран проводят политику самообеспечения продовольствием. Для Китая, которому нужно кормить более чем миллиардное население, продовольственная безопасность особенно важна. Как раз в этой сфере государство столкнулось с некоторыми вызовами при головокружительном росте экономики после реформ. (С. 197). Но проблема здесь упирается далеко не только в задачу национальной безопасности. Продовольственный сектор играет одну из ключевых ролей в воспроизводстве всего экономического и социального организма Китая. И его значение возрастает по мере трансформации китайской экономики в единое социально-экономическое пространство, основанное на тотальном общественном разделении труда, на свободном движении всех хозяйственных ресурсов между городом и деревней, сельским хозяйством и промышленностью, секторами и отраслями производства.

Важность свободного перелива ресурсов, в первую очередь продовольственных, видна в предыдущих главах настоящей монографии на примерах безуспешных попыток советской власти решить, используя административные меры, экономическую и политическую задачу «союза города и деревни» в пору довоенного строительства основ социализма. А после войны – создать продовольственную базу для динамичной многоотраслевой экономики.

О том, как это выглядело в Китае в годы коммунистического строительства Председателя Мао, свидетельствуют материалы Главы 6. Но с началом перехода китайской экономики к рынку не только количественное обеспечение, но и свободное перемещение продовольственных ресурсов приобрело новую значимость, поскольку динамичной становилась вся экономическая и социальная жизнь страны. Первым же достижением реформ оказался стремительный взлет сельскохозяйственного производства, который, в свою очередь, создал материальные предпосылки для свободного перемещения избыточной рабочей силы деревни в несельскохозяйственные отрасли экономики. За первые десять лет производство зерновых увеличилось почти в полтора раза (с 304,7 млн т в 1978 г до 442,6 – в 1992) и продолжало быстро расти: 2002 г. – 457, 2012 – 589,6, 2017 г. – 617,9 млн т⁴.

Вместе с тем, по ходу индустриализации и урбанизации все больше земель в сельских местностях стали занимать новые фабрики, дороги и дома. Хотя темп прироста населения понизился, его чистый рост все равно оставался высоким, и потребность в продовольствии увеличивалась. При этом с повышением материального благосостояния городского населения потребление зерна сокращалось, но росло потребление яиц, мяса и других продуктов. А поскольку многие продовольственные товары производятся из зерна – в конечном счете потребность в нем продолжала расти (С. 197). Поэтому большое значение для продовольственного обеспечения Китая имеет импорт.

По итогам 2017 г. импорт пшеницы вырос на 27,3% в сравнении с 2016 г. – до 4,3 млн т. Лидирующую позицию по объемам экспорта пшеницы в Китай занимает Австралия: по итогам года отсюда в Китай отправлено 1,9 млн т этого зерна (+38,7%). Импорт пшеницы из США вырос

⁴ Основные отрасли и сферы экономики современного Китая. В 2 книгах. Книга 1. М.: ИДВ РАН, 2012. С. 17; Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2012–2013. М.: ИЛД «ФОРУМ», 2013. С. 160.

на 80,3% – до 1,56 млн т. В 2016 г. в КНР было ввезено пшеницы на 13,7% больше, чем в 2015-м, – до 3,37 млн т. Согласно докладу «World: Rice – Market Report. Анализ и прогноз до 2025 года», недавно опубликованному Компанией маркетинговых исследований рынка IndexBox (Москва), в 2016 г. потребление риса в мире составило 518 млн т, показав стабильный прирост с 2007 г. в среднем 1,4% в год. За отчетный период мировое потребление риса достигло максимального объема в 2016 г. и, по прогнозам, должно было увеличиваться в ближайшем будущем ввиду роста численности населения в Азии. При этом именно Китай был страной с самым высоким потреблением риса (29%), впереди Индии (19%) и Индонезии (11%). На эти три государства вместе приходилось 59% общего мирового потребления, за ними шли Бангладеш, Вьетнам, Мьянма, Таиланд, Филиппины, Бразилия и Япония. Крупнейшим импортером риса в мире оказался также Китай. Импорт риса в мире в 2016 г. составил 26,7 млн т, на Китай приходилось 13% этого объема. Другими основными импортерами были Индонезия (5%), Объединенные Арабские Эмираты (4%), Бенин (4%) и Саудовская Аравия (4%), т. е. все вместе – 17%⁵.

Экономические реформы и сельская бедность

С 1985 г., когда китайское правительство приступило к рыночным преобразованиям в городах, по всей стране наблюдался быстрый экономический рост. Но в конце 1990-х гг. предметом озабоченности в государственном

⁵ ИА РЖД Партнер. Руб. 29.01.2018 1 URL: <https://www.rzd-partner.ru/logistics/news/import-pshenitsy-v-kitay-po-itogam-2017-goda-vyros-na-27-3-do-4-3-mln-tonn/>; www.indexbox.io: <https://www.agroxxi.ru/analiz-rynka-selskohozjaistvennyh-tovarov/risovyi-mir-kakie-strany-potrebljayut-risa-bolshe-ostalnyh.html> (дата обращения – 20 мая 2020).

руководстве и научной среде стали три проблемы китайской деревни. По Дж. Лину это: сельские районы были по-прежнему очень бедны, крестьяне жили в нужде, и над сельским хозяйством нависла реальная угроза. Упомянутые три проблемы, по сути, сводились к одной – слишком медленному росту доходов крестьян (С. 201). К тому же с началом программы реформ коммерциализировались социальные услуги, и цены на них были отпущены. Поэтому для многих крестьян образование и здравоохранение стали не просто дорогими, а практически недоступными (С. 203). Другой проблемой стало перемещение в города сельской рабочей силы, становившейся избыточной по мере рационализации сельского хозяйства применительно к условиям рыночной экономики. Прежде, согласно стратегии «отказа от сравнительных преимуществ» (т. е. при форсированной социалистической индустриализации. – Ю. А.) для предотвращения безработицы в городах незанятых приходилось отправлять в деревни – развернулось даже движение под названием «Все в деревню» (С. 93).

Такие кампании, как мы помним, неоднократно проводились в СССР. Но на постоянную работу в сельское хозяйство и местные органы управления направлялись, в основном, специалисты. А массовая нехватка рабочих рук в сезоны полевых работ покрывалась за счет тоже регулярной отправки «в колхозы» горожан: служащих, научных работников, рабочих, студентов⁶. Но характер подлинной народной драмы такая практика приобрела, как уже говорилось выше (Глава 4) в республиках советской Средней Азии в годы «борьбы» государства за «хлопковую независимость».

В Китае с конца 1970-х годов беспрецедентный рост сельского хозяйства начался в связи с введением системы «ответственности хозяйств», однако после 1985 г. этот локо-

⁶ Эта практика «подмоги» сельским труженикам прославлена Владимиром Высоцким в его песне «Товарищи ученые».

мотив больше не работал. Новой движущей силой стали поселковые и деревенские предприятия, не занимавшиеся сельским хозяйством. Соответственно число деревенских жителей, непосредственно вовлеченных в сельскохозяйственное производство, уменьшалось. Но к концу 1980-х – началу 1990-х годов опять появились новые стимулы для роста сельскохозяйственного производства. Теперь такими стали бывшие крестьяне, переехавшие в города. Значение сельско-городской миграции для повышения доходов крестьян стало еще более очевидным. В отличие от работников упомянутых выше деревенских предприятий мигранты находили работу в городах на промышленных предприятиях. Благодаря этому стали расти и спрос, и предложение сельскохозяйственной продукции.

Нетрудно увидеть, что в Китае такая свобода маневра в использовании экономических ресурсов и самой деревни, и связей между деревней и городом, городом и деревней была основана на реализации потенциала китайских трудовых ресурсов **именно как человеческого капитала** в той системе прямых и обратных связей, которые образуют рыночные механизмы. Установление новых взаимосвязей в китайской экономике Дж. Лин описывает следующим образом. Чтобы решить проблемы деревни, необходимо перемещение сельских работников в города, но при одном условии: для приезжих в городах должно быть достаточно рабочих мест. Таким образом, чтобы сельские жители могли свободно приезжать работать в города, не обременяя этим национальную экономику, стратегию развития страны требовалось скорректировать с учетом потребностей трудоемких отраслей, соответствующих сравнительным преимуществам Китая (С. 205–206). Это, – поясню, – та самая политика быстрого создания экспортных отраслей промышленности в «Особых экономических зонах» с использованием массы дешевого труда рабочих из сельско-городских мигрантов, которая подготовила и позволила развернуть стратегию общей модернизации экономики Ее

принципиально важной частью стала последовательная приватизация государственных предприятий. Проблемы, к решению которой в СССР даже и не думали приступать вообще. В современной постсоветской, все еще переходной, экономике России движение экономических ресурсов, как и в советские времена, остается и поныне в значительной мере односторонним («экстрактивным»): снизу вверх и от периферии к центру, консервируя отсталость регионов и чрезмерную зависимость спроса на рабочую силу от трудовой иммиграции.

«Новая социалистическая деревня»

Идея сделать строительство новой социалистической деревни одним из приоритетов национальной политики КНР была обнародована в октябре 2005 г. как часть XI-го пятилетнего плана. Основными целями плана объявлялись модернизированное производство, более высокие заработки, цивилизованная социальная атмосфера, чистые и опрятные поселения, демократичная администрация. К такому повороту политики государственную власть подтолкнули отрицательные явления в городской экономике, связанные с кризисом конца 1990-х годов. Порожденная им дефляция сильно ударила по экспортной промышленности, созданной благодаря подъему сельского хозяйства. Города больше не могли принимать рабочую силу из деревень, и работники были вынуждены оставаться в сельской местности. К тому же из-за неполной загрузки мощностей предприятий многие трудящиеся в городах потеряли работу, и главный удар приняли на себя именно выходцы из деревень. Т. е., – поясню, – именно те люди, которые стали ресурсом рабочей силы для быстрого создания нового сектора городской промышленности на базе трудоинтенсивных технологий НТР и глобализации. (Ю. А.). Еще больше осложняло ситуацию то, что к тому времени активный при-

ток прямых зарубежных инвестиций уже привел к бурному росту частных китайских и иностранных компаний. Со своими более передовыми технологиями и лучшим качеством продукции они стали вытеснять с рынка поселковые и деревенские предприятия. Из-за обострившейся конкуренции многие из них обанкротились, тогда как на этих предприятиях была занята существенная часть рабочей силы деревни (С. 280).

Поскольку при этом одновременно в деревню возвращались из городов бывшие мигранты, число рабочих рук и потребителей в сельском хозяйстве стало расти, а доходы крестьян, наоборот, снижаться (С. 281). Чтобы избежать дефляции и контролировать процесс урегулирования «трех проблем деревни» (т. е. сельской бедности и отсталости – Ю. А.), потребовалось решить новую задачу. А именно, направить возросшие избыточные трудовые ресурсы деревни на удовлетворение неудовлетворенного спроса сельского населения. Для этого был принят план модернизации сельской инфраструктуры. С тем, чтобы способствовать развитию экономики и улучшению условий жизни в деревне, а также сокращению разрыва между городом и деревней. При этом справедливо имелось в виду, что это приведет к стимулированию роста сельского спроса и к решению проблемы избыточных мощностей в городской промышленности, способной выпускать продукцию, необходимую деревне. Было принято во внимание и то, что эти меры активизирует новую волну свободного передвижения рабочей силы между деревней и городом, а, в конечном счете, приведут к повышению доходов крестьянства. Поскольку также стимулирование инвестиций в деревенскую инфраструктуру может порождать новый спрос, опять появится стимул к быстрому развитию сети поселковых и деревенских предприятий с местной рабочей силой, к появлению дополнительных рабочих мест и росту доходов сельских жителей. Это, в свою очередь, должно привести к новому оживлению трудоемких отраслей городской эконо-

мики, а значит, – к очередной активизации переливов рабочей силы между городом и деревней. (С. 283). Итак, – заключает Дж. Лин, – залог решения проблем деревни, включая проблему низких доходов крестьян, – урбанизация, перемещение сельской рабочей силы в города и ее занятость в легкой промышленности и сфере услуг. На первый взгляд, – считает он, – может показаться, что идея урбанизации противоречит идее развития села, но это не так. В Китае процесс урбанизации растянется надолго (С. 289–290).

Так оно и оказывается. Изначально ожидалось, что в 2020 г. по крайней мере 40% населения (около 600 млн человек) все еще будут жить в сельской местности. В 2018 г. их было 40,85%⁷. Но считается, что к 2050 г. ресурс заселения больших городов может быть исчерпан, и этот показатель снизится до несколько более 30% населения (около 400 млн человек). Вот почему, считает Дж. Лин, урбанизация и строительство новой деревни – процессы отнюдь не взаимоисключающие. Материальной основой «новой социалистической деревни» должно стать современное сельское хозяйство. По мере развития экономики и в ходе урбанизации численность сельской рабочей силы должно постепенно сокращаться. Чтобы расширять сельскохозяйственное производство, удовлетворить внутренний спрос и обеспечить высокие доходы крестьян, требуется постоянно повышать производительность отрасли. По мере же реализации программы строительства новой социалистической деревни акцент будет смещаться на социальную инфраструктуру в сельской местности, включающую в себя здравоохранение и образование (С. 291). Еще один способ сокращения разрыва в доходах между городом с деревней и между регионами страны – развитие единого национального рынка (С. 206–207). Во времена плановой экономики не было органичной связи между восточной, центральной и

⁷ https://ru.theglobaleconomy.com/China/Percent_urban_population (Дата обращения – 20 мая 2020).

западной частями страны. Ресурсы целенаправленно перемещались между регионами в интересах развития тяжелой промышленности. При этом государство искусственно занижало цены на основные продовольственные товары и минеральное сырье. Поэтому чем быстрее развивался восточный регион, чем больше он получал сельскохозяйственной продукции и минеральных ресурсов из центрального и западного регионов, тем больше слабее развитые регионы субсидировали более развитые. (Напомним в связи с этим – см. главы 3 и 4 – о существовании в СССР вертикальной дифференциации регионов и отраслей экономики по категориям централизованного снабжения хозяйственными ресурсами. – Ю. А.). В целом, характеризуя логику последовательности китайских реформ, Дж. Лин отмечает: реформы в КНР проводились постепенно. По меткому выражению Дэн Сяопина, это была «переправа через реку по осторожно нащупываемым камням. Изначально какой-либо детально продуманной концепции просто не существовало. Хозяйство страны предполагалось сделать в целом все же плановым – лишь с определенными элементами рынка. Но идущие постепенно реформы подводили Китай все ближе и ближе к рыночной экономике» (С. 226).

Как видим, одним из важных, если не важнейшим, направлением модернизации Китая стало вовлечение его огромных трудовых ресурсов в экономическую жизнь как крестьян-фермеров, постепенно создававших различные виды добровольной кооперации; предпринимателей и работников сельской промышленности; сельско-городских мигрантов, включаемых в трудоемкие отрасли прежде всего, экспортной промышленности и в сферу услуг. Это и есть **то самое исходное естественное преимущество, на котором постоянно фиксировал внимание Дж. Лин.** Разумеется, именно **исходное** преимущество, поскольку по мере модернизации городской (индустриальной и постиндустриальной) экономики ее отрасли одна за другой превращаются в сферы, не требующие (в отличие от про-

шлого) постоянной перекачки в них все новых ресурсов и, наоборот, становящиеся драйверами экономического роста. Но особенность Китая как страны с огромным населением, требует постоянной связи между урбанизацией и строительством «новой социалистической деревни» – как базы модернизации сельского хозяйства и движения продуктов, технологий и трудовых ресурсов между деревней и городом. Тем самым обеспечивается формирование единого экономического пространства страны с активной диверсифицированной экономической деятельностью⁸.

Другая модель экономики утвердилась в постсоветской России. До конца советской власти она характеризовалась постоянным и нараставшим дефицитом рабочей силы во всех отраслях (сельском хозяйстве, промышленности, сфере услуг) при экстенсивном росте и низкой производительности труда. Такие ее характеристики оказались фоном последующей перестройки экономики по рыночным законам. Ее особенностью по сравнению с китайским опытом стали, во-первых, большая доля участия государства в производстве (от трети до половины и более по разным оценкам). Доминирование при этом государства в стратегических отраслях и банковской сфере, а также многообразные виды прямого и косвенного контроля его над частным сектором⁹. Во-вторых, определяющая роль сырьевых отраслей в ВВП и экспорте по сравнению с понесшей большие потери обрабатывающей промышленностью. В-третьих, консервация в строительной отрасли и сфере услуг трудоемкой модели с активным привлечением малоквалифицированных трудовых мигрантов. В-четвертых, подавление

⁸ КНР находится на 27-м месте по индексу глобальной конкурентоспособности. В 2018 году страна заняла 46-е место из 190 в рейтинге Doing Business, отражающем степень легкости ведения предпринимательской деятельности. // Бюллетень о текущих тенденциях мировой экономики. Февраль 2019. 41 // Аналитический центр при Правительстве РФ. URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/20868.pdf>- (дата обращения – 25.09.2019).

⁹ См. Агеева О. МВФ оценил долю государства в российской экономике (гл. 4, ссылка 9) .

свободы малого и среднего предпринимательства. В-пятых, концентрация (подобно развивающимся странам) экономической деятельности в столице, а также нескольких регионах добычи сырья и (с существенным отставанием) региональных центрах. Обратной стороной такой «медали» оказался уход большей части экономики в «тень»¹⁰.

Противоречия быстрого экономического роста

В Китае ко времени начала «политики реформ и открытости» одной из главных проблем (наряду с «плохой координацией и слабыми стимулами») были структурные дисбалансы. Они проявлялись в одновременном сосуществовании дефицитов и излишков. Государство направляло ресурсы в ту или иную проблемную отрасль только тогда, когда некоторые товары – например, сельскохозяйственная продукция – оказывались уже в таком дефиците, который угрожал устойчивости общества. Но как только ситуация немного выправлялась, инерция старой системы брала свое, и поток ресурсов устремлялся в прежнем направлении – в тяжелую промышленность (Дж. Лин. С. 212). Что касается человека в экономике, то здесь важной мерой стало (как и в СССР времен Сталина и Хрущева) стимулирование трудового энтузиазма посредством политической мобилизации. Доходы работников находились примерно на одном уровне вне зависимости от того, сколько усилий они прилагали, поэтому, естественно, производительность труда была низкой. Пытаясь решить эту проблему, государство призвало весь народ следовать примеру Лэй Фэна – солдата, прославившегося своим бескорыстным трудом. При этом работодатели обязывались поощрять образцовых работников (С. 214).

¹⁰ По данным Росстата, в неформальном секторе работает 15,25 миллиона человек, или более 20% занятых в экономике. В 2018 г. скрытый фонд оплаты труда составлял более 13 трлн руб. (12,6 % ВВП). См. главу 4.

С тех пор Китай прошел через три этапа экономических реформ и у каждого из них был свой стержень:

Восьмидесятые годы: реформирование аграрного сектора с упором на семейный подряд; быстрый рост сельской промышленности.

Девяностые годы: создание сектора трудоинтенсивных предприятий экспортной ориентации; начало реформирования государственного сектора и усиленная поддержка частного предпринимательства.

Двухтысячные годы: переход к модернизации тяжелой промышленности; вступление в ВТО и активная экспансия на внешние рынки.

В 2013 году в соответствии с решениями XVIII Съезда КПК, активизировался поиск новой модели экономического роста, сбалансированной в большей степени, чем та, что до того была ориентирована в первую очередь на экспортные отрасли хозяйства страны. Китайская экономика и в начале второго десятилетия росла очень быстро, хотя и несколько менее высокими темпами.

Человеческий капитал

На протяжении всех этих лет менялась и меняется роль человеческого капитала в экономике. Либеральная аграрная реформа определила дальнейшие перспективы многосотмиллионного китайского крестьянства. По логике теоретических рассуждений Дж. Лина, можно сказать, что реформа способствовала активизации крестьянской массы в качестве изобильного экономического ресурса, который предстает на данной стадии реформ как естественное (или конкурентное) преимущество по сравнению с другими экономическими ресурсами и факторами производства. В ходе аграрной реформы сначала была установлена «ответственность крестьянских производственных бригад» в отношениях с государством. Но вскоре на смену ей пришла

«ответственность отдельного хозяйства» (С. 191). О том, что в результате этого начался и продолжался бурный рост китайского сельского хозяйства и столь же интенсивное развитие сельской промышленности было сказано выше, как и о том, какое это имело значение для перехода экономических преобразований на более высокие стадии.

Китайская экономика росла очень быстро, хотя темп ее роста несколько замедлился. Но он поддерживался за счет аномально высокой нормы накопления и искусственно заниженного уровня конечного потребления при расточительном использовании хозяйственных ресурсов. То есть в очередной раз за счет понижения активности человеческого капитала как главного на то время естественного преимущества в стране. Энергоемкость ВВП была в 2,6 раза выше среднемировой, а производительность общественного труда (соотношение занятости и ВВП) составляла лишь немногим более 20% от уровня США¹¹. В конечном счете, инвестиционная накачка экономики перестала давать ожидаемые результаты. В период мирового финансового кризиса с замедлением роста внешнего спроса на китайские поставки усугубилась проблема слабо развитого внутреннего рынка. Традиционно высокая норма накопления и возрастающая роль экспорта в экономике повлекли за собой относительное сокращение влияния внутреннего спроса: в 2000 г. в структуре ВВП на долю конечного потребления приходилось 63,6%, а в 2008 г. – этот показатель составил лишь 49,2%. В то же время валовое накопление капитала в 2008 г. достигло 43,2% ВВП (после 34,3% в 2000-м), чистый экспорт увеличился до 7,6% ВВП (после прежних 2,4%). На XVIII съезде КПК в ноябре 2012 г., было принято решение о смене модели роста – отныне она

¹¹ Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура 2012–2013. М.: ИД «ФОРУМ», 2013. С. 211–212; Портяков В. Трансформация модели экономического роста в Китайской Народной Республике: современные тенденции и перспективы // Проблемы Дальнего Востока. М., 2014, № 4. С. 57; Бергер Я. Новый этап экономического развития Китая (к итогам 3-го пленума ЦК КПК 18-го созыва) // Проблемы Дальнего Востока, 2014, № 2. С. 50.

должна была ориентироваться на расширение внутреннего потребительского спроса. Доля конечного потребления в структуре ВВП (домохозяйств и государственного сектора) к 2017 г. несколько выросла (до 53,6%), что было в основном обусловлено снижением вклада чистого экспорта по сравнению с докризисным состоянием. Тем не менее, по данным компании Euromonitor International, доля расходов на потребление домашних хозяйств в КНР остается существенно ниже среднемировой. Значение показателя на протяжении более десятилетия не превышает 40%, тогда как в среднем по миру он составляет свыше 55%. В реальном выражении темпы прироста расходов на конечное потребление домохозяйств в 2013–2017 гг. замедлились в среднем до 6–7,5% ежегодно после 8,3–11% в 2008–2012 гг. Доля расходов населения в структуре ВВП достигла своего локального минимума в 2010 г. на отметке 35,6%, а к 2017 г. увеличилась на 3,4 п.п.¹²

Социально-экономические противоречия

Описанное положение повело в Китае к очередному обострению не только экономических, но и социальных противоречий. Уменьшалась доля населения трудоспособных возрастов и становилось больше иждивенцев, а значит и росла нагрузка на работающих граждан. Ухудшалось качество сельских трудовых ресурсов, и одновременно начался рост стоимости рабочей силы в городах. В последнем случае это происходило по мере развития отраслей городской экономики, требующих более квалифицированного труда, чем сборочные и другие трудоинтенсивные производства с применением большого количества малоквалифицированной рабочей силы. Китай – самая многонаселенная

¹² Данные приводятся по: Замедление роста экономики Китая // Бюллетень о текущих тенденциях мировой экономики. Выпуск № 41, февраль 2019. С. 9–10. URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/20868.pdf> (дата обращения – 12.05.2020)

страна мира. По данным Бюро статистики КНР, в 2017 г. его население составило 1,4 миллиарда. Однако в последние годы благодаря различным регулирующим демографическим программам рост населения несколько замедлился. По оценкам ООН, по этому показателю к 2024 г. Китай уступит Индии. Среднегодовой темп естественного прироста населения в КНР сократился с 1,1% в 1990–1999 гг. до 0,56% в 2000–2017¹³. Вместе с тем для него характерна проблема старения населения. С 1990-х растет доля лиц пенсионного возраста, а за 2000–2017 гг. этот показатель практически удвоился и к концу периода достиг 11,4%. Тем самым была увеличена демографическая нагрузка населения пенсионных возрастов с 8,3% в 1990 г. до 9,9% – в 2000 г. и 15,9% в 2017 г. Большая средняя продолжительность жизни (76,3 лет в 2016 г.) и старение населения при сравнительно слабом развитии социального, пенсионного и медицинского страхования может стать немалой преградой на пути дальнейшего социально-экономического прогресса страны. Причем, повышение доли жителей пожилых возрастов не только усиливает нагрузку на трудоспособное население, но и стимулирует рост нормы сбережения, что противоречит планам правительства сделать потребление населения новым локомотивом роста. Несмотря на то, что планируется увеличить долю населения, охваченного пенсионной системой путем укрупнения пенсионных фондов и привлечения инвестиций в сферу социального страхования, пока этот вопрос остается нерешенным, а почти половина пожилых граждан вовсе не получает пенсий¹⁴.

В Китае существует три типа пенсий. Наиболее распространенный: пенсия образуется из взносов граждан в виде отчислений от заработной платы. Работник перечисляет в пенсионный фонд 8% от заработной суммы, работодатель – 20% от фонда заработной платы. Кроме того, каждый

¹³ Там же, график 4.

¹⁴ Замедление роста экономики Китая. С. 15–16.

человек может открыть накопительный счет. Есть и другие дополнительные пути финансирования пенсий. Например, через Национальный фонд социального обеспечения. Второй тип пенсии: его получают чиновники, которым доплачивает государство. Наконец, минимальное государственное пособие получают сельские жители, не имеющие доходов, а также безработные городские жители. Такое пособие равно в среднем по стране 600-700 юаней (около 5600–6500 руб.), но кое-где достигает 1200 юаней примерно 11 200 руб.). Пенсионные фонды формируются в регионах. Например, разница в размере пенсий для обитателей Шанхая и Синьцзян-Уйгурского автономного района может быть восьмикратной¹⁵.

Проводимая с 1980 г. политика «одна семья – один ребенок» создала свои проблемы¹⁶. Произошел существенный перекося демографического баланса: в 2012 г. в стране было 51,3% мужчин против 48,7% женщин. Это породило ряд тяжелых социальных и психологических последствий для населения: рост проституции, торговли детьми, гомосексуализм, СПИД, ущерб, наносимый психологическому здоровью молодых мужчин. По прогнозам, для сохранения баланса требуется поддерживать рождаемость на уровне 1,8%. А это приведет к приросту населения в 1–2 млн чел. в год, т. е. чревато рядом других экономических и социальных проблем. К их числу, помимо прочего, относится углубление пропасти между богатыми и бедными. По данным исследования, проведенного Пекинским университетом в 2012 г., 1% семей с высшим уровнем доходов контролирует более 1/3 богатства страны, в то время как на 25% семей, принадлежащих к самой малообеспечен-

¹⁵ Забродина Е. Поднебесная, но не заоблачная // Российская газета, 28.07.2018 – Неделя №7625 (162).

¹⁶ Нарушителей правил штрафовали, лишали бесплатного медицинского обслуживания, женщин порой заставляли делать аборт. Крестьянам разрешалось завести двух детей, если первым ребенком была девочка. Национальным меньшинствам было позволено иметь больше детей. В народе такой курс нарекли «политикой 1,5 ребенка».

ной страте, приходится лишь 1% национального состояния. Главной причиной этого авторы доклада называют разрыв в уровне доходов между городом и деревней и между различными регионами¹⁷.

Основные показатели неравенства и бедности в Китае в 2008 и 2012 гг.:

Доля дохода, принадлежащая первому децилю – 2–2,1; первому квинтилю – 5,1–5,2; второму квинтилю – 9,5–9,8; третьему квинтилю 14,6–14,8; четвертому квинтилю – 22,2–22,3; пятому квинтилю – 48,5–47,9; десятому децилю – 31,8–31,4.

Удельный вес населения, проживающего менее чем на 1,9 долл. США в день составляет 12,1–14,7%. Однако несмотря на то, что социальное неравенство с начала XXI в. продолжает расти, бедность в стране все же сокращается. Тем не менее, в бедности до сих пор живут миллионы людей. По оценкам Всемирного банка, в 2012 г. 60,5% населения Китая проживали менее чем на 5,5 долл. США в день, а за чертой крайней бедности (менее чем на 1,9 долл. США в день) – 14,7% населения¹⁸.

С 1 января 2016 г. вступил в силу новый закон, по которому супружеским парам разрешается иметь второго ребенка, хотя ограничения на следующие рождения сохраняются. Национальная комиссия по семейному планированию прогнозирует, что в течение последующих пяти лет будет каждый год рождаться примерно на 3 млн детей больше, чем раньше, и к 2050 г. рабочая сила увеличится примерно на 30 млн человек. Проблема уменьшения числа рабочих рук и старения населения особенно остро стоит в аграрных районах страны. Оттуда наблюдается большой отток мигрантов в процветающие прибрежные провинции. Поворот в семейном планировании в Китае некоторые

¹⁷ Почагина О. Изменение политики «одна семья – один ребенок» в Китае – причины и ожидаемые результаты // Проблемы Дальнего Востока. М.: ИДВ РАН, 2014, № 3. С. 94–104.

¹⁸ Замедление роста экономики Китая. С. 17.

ученые называют самым крутым демографическим экспериментом в мировой истории. Но выполним ли этот эксперимент? В Китае на репродуктивное поведение населения воздействовали не столько запретительные меры, сколько изменившаяся экономическая и социальная обстановка. Так произошло на Тайване, в Южной Корее. Поначалу новые условия жизни сдерживали рост населения, а потом в семьях сами собой установились нормы – иметь одного ребенка, а не двух. Сказались такие факторы, как расширение прав женщин, повышение уровня образования. И, добавим от себя, все более определенный поворот городского населения от стратегии выживания к жизненным стандартам среднего класса. «В Китае, – считает В. Скосырев («Независимая газета»), – ситуация зашла настолько далеко, что повернуть ее вспять можно только с огромным трудом и дополнительными усилиями. Старение населения и убывание работоспособных возрастов в демографической пирамиде – это всерьез и надолго»¹⁹.

В итоге, в Китае на смену стратегии использования для целей промышленного импортозамещения при помощи массовой кооперации дешевого труда пришел курс на вовлечение рабочей силы страны в экономическую модернизацию с **повышением ее человеческого капитала**. Но при этом возникли новые трудности. Во многом как отзвуки прошлого, но, все более, и как проблемы перехода человечества от индустриальных экономик через глобализацию к постиндустриальному миру с наступающей Четвертой технологической революцией. Именно поэтому экономисты, практики и теоретики, все активнее пересматривают свое отношение к людским ресурсам человечества как к более сложному объекту, чем только «фактор производства труд», или “человеческий капитал” в традиционном узком экономическом смысле этого понятия.

¹⁹ Скосырев В. Партия призывает китайцев плодиться и размножаться // Независимая газета. 23.09.2016 .

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Трагические события возникшей в 2020 г., вирусной пандемии заставляют подвести на время черту под темой исследования. И в стране и повсеместно в мире началось снижение экономической активности, ограничиваются и нарушаются сложившиеся связи национального и глобального разделения труда. На передний план выдвинулась проблема судеб людей – роста безработицы и падения доходов, вплоть до потери источников средств существования. В нашей стране в центре обсуждения неожиданно для многих политиков и ученых оказался вопрос: где то главное звено, за которое надо потянуть, чтобы правильно выстроить путь прохождения через кризис? И так, чтобы создать предпосылки для возобновления экономического роста, которого в стране фактически не было 10 лет. Тогда как Китай, который те же 10 лет назад в два раза уступал России по доходам на душу населения, сумел за это время ликвидировать это отставание.

Дискуссия охватила большой круг тем – чисто человеческих, социальных, экономических, политических, идеологических. Отдавать ли, как было до сих пор, начиная еще со сталинской индустриализации, приоритет крупным отраслям и предприятиям, которые формируют несущие конструкции современной экономики страны? Либо, может быть, пора сделать больший, чем прежде, упор на малый и средний бизнес? Так, как это делается во всех экономически успешных и устойчивых странах мира, Поскольку по своей природе он обладает широкими возможностями, с одной стороны, обеспечивать выживание людей на уровне «корней травы». И при том «рождать капитализм (*то есть рыночную экономику* – Ю. А.) ежедневно и ежечасно», чего так в свое время боялся в российском крестьянстве В. И. Ленин, а в Китае, позже, Предсе-

датель Мао. В Китае, однако, впоследствии возвращенное к фермерству крестьянство и сельская промышленность создали массовую опору для экономического рывка в мировую экономику. А в постсоветской России после первых либеральных реформ предпочтение было отдано государственному капитализму олигархического типа, что сделало экономику страны и ее народ заложниками мирового рынка сырьевых товаров и собственной бюрократии, а состояние большинства населения – весьма неустойчивым. Тем более, что, в отличие от передовых стран, сегодня в нашей стране участие крупного бизнеса в экономике очень велико, а вклад инициативы людей (человеческого капитала) слишком мал.

По оценке Росстата на 2017 г., опубликованной в Интернет-портале РБК в 2019 г., доля малого и среднего бизнеса в экономике нашей страны составляла 21,9%. Согласно его данным, в 2014 г. этот показатель был равен 19%, в 2015 – 19,9, в 2016-м – 21,6%. В отличие от таких невысоких российских показателей доля малого и среднего бизнеса в ВВП развитых стран составляет 50–60%. Так, по данным Института экономики роста имени П.А. Столыпина, в Великобритании доля малых и средних предприятий в ВВП – 51, Германии – 53, Финляндии – 60, Нидерландах – 63¹. В США малый бизнес дает половину ВВП. При этом из 28 млн малых фирм только в 7 млн есть наемный персонал. При этом малый бизнес США все же нуждается в постоянной поддержке. И, в отличие от нашей страны, он получает поддержку по четырем федеральным программам, которые действуют еще с конца 1940-х годов. Цель этих программ: способствовать доступу предпринимателей к капиталу, образованию, помощь в получении госзаказов, защита в судах и на уровне законотворчества. За соблюдением программ следит Конгресс, а президенту раз в год

¹ Средние, малые предприятия (включая микропредприятия) и индивидуальные предприниматели. URL: <https://www.rbc.ru/economics/05/02/2019/5c5948c59a794758389cfd7> (Дата обращения – 13.05.2020).

представляют особый доклад “о малом бизнесе”»². Наконец, в Китае – втором из объектов нашего исследования, сектор малых и средних предприятий составляет фундамент экономики. На него приходится 97% всех предприятий страны, 60% ВВП и 80% от общего числа трудоустроенных горожан. Они играют ведущую роль во многих отраслях промышленного производства, а также в оптовой и розничной торговле³.

Если в России следовать по такому же пути, это означало бы, наподобие «лихих» 1990-х годов, нечто вроде очередного – теперь уже третьего – «НЭПа». То есть последовательное смещение акцента с олигархического госкапитализма в системе крупных предприятий на структуры рыночной экономики, в которой более значимую роль будут играть малый и средний бизнес, отношения спроса – предложения и всяческое стимулирование прямых инвестиций в экономику. Разумеется, для России уже давно, после коллективизации, затем военных потерь и центростремительного оттока населения из большинства регионов, проблемный характер приобрело оживление предпринимательской инициативы «глубинки». В этом отличие нашей страны от Китая, где именно раскрепощенной инициативой и усилиями крестьянства и частного бизнеса за 1980–1990-е годы был создан фундамент для возведения на нем открытой миру современной многосекторной и многоотраслевой экономики. Поэтому тот факт, что за последние десять лет российская экономика практически не росла, а Китай ликвидировал двукратное отставание от нее на душу населения, должен бы подталкивать российских государственных стратегов к структурным реформам. Это предполагает

² Артюхин Е. «Кустарная» доля американского бизнеса // Российская бизнес-газета. 06.03.2007. URL: <https://rg.ru/2007/03/06/biznes.html>. (Дата обращения – 13.05.2020).

³ Малый и средний бизнес Китая переживает острый дефицит заемных средств // Dr.ru Сайт (электронная версия г. «Деловой Петербург»). 18.12.2018. URL: www.dr.ru/a/2018/12/18/Malij_i_srednij_biznes. (Дата обращения – 13.05.2020).

активизировать, как и в 1990-е годы, после краха плановой системы, слабо используемый ресурс предпринимательской инициативы трудящихся – потенциально самого динамичного и жизнеспособного элемента человеческого капитала страны.

Такое решение соответствовало бы общемировой тенденции переноса усилий в развитии экономик и социумов с маневрирования крупными «ударными» капиталовложениями, материальными ресурсами и рабочей силой как объективными факторами производства на развитие человеческого капитала. Включая и его модернизацию в ипостаси субъекта социального капитала, т. е. профессиональную и гражданскую самоорганизацию. Чтобы унаследованный современной Россией от социализма тип работника экстенсивной промышленной экономики с низким уровнем заработной платы и зависимостью от уравнительного «собеса» сменили субъекты экономики с растущим человеческим и современным социальным капиталом.

Summary

The monograph explores the former socialist and now transitional societies in the movement from economic centralization and state planning to economic freedom. To a new environment in which people have the potential to intensify and diversify their economic behavior. For this purpose, the tendencies of enrichment of the political economic category "human capital" with the progress of the social division of labor and globalization of the world economy are considered. Of all the transitional economies, Russia and China are at the center of the study. First, as the two largest transition economies. Secondly, because during the years of socialism, they were the ones who went the furthest along the path of large-scale and deep social transformations with ambiguous consequences. The book shows that for all the differences between Russia and China have a common feature. This is crucial, which in each of them has human capital in terms of prospects for building a modern dynamic economy. The following factors are taken into account: first, the features of socio-economic changes in both countries during the years of socialist reforms. Secondly, the objectives and content of the first liberal reforms. Third, differences in the content and outcomes of subsequent economic strategies. It also takes into account those differences in the rates and results of economic policies of both countries, which have a significant impact on the characteristics of human capital in the economy of each of them.

The monograph consists of an Introduction, seven chapters and a Conclusion. The first two chapters are devoted to the theoretical interpretation of the category "human capital" in modern political economy and in the political economy of socialism. The following chapters examine the real changes that workers underwent as human capital in Soviet Russia and in the period of post-socialist transformation (chapters 3–5). Similar issues with regard to China are discussed in chapters 6–7. In Conclusion, progressive, but not devoid of significant contradictions

changes in the human situation in the economy of both countries are stated. The link between the state of the human capital of both countries at the beginning of the transition period in each of them and the subsequent development of events is particularly noted.

Научное издание

АЛЕКСАНДРОВ Юрий Георгиевич

**ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ
В ПЕРЕХОДНЫХ ЭКОНОМИКАХ.
РОССИЯ – КИТАЙ**

Редактор А. З. Алмазова
Корректор *М. Я. Колесник*
Верстка *Н. В. Макеева*

Подписано 31.08.2020
Формат 60х90/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 14,75. Уч.-изд. л. 11,1
Тираж 500 экз. Зак. № 429.

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН
107031 Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский отдел
Зав. отделом И. В. Федулов
E-mail: ivran.izd@gmail.com

Отпечатано в ПАО «Т8 Издательские Технологии»
г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корп. 5